Самия Шарифф

Паранджа страха

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Эта книга автобиографическая. Однако из соображений конфиденциальности имена многих действующих лиц, а также некоторые детали, которые помогли бы установить подлинность имен, изменены.

Предисловие

Ясным морозным январским днем я получила рукопись Самии Шарифф.

В общих чертах я знала, что это история женщины алжирского происхождения, матери шестерых детей, которая рассказывает о выпавшей ей нелегкой судьбе и смелом побеге из своей страны.

Издатель просил меня прочитать роман, а также, если будет время, написать к нему предисловие. Я начала читать и вскоре ощутила страх, но некая сила заставляла меня продолжать чтение — одну за другой проглатывать эти наполненные эмоциями страницы.

С первых строк меня буквально увлек какой-то водоворот, и лишь мысль, что должно же рассказчице когда-нибудь повезти, заставляла меня держаться на плаву.

Чтобы пройти сквозь череду женских образов, так или иначе связанных с горестями Самии, понадобилось гораздо больше времени, чем я предполагала вначале. Словно волны бурной реки, проносились передо мною ее воспоминания. Я представляла себе Самию то совсем маленькой девочкой, нелюбимой родителями, то тихим подростком — родительской ошибкой, досадным недоразумением, заслуживавшим лишь укоров и пинков. Помешать видеть, желать, мечтать или, что всего хуже, лишить надежды на иную жизнь, отличную от той, которую обречена вести она, повинная в своем

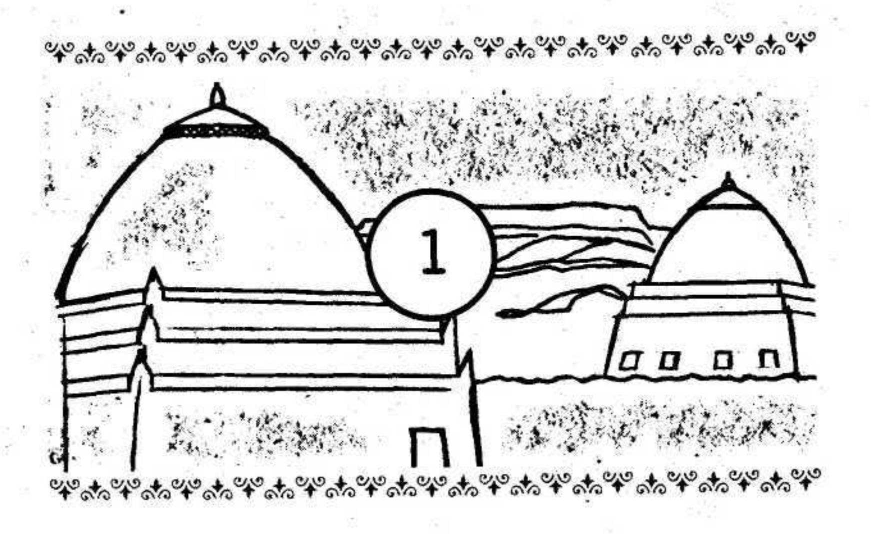
собственном рождении, — «дьявольское искушение» или в лучшем случае просто пустое место.

Однако эта книга — не обычное перечисление бед и неудач. Это прежде всего роман о беспримерной храбрости. Самия Шарифф стала рупором тысяч несчастных женщин, обреченных скрывать свой страх, — женщин с изломанными судьбами.

Самия Шарифф, ее замечательные дочери Нора и Мелисса, близнецы Элиас и Риан, которых она с восхищением называет своими героями, и последний ее ребенок, малыш Захария, пересекут множество границ, тысячу и одно препятствие на своем пути, чтобы наконец попасть сюда, в Монреаль, *к себе домой,* и обрести самое дорогое из всех благ — мир и свободу.

Эта история со счастливым концом порадует читателя, освободив от захватывающего напряжения.

Линда Тали,
писатель, переводчик
www.lyndathalie.com

Детство

Сколько себя помню, я постоянно слышала от матери одну и ту же фразу: «В чем провинилась я перед Всевышним, что он наградил меня дочерью?»

Эта фраза, слышать которую было невыносимо, стала ее любимой жалобой. Мне же было не из чего выбирать, я ничего не могла поделать, кроме как оставаться девчонкой. Теперь, когда ее зловещее причитание превратилось в чуть слышный далекий отзвук, я горжусь тем, что смогла преодолеть разрушительную силу этих больно ранивших слов.

То, что я родилась девочкой в семье исповедующих ислам алжирцев, определило мою судьбу с первых мгновений жизни. Сколько потребовалось времени и сил, чтобы отвоевать свою свободу, чтобы стать личностью! Зато теперь я горжусь женщиной, которой стала!

Еще в раннем детстве я узнала, что быть девочкой нежелательно, но не знала почему. Когда мне исполнилось пять лет, я захотела это выяснить.

— Мама, почему ты меня не любишь?

Мать бросила на меня презрительный взгляд.

— И ты еще спрашиваешь! Будто сама не знаешь, почему родители предпочитают дочерям сыновей, — ответила она категорично и заставила меня сеть рядом.

Момент, видимо, был важным, коль меня удостоили такого внимания.

— Видишь ли, Самия, матери не желают иметь дочерей, потому что от дочерей их семьям нечего ожидать, кроме позора и бесчестья. Матери должны их кормить и постоянно следить за тем, чтобы дочери вели себя достойно. Пока этим не займутся их мужья. Дочери — источник постоянной заботы.

Я была заинтригована: почему всех матерей на свете так тревожит слово *бесчестье*.

— Что значит бесчестье?

— Тихо ты! Беду накличешь! Тебе еще рано думать об этом. Сейчас ты должна слушать мать и хорошо себя вести. Только и всего. Придет время — я все тебе объясню. А пока будь умницей. До тех пор, пока не выйдешь замуж.

— Замуж? Но я не хочу замуж, мама. Я хочу вырасти и заботиться о вас с папой, когда вы станете старенькими.

— Это невозможно. У нас четверо сыновей, а если захочет Господь, будет еще больше. Они позаботятся о нас. Ты девчонка. Твой долг заботиться о муже.

В мусульманских странах появление на свет мальчика считается благословением свыше, рождение же девочки,

Паранджа СТРАХА GNTO ··· (Лэ^кяЛэ + <ws + <т> г «Тп г sSs + <w> ··· 13
стало быть, проклятием. В нашей семье это было особенно заметно. Девушка-мусульманка не знает, что такое свобода выбора. На протяжении всей жизни за неё будет отвечать мужчина. Сначала отец, потом муж. Для родителей она просто обуза. И так из поколения в поколение, отчего девушка-мусульманка сама воспринимает себя как ходячее наказание за грехи. Таким наказанием для семьи была и я — средний ребенок в семье. Между двумя старшими и двумя младшими братьями.

Мои родители, иммигранты-алжирцы, приехали во Францию в конце пятидесятых и поселились в относительно благополучном пригороде Парижа. Здесь я родилась и провела первые годы жизни. Мой отец был богатым фабрикантом, сделавшим состояние на текстиле. Имел он интересы и в ресторанном бизнесе.

Мою единственную подругу звали Амина. Ее родители — тоже иммигранты с алжирскими корнями, только бедные. Отец Амины работал мусорщиком. Считая эту семью недостойной нашего высокого социального статуса, моя мать приходила в ужас от того, что я хожу в гости к подруге. Мне было шесть, когда я поняла, что завидую Амине: несмотря на нужду, ее окружали любовь и внимание родителей.

Как-то раз за игрой в куклы Амина затеяла спор о значении наших имен.

— У меня имя лучше, чем у тебя!

— Нет, у меня лучше, — тут же ответила я.

Говоря по правде, я не любила свое имя. Оно казалось мне старомодным и грубым для моего возраста. Но не могла в этом признаться, поскольку не желала оставлять первенство за подругой.

— Мое имя красивее. Мама выбрала его, потому что так звали ее лучшую подругу, которая живет в Тунисе. Она хотела, чтобы я была такой же красивой и умной. Мама сказала, что я обязательно стану такой! — торжественно продолжала Амина.

— Нет, мое! Моя мама тоже назвала меня не просто так, — сказала я, убежденная в собственной правоте.

Чтобы не отстать от подруги, пришлось выдумывать. Амина сказала правду — я чувствовала это и решила разобраться в этом вопросе.

Возбужденная мыслью узнать происхождение своего имени, я поспешила к матери.

— Мама, расскажи, пожалуйста, как я родилась?!

— Нечего рассказывать. Это был самый ужасный день в моей жизни! — угрюмо ответила она.

Мне стало ее жалко.

— Я знаю, мама, тебе было больно из-за меня!

Мать сдвинула брови и поглядела на меня с напряжением.

— Больно? Еще бы. Но больнее было душе. В день, когда ты должна была появиться на свет, твой отец заключал выгодную сделку, и вместо него в больницу меня повезла соседка. Когда доктор сказал, что родилась девочка, мне показалось, что небо обрушилось на голову. Я предчувствовала разочарование твоего отца, боялась испортить ему настроение после подписания выгодного контракта. Поэтому я попросила соседку выбрать тебе имя.

— Как было бы хорошо, если бы ты сама назвала меня. Как мою подругу. Мама сама назвала ее Аминой.

— Это не важно. Главное, что теперь ты любишь свое имя, — равнодушным тоном заключила мать.

Мои иллюзии были развеяны. «Я ненавижу свое имя!» — сквозь слезы твердила я самой себе.

Однажды, когда я была в гостях у подруги, ее отец принес красивую куклу с длинными светлыми волосами, которую он отыскал в каком-то мусорном баке. От радости Амина бросилась к нему в объятия.

— Ну как, довольна? — спросил он с улыбкой.

— Да, папа. Ты самый лучший на свете. Смотри, Самия, какая у меня красивая кукла.

— Она очень красивая, Амина, а твой папа самый лучший на свете.

Возвращаясь домой, я думала о том, что моей подруге очень повезло. Я только переступила порог, как мать схватила меня за ухо.

— Где ты таскаешься?

— Я была у Амины. Смотрела куклу, которую принес ее отец. Я не сделала ничего плохого.

— Еще бы ты что-то сделала! Но мне не нравится, что ты ходишь в дом к мусорщику. Держу пари, что он нашел ее на свалке... Или я не права?

— Права, но кукла совсем чистая. Мать Амины хорошо ее вымыла.

— А ты бы стала играть куклой, которую нашли среди объедков?

— Если ее даст мне отец, если она будет такой же красивой, — да, я буду ею играть.

— Отец никогда не унизится, чтобы подарить тебе подобную игрушку, — высокомерно заявила мать.

Она отвернулась от меня, возвращаясь к прерванным делам. Услышанное сбило меня с толку, поэтому я пошла следом.

— Почему он никогда не дарит мне подарки? Ведь он может мне что-то купить, чтобы доставить удовольствие.

— Удовольствие? Тебе? А ты… что сделала ты, чтобы доставить удовольствие своему отцу?

— Я послушная и хорошо себя веду.

— Знаешь, что действительно доставило бы ему удовольствие?

— Нет! Пожалуйста, скажи мне!

— Если бы ты вообще никогда не рождалась, — раздраженно ответила мать.

В тот вечер я решила попросить у отца куклу и рассказала об этом Малеку, своему младшему на год брату. Он попытался отговорить меня от подобной затеи, ведь по вечерам отец всегда выглядел уставшим.

— Давай лучше играть с моим гаражом! — предложил он с готовностью.

Но ничто другое меня не занимало. Одна только идея — тоже показать свою куклу подруге.

Вернувшись с работы, отец прошел в гостиную и удобно устроился в своем любимом кресле. Каждый вечер мать приносила тазик, наполненный теплой водой, в которую отец окунал уставшие ноги.

Когда я вошла, он сидел закрыв глаза, а мать стоя на коленях мыла ему ступни. Не самое удачное время приближаться к отцу — он мог рассердиться и, чего доброго, ударить меня.

Я вернулась в свою комнату и написала ему о своем желании: «Папа, я тебя люблю и хочу куклу. Ты самый лучший папа на свете!» Записку я сунула отцу под подушку. Ложась спать, я надеялась, что отец все-таки подарит мне вожделенную игрушку.

Некоторое время спустя в комнату вошла мать.

— Это ты написала?

— Да, — ответила я R полусне.

— Что ты ему написала?

— Что прошу у него куклу.

— Ты разве не знаешь, что он не читает по-французски? Или думаешь, если умеешь читать, можешь насмехаться над отцом?

— Нет, мама. Я думала, что папа умеет читать на многих языках.

Само собой разумеется, мои действия были истолкованы превратно и меня заподозрили в злом умысле, а ведь я всего-навсего написала коротенькую записку с просьбой о кукле. Брат сказал мне, что не следовало этого затевать: по мнению отца, все куклы были от лукавого, и ни в одном благочестивом доме не потерпели бы присутствия подобных игрушек.

Как-то утром меня разбудили радостные крики братьев. Я подхватилась и поспешила в кухню, откуда доносились голоса. Мои четверо братьев под присмотром матери приводили в порядок свою одежду. Возбужденные, они сообщили мне, что примут участие в открытии нового отцовского ресторана. Не желая оставаться в стороне, я пошла в свою комнату одеваться.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась мать.

— Одеваюсь, чтобы пойти в ресторан.

— Ты не пойдешь. Туда имеют право идти только мальчики.

— Почему? Я тоже хочу пойти.

— Ты не мальчик. Вот когда у тебя появится пенис, тогда и поговорим. А до тех пор ты останешься дома, — категорично заявила она.

— Тогда я тоже хочу пенис. Пусть мне его купят! — решительно потребовала я.

Мать пришла в бешенство. Схватив кусок горького перца, она резко провела им мне по губам. От невыносимой боли я едва не упала и шагнула к раковине, чтобы вымыть губы, пылавшие огнем, но мать потащила меня в комнату и заперла на ключ.

— Мама, мне больно! Мне нужна вода! Пожалуйста! — исступленно кричала я.

Отчаявшись, я умолкла и услышала через дверь, как мать что-то напевает в глубине дома. Она осталась равнодушна к моей боли и, игнорируя меня, как ни в чем не бывало занималась хозяйственными делами. К счастью, была зима, и я воспользовалась инеем, покрывавшим окно, чтобы смочить губы. Мало-помалу боль утихла, и я заснула.

⁂

Наступило Рождество, праздник, который правоверные мусульмане считают языческим. Тем не менее во Франции многие родители-мусульмане дарят своим чадам подарки, чтобы те не чувствовали себя неловко рядом с немусульманскими детьми. Год был удачным, и отец каждому из нас купил подарки. Мои братья получили огромное количество чудесных игрушек и разрешение пригласить в гости приятелей.

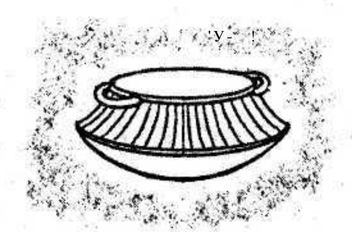
А у меня появился Лапуля — красивый толстый бурый медвежонок с круглыми глазами, которого я полюбила сразу, как только увидела. Я была счастлива. Ведь это был мой первый подарок. Хотелось повиснуть на шее у отца, как это делала Амина, но я сдержалась. В нашей семье воспитанная девочка не должна вести себя подобным образом, чтобы не вызвать неудовольствия родителей.

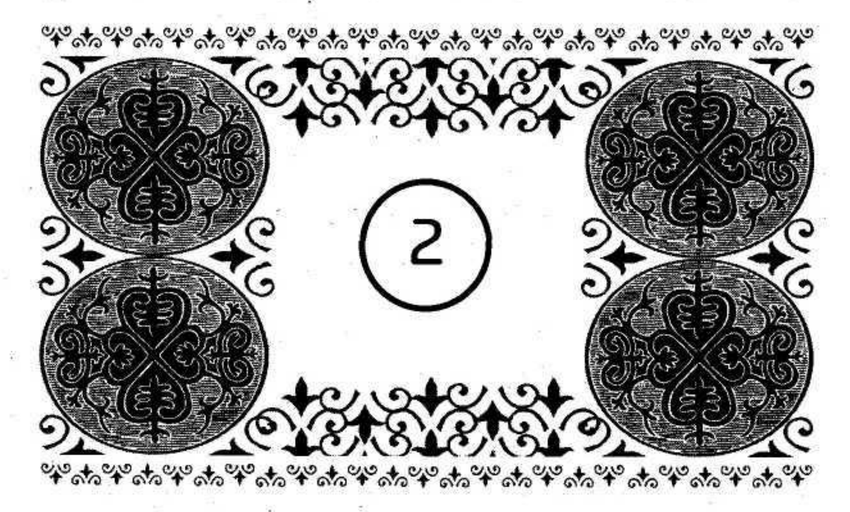
С медвежонком в руках я побежала к подруге. Наконец-то я могла похвастаться первым купленным отцом подарком.

— Амина, посмотри, какой у меня мишка! Это мне папа купил. Правда, он красивый?

— Очень красивый, — с готовностью разделила мою радость подруга.

Отец Амины подарил ей пару симпатичных куколок-негритянок. Но Лапуля был лучше всех игрушек, потому что его подарил мне отец. Куда бы я ни шла, я всегда брала медвежонка с собой. За исключением школы, конечно, но тем радостнее было возвращение к нему по вечерам. Он стал моим товарищем по играм, моим доверенным лицом.

Отрочество

Однажды вечером мать позвала меня и моих братьев в гостиную. Там мы узнали, что наш отец сделал состояние во Франции и теперь решил вернуться в Алжир, чтобы заняться другими, не менее выгодными проектами. Мои братья пришли в восторг от открывшихся перспектив увеличить семейный капитал.

— Ух ты! Скоро мы будем еще богаче! Мы вернемся домой! К солнцу и морю! Вот это жизнь! — хором кричали они.

Каково мне было сообщать эту новость подруге? На следующий день Амина с матерью пришла к нам и узнала о предстоящем переезде.

— Нас никто не сможет разлучить, потому что я навсегда останусь в твоем сердце, — говорила Амина, сжимая мои ладони. — Всякий раз, когда будешь разговаривать с мишкой, помни: он умеет телепатически передавать все моим куклам, а они расскажут мне. Когда тебе станет скучно, скажи об этом Лапуле, и я тебе отвечу.

Нас обеих огорчала мысль о предстоящей разлуке, ведь мне было немногим более семи лет.

На рассвете мать разбудила меня.

— Быстро одевайся. Мы поплывем на пароме. Ну давай же, шевелись!

— Но я еще не попрощалась с подругой!

— Забудь про Амину! Одевайся и выпей молоко. Мы и так уже опаздываем. Не зли своего отца!

Я быстро оделась и залпом выпила стакан молока, надеясь успеть попрощаться с Аминой перед отъездом. Но на пороге мать схватила меня за ворот.

— Иди сюда, мерзавка! — крикнула она строго. — Сейчас только пять часов утра! Амина спит.

Лапуля в который раз утешил меня, и я отказалась от идеи сказать «прощай» своей лучшей подруге.

Братья выбежали на улицу вслед за отцом, а мать все торопила и подталкивала меня. Вручив мне корзину, она выхватила из моих рук Лапулю и зашвырнула его на верхнюю полку шкафа.

— Я не хочу, чтобы ты тащила с собой еще и это пугало. У тебя и так полная корзина.

— Мама, пожалуйста! Верни мне медвежонка! — закричала я сквозь слезы.

Я рыдала, но мать осталась неумолимой. Она вытолкала меня из дома, заперла дверь и потащила меня к соседке, матери Амины, отдавать ключ. Та увидела на моих глазах слезы и спросила:

— Что с тобой, милая Самия?

— Она не хочет уезжать, не попрощавшись с приятельницей, — объяснила мать.

— Подожди, Варда! Это важно. Я разбужу Амину.

Я продолжала плакать, требуя обратно своего медвежонка, пока не появилась Амина. Она бросила на мою мать полный ненависти взгляд.

— Я здесь, не плачь. Я здесь, — твердила она тоном защитницы.

Я зашлась еще сильнее.

— Лапуля остался в коридоре, в шкафу. Я не могу его забрать, я больше ничего ему не расскажу, он ничего не сможет передать телепатически твоим куклам. Как мы будем общаться?

— Если сейчас же не пойдешь, ты сильно пожалеешь, — пригрозила мать.

Амина успела дать мне слово отыскать Лапулю и позаботиться о нем, и я ушла опустив голову, не желая ничего видеть.

Я села в красивую новую машину отца. Только Господь знал, как мне было плохо без моей подруги. Теперь у меня не было даже Лапули, который мог бы меня утешить. Едва простившись, я уже скучала по Амине, вспоминая наши игры и все, что нас связывало. Как же несправедлива ко мне жизнь!

Как я буду жить там, в стране, которой совсем не знаю? Вокруг все улыбались, а моя печаль казалась безграничной. Братья взволнованно обсуждали, что ждет их в Алжире. Родители, сидя на передних сиденьях, говорили о нашем новом доме на берегу моря, строили планы. Все так или иначе представляли себе будущее, и только я думала о прошлом, горевала о нем. Мысль о моем будущем в новой стране вселяла лишь смутное беспричинное беспокойство.

Спустя сутки мы поднялись на борт огромного парома, который должен был доставить нас в Алжир. Я не покидала каюту, которую занимала вместе с младшими братьями. В полдень, когда они носились по палубе, в каюту спустилась мать и принялась уговаривать меня пообедать в шикарном ресторане наверху, но я отказывалась. Мать разозлилась. Склонившись надо мной, она схватила меня за плечо.

— А ну вставай! — заорала она и занесла руку для удара.

Я прикрыла лицо, но мать, к моему большому удивлению, сдержалась.

— Знаешь ли ты, почему мы покидаем Францию? — внезапно спросила она.

— Нет, — искренне ответила я.

— Мы поступаем так ради наших детей. И особенно ради тебя.

Ее голос звучал очень торжественно.

— Ради меня?

— Да! Франция не та страна, где можно воспитывать детей, особенно девочек. Мы хотим воспитать тебя как благочестивую мусульманку.

Я не знала, что означали слова *благочестивая мусульманка,* но догадывалась, что скоро узнаю.

Вечером все разошлись по каютам. Мать уложила братьев, велела мне укрыться, что было немедленно выполнено, и, погасив лампу, вышла.

— Самия, как ты думаешь, в Алжире очень жарко? — спросил Камель, самый младший в семье.

— Думаю, жарко.

— А люди? Они там хорошие? — не унимался он.

— Да, они очень хорошие. Там живут наши дедушки и бабушки. Увидишь, как они будут нас баловать. Спи, братишка.

Закрыв глаза, я представила Амину, которая, должно быть, уже отыскала моего мишку в глубине шкафа. Уве-

ренная, что Лапуле больше ничего не угрожает, я спокойно заснула.

Утром нас разбудил резкий голос матери.

— Быстрее вставайте! У нас всего два часа, чтобы позавтракать и собраться. Самия, помоги Малеку одеться. И бегом в ресторан.

Мать помогала Камелю, я — младшему меня на год Малеку.

— Я тебя люблю, — совершенно серьезно заявил Малек. — Мне не нравится, когда мать начинает сердиться на тебя. Когда я вырасту, буду тебя защищать, и никто не сможет тебя ударить.

— Спасибо, Малек. А теперь поторопись, а то матушка рассердится.

Громко смеясь, мы побежали по корабельному коридору искать остальных, а потом каждый занял свое место за столом.

И вот настало время ступить на землю наших предков.

— Проезжайте! Проезжайте! — кричал капитан.

Наш большой сверкающий автомобиль съехал на алжирский берег. Мы разглядывали людей нашей новой страны, которые сильно отличались от знакомых прежде французов. Чумазые дети играли на набережной, рядом стояли одетые в джелабы * взрослые. Мой брат спросил, почему здешние мужчины носят длинные платья. Мать улыбнулась.

— Это не платья. Люди вынуждены так одеваться, чтобы им не было жарко.

* Джелаба — накидка или плащ до земли с длинными рукавами и капюшоном, который в мусульманских странах носят как мужчины, так и женщины. *(Примеч. авт.)*

Увидев женщину, с головы до ног завернутую в белое покрывало, так что были видны только глаза, я вздрогнула.

— Это что, привидение? — испуганно спросила я.

— Вот балда! Так одевается каждая благочестивая мусульманка. Через несколько лет так будешь одеваться и ты.

Мать оглянулась на отца, словно спрашивая его одобрения, и тот строго посмотрел на меня в зеркало заднего вида. Помню, что именно в тот момент я дала себе слово никогда так не одеваться, благочестиво это или нет.

Мы ехали по улице, и мне становилось все неуютнее. Грязь повсюду. Невыносимая жара. Вокруг все говорят по-арабски. *Благочестивые мусульманки,* мужчины, одетые в длинные рубахи, наводнявшие улицы дети. Малыши играли с мячом и юлой едва ли не на проезжей части, не обращая внимания на проносившиеся мимо автомобили. В запряженных ослами повозках перевозили овощи и фрукты. Камель, впервые увидев осла, испугался и заплакал. Чтобы успокоить брата, я погладила его по щеке и объяснила, что осел — животное очень спокойное, совсем как лошадь. Мы продвигались дальше, и декорации менялись: здесь улицы были более просторными, тенистыми и менее оживленными. Мы покинули центр Алжира * и двинулись к пригороду.

Наконец машина оказалась на маленькой улочке, на которой находился наш особняк. Он был большим и красивым. Никогда не видела ничего подобного. Только по телевизору. Вместе с братьями я побежала в сад, чтобы осмотреть все вокруг. Мы были взволнованы, наши щеки горели, а глаза излучали восторг. Выплеснув часть перепол-

* Одноименная столица Алжира. В русском языке эти названия звучат и пишутся одинаково. *(Примеч. пер.)*

нявшей нас энергии, мы вошли в этот впечатляющий замок с белыми стенами и большими и светлыми комнатами. Никогда раньше я не видела таких светлых помещений. Братья разбежались по дому, горя желанием поскорее выбрать себе комнаты. Я остановила свой выбор на той, которая особенно понравилась мне своим убранством.

— Вот моя комната! — крикнула я так, чтобы услышали все.

— Нет, эта комната будет моей, — возразил мой брат Нассим. — Она очень большая. Здесь как раз поместится моя железная дорога.

— Нет, моя. Я первая увидела ее, — настаивала я.

В спор вмешалась мать.

— А ну хватит, — сказала она как отрезала, и, отстранив меня, взяла брата на руки. — Это будет твоя комната, мой сладкий. Тебе хватит места для твоего электрического поезда. Ты, Самия, займешь комнату дальше по коридору, рядом с комнатой твоего младшего брата Камеля. Если он начнет плакать, ты всегда сможешь быстро его успокоить.

Ложась спать, я думала о том, что мне досталась самая крошечная комнатушка в доме. Сначала я сердилась, но мысль о том, что у меня все равно нет ничего такого, что бы можно было размещать в комнате, даже моего медвежонка, успокоила меня. У меня были только воспоминания, но они не требовали места.

Лежать одной в кромешной тьме было страшно, и новый дом перестал мне нравиться. Я укрылась одеялом с головой и попыталась подумать о чем-то приятном. Обняв вместо Лапули подушку, я мурлыкала песенку, которую когда-то пела вместе с Аминой.

Внезапный плач Камеля заставил меня вскочить с постели. Я пошла в комнату в конце темного коридора и, включив лампу, приласкала брата.

— Успокойся, малыш. Все хорошо, я с тобой.

Я обняла брата и стала напевать колыбельную, которую когда-то слышала от матери. Он успокаивался, но всякий раз, когда я собиралась подняться и уйти, снова начинал плакать. Не зная, что делать, я решила отнести брата к матери, но в темном коридоре малыш испугался еще больше и разревелся.

— Тише, Камель, тише. Мама услышит, — приговаривала я.

И вдруг я увидела ее. Резким движением, чуть не отшвырнув меня к стене, мать выхватила брата.

— Почему он плачет?

— Не знаю. Он давно начал. Я пыталась его успокоить, но не вышло.

— Идем в твою комнату! Я скажу тебе кое-что. Вперед! — И она толкнула меня в сторону моей комнаты.

Я молча повиновалась, так как уже хорошо изучила мать. Когда она в гневе, лучше помалкивать.

— Садись и слушай! И глаза опусти! — приказала она.

Я потупила взгляд.

— Ты... ты умудряешься постоянно портить нам жизнь. Ты не способна даже успокоить маленького мальчика без того, чтобы не переполошить среди ночи весь дом. Уверена, ты сама его разбудила, потому что тебе было страшно одной. Слишком уж хорошо я тебя знаю, маленькая дрянь. Теперь можешь задохнуться под одеялом и навсегда исчезнуть из моей жизни. Когда же Аллах призовет тебя к себе?!

Я завернулась в одеяло и сжалась в комок, чтобы только не злить ее больше. Обвинив меня во всех грехах, мать вышла. Под одеялом было жарко, и я быстро вспотела. Когда терпеть не стало сил, я высунула голову из укрытия, с облегчением вздохнула и, успокаиваясь, принялась

молиться Богу за себя, но еще больше за Амину и медвежонка Лапулю.

Утром ко мне вошел Малек. Он был очень взволнован.

— Поднимайся, быстро! Надо осмотреть сад. Вдруг мы найдем клад?!

Эта была прекрасная идея. Разумеется, мы ничего не нашли, но долго бегали по высокой траве сада, и совершенно случайно Малек меня толкнул. Я упала на осколки бутылочного стекла и поранила колени. Увидев кровь, брат испугался и побежал к матери, но вид моих окровавленных коленей нисколечко ее не взволновал.

— Так тебе и надо. Не будешь больше носиться как угорелая с мальчишками. Сидела бы спокойно, как подобает настоящей девушке, и этого не произошло бы. Лечи себя сама, — сказала она сухим, лишенным сострадания голосом и как ни в чем не бывало вернулась к домашним делам.

Кто-то из братьев смочил кусок бумаги и приложил к моей ране. Потом Фарад, самый старший брат, перемотал мое колено и посоветовал вернуться в дом.

Несколько дней спустя начались занятия, и шофер отца развез нас по школам. Братья были определены в Пэр-Бланк *, чтобы продолжать обучение на французском языке; я — в частную школу для девочек с обучением только на арабском. Я совсем не умела писать на этом языке, поэтому постоянно выслушивала нарекания со стороны преподавателя, который обзывал меня ослицей, вызывая смех у одноклассниц. Разумеется, подобная репутация только отдаляла меня от других девочек. Мне было тяжело. Подруг я себе так и не нашла, ведь все считали меня задавакой, которая корчит из себя богатую французскую барышню. Теперь-то я понимаю: мне не могли простить того, что я была не такая, как все, но тогда я была неопытна и никак не могла взять в толк, почему во Франции мне ставили в упрек арабское происхождение, а в Алжире обзывали французской фифой.

* Пэр-Бланк (фр. *Peres Blancs)* — католическая миссионерская организация, созданная с целью культурного и духовного обмена между христианским и мусульманским миром. Имеет сеть светских учебных заведений на территории арабских стран. *(Примеч. пер.)*

Каждый новый день был хуже предыдущего. Однажды, лежа в постели, я решила, что больше не пойду в школу. На занятия меня привозил шофер, поэтому, выйдя из машины, я быстро смешалась с толпой, а затем незаметно покинула это проклятое место. Я больше не желала быть изгоем в классе.

До конца занятий я бродила по улицам без пищи и воды, а потом вернулась к школе, обманув таким образом шофера. Я прогуливала три дня, пока из школы не пришло письменное уведомление. Оно было написано на французском языке, поэтому отец позвал на помощь Фарида. Почувствовав, что надвигается большая буря, я спряталась в комнате и ждала. Ждала самого худшего.

Я услышала, как отец поднимается по лестнице. Звук каждого его шага заставлял мое сердце биться все сильнее и сильнее. Я могла только молиться: «Господи, защити меня! Господи, помоги мне!» Я забралась на кровать с ногами и схватила подушку, как спасательный круг. Дверь отворилась, и на пороге появился разгневанный отец с ремнем в руке.

— Неблагодарная тварь! Я из кожи вон лезу ради тебя! Я выбрал частную школу, чтобы научить тебя читать, дать достойное образование, такое, как дают другим

твоим сверстницам! И вот что я получил взамен! — И принялся хлестать меня ремнем.

Удары сыпались и сыпались до тех пор, пока я не потеряла сознание. Очнулась я от того, что мать протирала мне лицо прохладной водой. Ее голос звучал как в тумане.

— Видишь, что ты натворила? Довольна? Теперь ложись и отдыхай. Завтра посмотрим.

На следующее утро в комнату пришел Малек и сообщил, что я могу оставаться в постели.

Вскоре отец все-таки устроил меня во французскую школу, которая славилась строгими порядками. Руководили ею представители католической общины.

Освоилась я быстро и даже подружилась с двумя девочками, говорившими по-французски, — Набилой и Рашидой. Между нами было много общего. Набила происходила из такой же богатой семьи, как и моя. Рашида была из семьи среднего достатка, но для своего единственного ребенка родители ничего не жалели. Они хотели, чтобы дочь преуспела в жизни, поэтому готовы были даже залезть в долги, но дать ей хорошее образование.

Вместе мы придумывали разные истории, от которых покатывались со смеху. Наконец-то я полюбила школу. Когда мать спросила, почему я с такой радостью иду туда, я ответила, что у меня теперь есть две подруги, с которыми приятно общаться. Мать сказала, чтобы я пользовалась случаем, так как мое обучение наверняка будет недолгим. Но я предпочла не придавать значения ее словам — не хотелось портить настроение перед встречей с подругами.

Как-то получив плохую отметку, я должна была показать дневник родителям, чтобы они в нем расписались. На следующий день подруги поинтересовались, какова

была их реакция. Я солгала — сказала, что меня наказали, запретив смотреть телевизор. На самом деле, в отличие от других родителей, моим было все равно, какие оценки я приношу домой.

— Для женщины, целиком зависящей от мужа, учеба не главное, — любили повторять они.

Благодаря подругам этот период жизни был для меня самым счастливым. По крайней мере, во время школьных занятий. Мне не разрешали ходить к подругам в гости или принимать их у себя, потому что мать была уверена: подруги плохо на меня повлияют. Они ведь могли общаться с мальчиками, а это совершенно непозволительно для добропорядочной девочки. Мне запрещали даже думать о существовании мальчиков — этих носителей зла, которым ничего не стоит обесчестить меня, а заодно и мою семью. Я должна была остерегаться их. Говоря по правде, я вообще не виделась с мальчиками: в школу и домой меня отвозил шофер. Иногда в гости к братьям приходили приятели, но всякий раз, когда это случалось, мать требовала, чтобы я оставалась с ней до самого ухода гостей, чтобы никто не смог заговорить со мной или, упаси Бог, прикоснуться.

За это время мать родила еще одну девочку—очередное разочарование для родителей. Я полюбила свою маленькую сестричку, ведь теперь я была не одинока. Теперь нас двое, а значит, мы стали вдвое сильнее. Несмотря на девятилетнюю разницу в возрасте, я не сомневалась: мы с ней отлично поладим.

Ей было около года, когда она стукнулась головой о стул. Я как раз успокаивала ее, когда в комнате появилась мать.

— Что я вижу! Два убожества держат друг друга в объятиях! — воскликнула она саркастически и добавила: — Раз ты старше, ты в ответе за сестру. Ты должна служить ей достойным примером для подражания. Если ты станешь благочестивой мусульманкой и хорошей супругой, уверена, сестра последует твоему примеру. И наоборот. Понимаешь, о чем я?

Я кивнула.

Вот так — ответственность за будущее сестры полностью возлагалась на мои плечи. Если я не хочу, чтобы она страдала из-за меня, я должна приложить все усилия, быть тихоней, слушаться родителей, стать примерной девочкой и как результат — благочестивой мусульманкой.

К десяти годам мать в корне пересмотрела мой гардероб. Теперь я должна была носить широкие длинные платья. Если же я надевала штаны, то только с длинной, закрывавшей ноги до колен кофтой. Волосы я должна была закалывать или убирать, чтобы не привлекать взгляды мальчишек.

Однажды, когда я вернулась из школы, мать окликнула меня. Мне уже шел тринадцатый год.

— Подойди, чтобы я лучше тебя рассмотрела.

Я повиновалась. Мать внимательно осмотрела мою грудь.

— За какие только грехи я заслужила такое наказание, — вздыхала она, глядя на меня с видимым отвращением. — Смотри, у тебя уже растет грудь. Если твой отец это заметит... А ну, иди за мной!

И быстро повела меня в ванную комнату. Я едва держалась на ногах от страха. Мать приготовила широкий пояс и сняла с меня кофту.

— Надо перемотать и сильно стянуть, чтобы твой отец ничего не заметил. Если он заметит, как сильно ты изменилась, мне влетит, — сухо объяснила она.

Теперь я понимаю причины ее страха. За каждую мою шалость вина ложилась и на мать, полностью отвечавшую за мое воспитание. Наказав меня, отец вымещал зло на матери: избивал ее в свое удовольствие.

Пояс сжимал меня так, что трудно было дышать, но мать и слышать не хотела никаких возражений.

— Если я расслаблю повязку, твоя грудь станет заметной. Нужно терпеть. Думай о последствиях. Перепадет и тебе, и мне.

Очень скоро я узнала, что это были за последствия!

— Каждое утро перед школой будешь приходить ко мне. Я помогу тебе с бандажом. Позже ты научишься надевать его без посторонней помощи.

Бандаж пришлось носить очень долго, очень.

В четырнадцать лет у меня начались первые месячные. При виде крови меня охватила паника. Ведь кровь означала потерю девственности, со всеми вытекающими последствиями для чести моей семьи. Не сказав домашним ни слова, я решила посоветоваться с Набилой. Подруга высмеяла меня, а потом объяснила, что это самая обычная менструация, которая случается каждый месяц со всеми девочками нашего возраста, и я должна рассказать обо всем матери.

Вечером я старалась определить настроение матери, чтобы сообщить ей новость. Я знала, это ее не обрадует. Собравшись с духом и приняв виноватый вид, я выпалила:

— Мама, у меня месячные.

Мать глянула так, словно я сообщила ей о конце света.

— Ты хоть знаешь, что это значит?

— Нет, — ответила я, вконец обеспокоенная.

— Это значит, что ты можешь забеременеть в любой момент.

Как всегда, мать думала только о чести семьи.

— И что теперь с тобой делать? Одно хорошо — тебе уже четырнадцать и скоро ты выйдешь замуж. А пока ты должна быть очень осторожна. И чтобы никаких секретов. Ты должна рассказывать мне обо всем, что с тобой происходит.

Я успокоила ее, заверив, что мне нечего скрывать и что вся моя жизнь — сама осторожность.

Из моего окна был виден соседский дом, принадлежавший относительно пожилому мужчине, который жил там со своей семьей. Из дома он выходил в военной форме в сопровождении молодого человека, окно которого находилось как раз напротив моего — несколько раз я видела, как он ходит по комнате. Высокий, стройный, с тонкими черными усиками на загорелом лице. Ему очень шел военный мундир. Часто он сидел возле окна с книгой, время от времени поворачиваясь в мою сторону. Смущенная, я делала вид, что он совсем мне неинтересен. Однажды, когда молодой человек удостоверился в том, что я за ним наблюдаю, он поднялся, чтобы лучше меня разглядеть. Я испугалась, но в то же время почувствовала, что хочу узнать, понравилась ли я ему.

В этот момент в комнату вошел брат. С невинным видом я захлопнула окно.

— Чего тебе?

Брат направился к окну, но я преградила ему путь. Он попросил помолчать, потому что ему нужно было поговорить с приятелем, который играл на улице в мяч. Я молила Бога, чтобы мой сосед исчез. Когда брат ушел, я выглянула и облегченно вздохнула. В окне напротив никого не было.

Я отправилась в кухню, потому что мать хотела научить меня печь пироги.

— Хорошая жена должна знать, как накормить супруга, — сообщила она.

— Я не хочу быть хорошей женой. Я хочу выучиться и работать.

Мать иронически усмехнулась.

— Я и не знала, что родила мальчика!.. Нет, ты будешь делать так, как велю я. Я хочу, чтобы все потом говорили, что Варда воспитала прекрасную дочку. Чтобы я гордилась тобой, ты должна быть послушной, стать прекрасной женой, достойной человека, который женится на тебе. Ты мне еще спасибо скажешь за то, что я научила тебя всему этому. Давай! Положи пирог на противень и добавь масла.

В это время я пыталась понять отношение матери ко мне. Почему она не любила меня? Почему она никогда не обнимала меня, как другие родители обнимают своих детей? И почему при этом она так баловала моих братьев?

Иногда мне казалось, что я приемный ребенок. Просто не могла понять, как родители могут до такой степени ненавидеть собственную родную кровинку, не уделять ей никакого внимания. Я завидовала своим одноклассницам, когда за ними приходили их родители, восхищались ими, спрашивали, как прошел день. Я бы все отдала, чтобы хоть на короткое время оказаться на их месте.

Приближались каникулы. Увидев мой табель с отметками, мать сказала, чтобы вечером я показала его отцу.

— Он хочет кое-что тебе сказать, — объявила она.

— Что именно? — спросила я заинтригованно.

— Вечером сама узнаешь.

Я ушла в свою комнату посмотреть на соседа. В это время он всегда сидел у окна. Но может ли быть, чтобы он поступал так специально? Я не верила, чтобы такой симпатичный парень мог мною заинтересоваться. Красавицей я не была. Кроме того, он был намного старше.

Потребность для кого-то хоть что-то значить, собственно, и заставила меня затеять эту невинную игру в соблазнение, привносившую толику пикантности в мою пресную жизнь. Перед тем как выглянуть в окно, я распустила волосы, чтобы казаться немного привлекательнее. Волосы были моей гордостью: черные, густые и длинные. Впрочем, чаще я носила их заколотыми или собранными в узел, как и обещала матери.

—- Ты должна их расчесывать только в моем присутствии или перед мужем, — часто повторяла она.

Услышав в коридоре шаги, я быстро закрыла окно и собрала волосы в .узел. За мной пришел Малек. Его прислал отец.

«Господи, помоги! Если уж отец посылает за мной, значит, дело очень важное, но вряд ли приятное для меня». Опустив глаза, я подошла к отцу, который смотрел телевизор, и замерла. Сердце выпрыгивало из груди, отчего стало трудно дышать.

Наконец отец соизволил заметить меня и пригласил сесть рядом. Произошло что-то серьёзное: никогда раньше он не позволял мне сидеть во время разговора. Обычно он просто отдавал приказания, не допуская мысли о возражениях со стороны матери или с моей. Но теперь., .теперь он разрешил мне присесть! «Что же произошло? Боже, сделай так, чтобы он^не сделал мне ничего плохого, помоги мне!» — шептала я про себя. Отец встал и принял торжественный вид.

— Я буду краток. Фарид объяснил мне, что написано в твоем табеле. Скоро тебе исполнится пятнадцать. Ты получила среднее образование, значит, ты умеешь читать и писать. Мой отцовский долг перед тобой выполнен. Настала твоя очередь исполнить долг. Хватит тратить время на школьные глупости. Когда закончится учебный год, ты будешь сидеть дома, а твоя мать научит тебя всему тому, что поможет стать хорошей женой. Я хочу услышать, как будут говорить о тебе люди: «Посмотрите, какая хорошая дочь у господина Шариффа». Тогда я буду знать, что сделал все как надо, и смогу умереть спокойно. Ты должна быть готова — скоро ты познакомишься со своим будущим мужем.

— Но, папа...

— Что, папа?! — перебил он. — Заткнись! Я больше не хочу тебя слушать. Вместо того чтобы без толку сидеть в комнате, иди и помоги матери по хозяйству. Или проводить время подобным образом тебя научили в школе?

Я поспешила удалиться, а вдогонку мне несся нескончаемый поток упреков. Мне так хотелось сказать, что я не хочу замуж, что мне нет и пятнадцати, что я хочу учиться дальше, чтобы самой зарабатывать на жизнь. Увы, характер отца не располагал к такого рода беседам.

На кухне, увидев в моих глазах слезы, мать посмотрела угрюмо.

— Ты никак не можешь сдержаться и не раскрывать свой противный рот, — сказала она холодным, под стать выражению глаз, тоном. —Что-то я не вижу на твоем лице готовности сказать отцу спасибо за то, что он позволил тебе посещать одну из лучших школ. Он дал тебе возможность стать образованной, возможность, которой

не было у твоей матери. В благодарность ты должна слушать его и делать все, чтобы выполнить его заветное желание — готовить себя к роли респектабельной замужней женщины. Глаза открой, мерзавка! Теперь из-за тебя отец будет отыгрываться на мне.

В который раз мать возлагала на меня ответственность за свои беды, но в полной мере я осознала это лишь много лет спустя. Мысль, что отец бил мать за ее «промахи» в моем воспитании, заставляла меня страдать. Как бы там ни было, я любила ее и не желала ей зла.

— Что я должна сделать, чтобы папа на тебя не сердился?

— Раньше надо было думать и не перечить отцу! Теперь поздно, глупость сделана! Прочь с моих глаз, дрянь! Я не хочу тебя видеть. Будь проклят тот день, когда я родила тебя на свет!

Пристыженная и опустошенная, я вернулась в комнату, где мне совершенно нечего было делать. Мне просто хотелось умереть. Что хорошего ожидать от будущего? Ничего. Абсолютно ничего. Единственная отрада — школьные подруги, но и с ними меня скоро разлучат.

В комнату вошли Фарид с Камелем — старший и младший братья.

— Хочешь, я поговорю с отцом? — предложил Фарид с сочувствием.

Но я боялась, что так он только навредит, и попросила не делать этого.

— Хотел бы я навсегда распрощаться со школой, — мечтательно сказал Камель.

— Не плачь, сестренка. Все образуется, вот увидишь, — добавил Фарид.

Он редко разговаривал со мной, поэтому его слова немного подбодрили меня.

— Не понимаю я отца, — удивлялся он. — Ему ли не знать, что добиться успеха могут только образованные люди!

— Ерунда! — возразил Камель. — Папа почти не ходил в школу, но он очень богат.

— Да, богат, но он не может без посторонней помощи читать свои бумаги.

Я была согласна с ним, но все же решила прекратить спор, потому что нас могли услышать. Братья отправились в свои комнаты, и я снова осталась одна со своим горем. Я пыталась представить реакцию родителей на мою смерть. Не уверена, что моя мать заплакала бы, а отец пожалел бы о своих поступках. Скорее наоборот: они были бы счастливы избавиться от меня, источника постоянной заботы.

Тяжелым камнем я висела на шее у родителей, поэтому они так спешили выдать меня замуж. Сами собой мысли переключились на моего будущего мужа: «Вот если бы им оказался тот молодой человек...»

На следующее утро во время одевания мать сказала, что раз уж со школой скоро будет покончено, мне не нужно больше носить бандаж и стягивать грудь.

— Выходить из дома ты не будешь, поэтому никто из посторонних не увидит, что ты стала женщиной. Даже твой отец,- когда поймет это, не станет сердиться. Ты будешь сидеть дома до самого замужества, значит, и риска никакого.

Подруги с нетерпением ждали меня в школе. Они хотели обсудить учебное заведение, которое будут посещать в следующем году. Рашиду и Набилу записали в колледж Святой Женевьевы — солидное заведение с хорошей репутацией для лучших учеников из богатых семей.

— Надеемся, Самия, что ты тоже будешь там учиться. Втроем мы станем друзьями на всю жизнь, — воскликнула Рашида взволнованно.

— Мне очень жаль, но я не смогу учиться вместе с вами в «Святой Женевьеве», — грустно сказала я.

— Но почему? — удивилась Набила.

— Отец не хочет, чтобы я училась дальше.

— Но ты успеваешь гораздо лучше нас!

— Родители считают, что с меня достаточно.

Многие состоятельные родители в Алжире забирают дочерей из школы, полагая, что обучение письму и чтению — не самое главное в жизни. «Для благочестивой мусульманки существует три священных места: родительский дом, дом мужа и могила, — любила повторять мать. — А умение писать и читать им ни к чему!»

— Что же ты будешь делать? — со слезами на глазах спросила Набила.

— По воле отца буду сидеть дома в ожидании замужества.

— Замужества! Почему? Ты еще слишком молода для этого!

— Набила, твои родители уже говорили с тобой о свадьбе?

— Ну да. Только сначала я должна получить полное образование.

— И я, — добавила Рашида.

— Почему же это происходит только со мной? Почему я должна вас покидать? Вы лучшее, что есть в моей жизни!

И мы заплакали. Проходившая мимо директриса поинтересовалась причиной наших слез.

— Отец Самии забирает ее из школы. Она будет сидеть дома, — рыдая, ответили подруги.

— Странно. Он показался мне вполне рассудительным человеком. Самия, хочешь, я поговорю с твоим отцом?

Я попросила не говорить ему ничего, потому что это могло только ухудшить мое положение. После обеда

я грустно обняла подруг. Казалось, весь мир восстал против меня. Это было несправедливо. Я завидовала подругам и радовалась, что им выпала другая, не такая, как у меня, судьба.

Как всегда, на выходе из школы меня ждал шофер. Заметив, что у меня красные глаза, он спросил участливо:

— Ты плакала?

— Нет. Что-то в глаз попало... У вас есть дети?

— У меня три дочери. Двадцати, семнадцати и двенадцати лет.

— Двадцати лет? Она замужем?

— Еще нет.

— Еще нет? Почему?

— Она учится. Мы небогаты. Поэтому я хочу, чтобы мои дети могли рассчитывать на собственные силы. Сейчас трудные времена.

Я все бы отдала за то, чтобы мой отец рассуждал, как этот человек. Его дочери могли спокойно жить, а не пребывать ежеминутно в страхе.

— Им очень повезло с отцом.

— И тебе тоже, моя дорогая. Иметь такого отца, как господин Шарифф!

— Да, я знаю, — пробормотала я.

Вернувшись домой, я думала о словах шофера. Он сказал «моя дорогая». Впервые кто-то назвал меня так. Очень часто я задавала себе одни и те же вопросы: «Чем руководствуется Всевышний, отдавая ребенка тем или иным родителям? Может, это зависит от характера ребенка? Может, он думает, что этот ребенок заслуживает большего счастья, а тот нет?» Я искренне хотела разобраться в происходящем со мной, но, как ни ломала голову, не могла найти ответа.

Глядя на свою сестричку, эту кроху, я спрашивала себя, какое будущее уготовано ей. Родители казались Такими бессердечными по отношению к этому хрупкому созданию! Когда она падала или просто ударялась, мать даже бровью не вела, чтобы успокоить малышку и посмотреть, насколько серьезно та ушиблась. Всегда спешила я. Мы должны были держаться друг друга — две девушки-мусульманки из одной семьи.

На прощание я решила что-нибудь подарить подругам. Собираясь в последний раз в школу, я выбрала две самые любимые грампластинки, чтобы вручить подругам на память о себе, но на выходе отец остановил меня.

— Куда ты идешь с пластинками? — спросил он, схватив меня за руку.

— В школу, — испуганно выпалила я.

— Значит, в школу. У вас в школе теперь танцуют? — язвительно спросил он.

Я отрицательно помотала головой.

Два раза больно стиснув мне предплечье, он велел возвращаться в комнату и ждать. Я подчинилась и, заливаясь слезами, ожидала, каким будет приговор. Я не понимала, за что меня накажут ив чем моя вина. Пришел отец с длинной палкой, специально предназначенной для наказаний. Палка или ремень — это единственное, что я могла выбирать. Я умоляла его не бить меня, обещая быть послушной и навсегда забыть о музыке. Но все было напрасно.

— Комедиантка! Единственное, что ты умеешь, так это разыгрывать спектакли, — ревел он. — В последний раз спрашиваю: ремень или палка?!

Дрожа от страха, я указала пальцем на ремень его брюк, и он сильно ударил меня с дюжину раз. Казалось, он получает от этого удовольствие. Затем он разбил пластинки и вышел, громко хлопнув дверью. Я услышала, как он крикнул матери:

— Твоя дочь носит в школу пластинки! Вот они, эти современные школы: одни танцы на уме! Ну ладно, ты у меня тоже потанцуешь! Обещаю!

В школу я больше не ходила. Земля для меня перестала вращаться: я лишилась единственной возможности выходить в мир, потеряла подруг. Мне даже не позволили с ними попрощаться. Жизнь для меня остановилась. Даже написать прощальные письма им я не могла — у меня не было их адресов. Что они подумают обо мне? Что я бесчувственная эгоистка?

Отрезанная от внешнего мира, я в одиночестве оплакивала свою судьбу. Но вскоре я почувствовала необходимость хоть с кем-то поделиться своим настроением, и как-то после обеда отправилась в кухню к матери с намерением выговориться. Вместо утешения мать, заметив мои красные от слез глаза, стала потешаться надо мной:

— Мадемуазель плачет! G чего бы это? Ах, ну да. Тебе ведь уже не надо рано вставать и идти в эту дурацкую школу. Но ведь ты сама виновата. Зачем ты потащила в школу пластинки? Вытри сопли и прекрати разыгрывать комедию! Когда-то ты еще спасибо скажешь мне и отцу за то, что мы правильно тебя воспитали. Ты еще молодая и глупая. Сама не знаешь, что творишь.

Неужели это и было *правильное воспитание?*

По хозяйству матери помогали две служанки. Одну из них, девушку лет семнадцати, звали Салима. Она мне сразу понравилась, и мы часто болтали о всяких пустяках.

— Как тебе повезло, Самия! У тебя одной целая комната. А я сплю с семью братьями и сестрами в одной комнате размером с твою, — тараторила Салима во время уборки у меня.

— Ошибаешься. Чего-чего, а везения у меня нет. Да, у меня есть своя комната, но у меня нет главного.

— Что еще может быть главнее того, чтобы есть досыта, жить в прекрасных апартаментах и не работать на других?

— Этр не главное, поверь мне. Что с того, что у меня есть, если я не могу выйти из дома, как ты, не могу работать, как ты, не могу общаться с разными людьми?

— Тебе нельзя выходить?! Ничего себе!

— Нельзя выходить, нельзя одеваться, как хочется, нельзя носить прическу, которая нравится.

— Почему?

— Я должна стать хорошей женой и благочестивой мусульманкой. Ни один мужчина не имеет права смотреть на меня. Я должна беречь себя для мужа.

— Этого требуют твои родители? — удивилась она.

— Да. И по-твоему, это счастье?

— Не хотела бы я оказаться на твоем месте. Мне очень жаль тебя, правда. И ты ни разу ни в кого не влюблялась?

— Тише, не так громко, услышат. Ну, не знаю... может быть... раз.

— Ага, маленькая скромница! И кто же он?

— Он смотрел на меня из окна.

— Как романтично! А как его зовут? Сколько ему лет? И как вы встречаетесь, если тебе нельзя выходить?

— Забавно, но я не знаю ни его имени, ни возраста. Мы ни разу не разговаривали. Все, что я знаю, — это то, что он военный, ему около тридцати.

Салима рассмеялась.

— Ты не знаешь его имени, ни разу с ним не разговаривала. Тогда с чего ты взяла, что он в тебя влюблен?

— Просто знаю и все, — уверенно заявила я. — Он садится у окна в одно и то же время и постоянно смотрит в мою сторону. Это так волнительно.

— Мечтать не вредно. Вот только в жизни все иначе. Поверь мне, главное — это реальные шаги. Хочешь, я передам ему записку?

— Нет. Это слишком опасно. Если родители узнают, они меня убьют.

— Неужели они такие строгие?

— Поверь. Честь для них превыше всего.

— Ты никого не обесчестишь, если поговоришь с тем парнем, — возразила моя собеседница.

— Тебе кажется, что в этом нет ничего особенного, но мои родители смотрят на мир несколько иначе, Я должна быть покорной.

— Бедняжка! Извини, но я должна продолжить уборку. Захочешь еще поболтать — всегда к твоим услугам. Договорились?

— Спасибо, Салима. Так хорошо, что ты здесь. Я больше не чувствую себя такой одинокой.

Я выглянула наружу, но, увы, в окне напротив никого не было. Жаль! Видеть его было для меня спасением. Я воображала страстные разговоры о любви с моим прекрасным принцем. Это был способ ненадолго забыть о жестокости, окружавшей меня. На несколько секунд я поверила, что счастлива.

Постепенно я привязалась к молодой домработнице, но мать не видела ничего хорошего в нашей дружбе.

— Никогда не забывай, что ты дочь господина Шариффа, а дочь господина Шариффа не станет знаться с прислугой. Она может плохо повлиять на тебя. Надо^ чтобы

никто не сбил тебя с пути истинного и не испортил твоей репутации. Ты невинна и должна такой и остаться. Вот когда выйдешь замуж, тогда и будешь встречаться с подругами, если только муж позволит.

Я продолжала общаться с Салимой, но втайне, лишь в те минуты, когда она убирала мою комнату. Она была единственным человеком в доме, который знал, что лежит у меня на сердце.

Прошло несколько дней, и мать сообщила приятную новость — на каникулах я поеду во Францию, в гости к тетушке по отцу, а остальная часть семьи будет отдыхать на нашей вилле на берегу моря, неподалеку от Барселоны.

— Довольна?

— Конечно, мама. Я так соскучилась по Франции!

Я была совершенно искренней. Детские воспоминания поглотили меня. Какое счастье снова увидеть Амину, мою лучшую подругу! Давно я не испытывала подобного счастья. Впрочем, вскоре это чувство сменилось тревогой. С чего бы это мои родители, которые не разрешили мне продолжать обучение, отправляют меня туда, где не смогут контролировать? Надо расспросить мать.

— Отец хочет сделать тебе приятное. Разве непонятно? — пояснила она. — А ты должна быть паинькой и делать все, что велит тебе тетка.

— А что она велит?

— Не лезь ко мне с расспросами. Узнаешь на месте.

Что-то странное было в этой затее, но я решила не ломать над этим голову. Не хотелось омрачать радость, которую мне доставляла мысль о предстоящем путешествии на свою родину. Может, таким образом отец хотел загладить передо мной свою вину? Ах, если бы это было правдой!

Мать помогала мне упаковывать вещи.

— Тебе понадобится это милое красное платье.

— Разве ты не говорила мне никогда больше его не носить из-за слишком свободного ворота?

— Да ладно тебе. Только идиоты никогда не ошибаются. Бери. Оно тебе обязательно понадобится. Не забудь туфли к нему.

Утром в день отъезда меня разбудил Камель.

— Повезло тебе. Вместо того чтобы ходить в школу, ты едешь во Францию. Как бы я хотел оказаться на твоем месте!

— Какое там везение! Что-то явно готовится у меня за спиной. Ты слышал, как в последний раз со мной разговаривала мать?

— Нет. Я слышал только, как она выговаривала тебя за общение с Салимой. Но это не мешает мне завидовать тебе. Во Франции здорово.

Он взял чемодан и спустился вниз, к родителям. Увидев меня, отец велел переодеть штаны, которые слишком обтягивали, подчеркивая форму ног. Я подчинилась, не желая его злить. Попрощалась с братьями, поцеловала сестричку. Матери, казалось, было безразлично происходящее.

— Поступай так, чтобы тобою гордились. Слушайся тетку. Она будет держать меня в курсе. Теперь иди, не заставляй отца ждать.

В первый раз в жизни я уезжала из семьи. Когда я садилась в машину, мне вдруг стало грустно. Как мне хотелось, чтобы мать обняла меня на прощание! Но с самого рождения я не слышала от нее ни одного нежного слова. Только: «Самия, слушай мать. Самия, слушай отца». И теперь вот: «Самия, слушай тетку». А кто когда слушал или слушает меня? Встретившись взглядом

с отцом в зеркале заднего вида, я отвела глаза. Он воспользовался этим для очередного предостережения.

— Если ты едешь во Францию одна, не думай, что все тебе будет позволено. Знай: у твоего отца везде есть глаза.

Я сидела молча, словно завороженная. «Что же такого я могу сделать во Франции? Чего они опасаются?» У меня не было ни малейшего представления. Я хотела увидеть подругу детства, пожать ей руку — только и всего. Хотела побывать в квартале, где я родилась и выросла, потому что считала, что мое детство было гораздо счастливее юношеских лет. Я растерялась. С одной стороны, хотелось освободиться от беспрестанного контроля и давления, с другой — угнетала мысль, что, отослав подальше, от меня просто хотят избавиться.

В аэропорту, где туда-сюда сновали люди разных национальностей, отец проводил меня до места регистрации билетов и велел ни на шаг не отходить от него, пока не объявят мой рейс. Я заметила, как какой-то молодой человек, проходя мимо, взглянул на меня.

— И ты еще смотришь на это ничтожество! — грозно заговорил отец. — Чем дольше ты будешь сторониться мужчин, тем лучше! Поверь мне! Ну как можно быть спокойным? Один Аллах ведает. Я должен постоянно следить за тобой, а потом настанет очередь твоей сестры. Если бы у меня были только сыновья! Я не хочу страдать из-за тебя, слышишь?! А теперь ступай. Посадка уже началась. И не забывай: у твоего отца везде есть глаза. Ты только подумаешь что-то натворить — я уже все буду знать.

Возле турникета я оглянулась сказать отцу «до свидания», но он был уже далеко. По пути к самолету я старалась не поднимать головы, пряча лицо: мне казалось, что все таращатся на меня и уже сейчас за мной следят всевидящие глаза моего отца.

В самолете соседнее кресло занимал пятидесятилетний мужчина. Он был намного старше меня, а значит, это вряд ли рассердило бы моего отца. В момент взлета я закрыла уши руками, чтобы не слышать гула турбин.

— Впервые летишь на самолете? — приветливо спросил сосед.

— Нет, не впервые, — скромно ответила я.

Что было впервые, так это разговор с незнакомцем, и я до полусмерти боялась, как бы он не решил, что я ненормальная.

— Раньше бывала во Франции?

— Это моя родина, мсье. Я прожила там первые семь лет, а теперь возвращаюсь после восьмилетнего отсутствия.

— Тогда ты должна радоваться. А чем занимаешься в Алжире? Ходишь в школу?

Я поняла, что не смогу сказать правду. По национальности он, скорее всего, был французом и вряд ли понял бы, почему такой девочке, как я, запретили ходить в школу.

— Я с отличием окончила среднюю школу, — ответила я уклончиво.

— Браво. Люблю прилежных детей. А я преподаю в колледже. Твои родители, наверное, гордятся тобой и подарили тебе эту поездку в награду за твои труды, не так ли? На их месте я сделал бы то же самое.

Вести беседу мне было трудно: я избегала тем личного характера и все время переводила разговор в другое русло либо сама задавала вопросы о нем самом. Он сказал, что работает преподавателем в Алжире уже пять лет и очень любит эту страну. Четыре раза в год он ездит во Францию навестить супругу.

Полет длился два часа. Время в компании интересного собеседника пролетело быстро.

— Уважаемые господа, пристегните ремни, — объявила стюардесса. — Через несколько минут наш самолет совершит посадку в аэропорту Орли—Южный.

Самолет шел на снижение, и я прильнула к иллюминатору: как приятно снова увидеть проплывающие внизу знакомые картины, так не похожие на алжирские. Мой приятный спутник на прощание пожелал удачной учебы и больших профессиональных успехов в будущем. Если бы он только знал, что я испытывала в тот момент! Но я никогда бы не доверилась незнакомцу. Поблагодарив его за приятную компанию, я пожелала счастливого свидания с супругой.

Выражения на лицах попадавшихся навстречу людей заметно отличались от тех, что я видела в алжирском аэропорту, — они излучали спокойствие. Жизнь во Франции казалась размеренной и умиротворенной.

В зале ожидания меня ждали тетушка и ее муж.

— Дорогой, — сказала она супругу, — посмотри, она действительно стала красивой девушкой! — Потом она повернулась ко мне: — Мать будет гордиться тобой, потому что из тебя выйдет очень красивая невеста!

— Но я не собираюсь замуж! — воскликнула я.

Тетушка рассмеялась, словно я сказала невесть какую глупость.

— Все девушки когда-нибудь выходят замуж, дорогая. А что им еще делать?

— Они могут трудиться, зарабатывать себе на жизнь и ни от кого не зависеть, — убежденно ответила я.

— Но только не дочь господина Шариффа, моя дорогая. И где ты всего этого набралась?

Забрав багаж, мь! поехали в дом к дяде. *Я с* восторгом рассматривала попадавшиеся на нашем пути громадные здания и сгорала от нетерпения поскорее сообщить Амине о своем приезде. Мне так хотелось ее увидеть.

— Как дела у твоих родителей?

— Спасибо, тетя, хорошо.

— Твоя мама рассказывала, что ты выросла, но я и представить не могла насколько. Это сколько тебе уже?

— Скоро пятнадцать.

— Мы обязательно отпразднуем твой день рождения, — пообещала она слащавым голосом. — Будешь умной и послушной, будешь относиться к нам с почтением, тогда мы купим тебе очень хороший подарок.

Будешь относиться к нам с почтением — что означают эти слова? Разве я не относилась с почтением к своим родителям? От тетушкиных речей у меня комок подступил к горлу. В голове один за другим стали возникать вопросы. Затевалась какая-то интрига! Но я гнала дурные мысли, чтобы насладиться своим пребыванием во Франции.

Когда мы приехали, я познакомилась с двумя двоюродными братьями, которых никогда не видела раньше. Они жили в Алжире, пока мы были во Франции, и переехали сюда, когда мы покинули страну.

— Заходи, моя дорогая, чувствуй себя как дома.

— Спасибо, тетя.

— Вот твоя комната, — сказала она, показывая комнату, которую уступил мне один из ее сыновей. — Распаковывай вещи и присоединяйся к нам в кухне.

— Можно я позвоню Амине?

— Амина *г*— это дочь мусорщика?

— Да, это она.

— Лучше поешь сначала. Ты наверняка проголодалась.

— Ну пожалуйста, тетя, — взмолилась я. — Позволь мне позвонить. Я восемь лет ждала этого!

— Ну ладно. Только быстро и сразу приходи обедать.

Я по памяти набрала номер Амины. Сердце выпрыгивало из груди, когда я повторяла про себя: «Только бы она была дома!» И вдруг я услышала голос моей подруги.

— Амина?

— Да, я.

— Это Самия, — сказала я дрожащим голосом, не в силах совладать с эмоциями.

Мне так много нужно было ей рассказать: о том, как трудно жить в Алжире, как мне не хватало ее поддержки все эти годы, пока мы были в разлуке. Но рядом находилась тетушка, которая слышала каждое мое слово и могла все передать моей матери! Поэтому я попросила Амину перезвонить мне через час, после того как поем.

— Расскажи, что происходит в Алжире, — попросила тетушка. — Как твои школьные успехи?

— Блестяще. Вот только я не смогла закончить учебу...

— Не расстраивайся, — перебила она. — Главное — ты умеешь писать и читать. Сегодня вечером нам нужно обсудить одно очень важное дело.

«Вот как! Значит, я была права насчет интриги! Отправляя меня во Францию, мой отец преследовал некую скрытую цель».

— О каком деле?

— Вечером узнаешь. Но ты не беспокойся. Речь идет исключительно о твоем благополучии.

Амина позвонила через час, как и было условлено. Тетушка, как только поняла, что звонит дочь мусорщика, недовольно буркнула:

— Не говори долго. Ты ведь знаешь отношение к ней твоей матери. Ей не понравится, что ты общаешься с этой девчонкой.

Я проигнорировала ее замечание, ведь я так соскучилась по своей подруге. К сожалению, я не могла поведать ей всего, потому что тетушка все равно была поблизости и слышала разговор. Перед тем как повесить трубку, я пригласила ее в гости, поскольку и здесь меня лишили права выходить из дому одной.

На мой вопрос, каким образом Амина может плохо на меня повлиять, тетушка заявила, что, по ее мнению, моя подруга опозорила своих родителей, заведя дружбу с парнем-французом. Я же была поражена ее храбростью! Она по-прежнему делала все, что сама считала нужным. Но я, разумеется, не стала говорить об этом тетушке. Вечером она пришла ко мне в комнату.

— Спишь?

— Нет, тетя.

— Вот и хорошо, потому что я хочу с тобой поговорить. Это очень важно!

Я поняла, что вплотную приблизилась к тому, чтобы узнать истинную причину моего приезда во Францию.

— Слушаю, тетя.

— Мне кажется, правильно было бы, если бы ты услышала все от твоей матери. Ты уже выросла и стала красивой девушкой. Я и твои родители решили, что настало время подыскать тебе хорошего мужа, который сделает тебя счастливой. И вот после долгих поисков мы нашли тебе замечательного молодого человека.

— Замечательный он или нет, а замуж я не пойду! — заключила я. — Мне не нужен молодой человек, чтобы стать счастливой. Мне еще нет пятнадцати, и я вполне счастлива со своими родителями.

— Знаешь ли ты, что в пятнадцать лет твоя мать уже родила твоего старшего брата?

— Это было другое время, другая эпоха. Теперь не выходят замуж в пятнадцать лет.

Я не смогла сдержать слез и расплакалась.

— Твои родители очень огорчатся, узнав о твоих речах. Ты должна руководствоваться не только эмоциями, но и рассудком. Выбора все равно нет. Ты должна подготовить себя ко встрече с будущим мужем, чтобы выказать почтение родителям, подарившим тебе жизнь и окружившим заботой.

Она говорила, говорила: что я должна и чего не должна делать, когда молодой человек придет знакомиться со мной. Казалось, она волнуется больше, чем будущая невеста. В какой-то момент она поняла, что я ее не слышу и она разговаривает сама с собой.

— Ну ладно, спи. Утро вечера мудренее.

В ту ночь я так и не смогла уснуть. Мысли путались. Я была зла на родителей. Так поступить со мной! Разве я их не слушалась? Все эти годы я старалась быть послушной и незаметной, чтобы не сердить их, Гнев постепенно рассеялся, и на смену ему пришло чувство безысходности. Почему они решили избавиться от меня именно так? Я хотела, чтобы кто-то объяснил мне все это, утешил. Мне так нужна была моя подруга, хотелось выговориться, попросить совета. Но я осталась наедине со своей бедой.

Кто этот молодой человек? И как вообще он может жениться на девушке, которую никогда не видел? Несколько позже у нас с тетушкой состоялся странный разговор, который я помню до сих пор.

— Тетя, можно у тебя кое-что спросить?

— Конечно, невеста.

— Мне не нравится, что ты меня так называешь.

— И то верно — ты еще не невеста, но за этим дело не станет.

— Что будет, если я откажу этому человеку?

— Отказывать не в твоих интересах, моя дорогая. Буду с тобой откровенна: у тебя нет выбора. Твои родители знают этого человека, он представляет интересы твоего отца здесь, во Франции. Он тоже алжирец, как и ты. Абдель Адиб — честный парень. Отец доверяет ему целиком и полностью.

— Вот и пусть поступает с ним по своему усмотрению, — возмутилась я. — Это не повод заставлять меня выходить за него замуж!

Я возражала, но понимала, что все напрасно. Чем больше я думала об этом, тем безвыходнее казалась мне эта ситуация-Утром стало еще беспокойнее. Видимо, не всегда утро мудренее вечера.

— Подъем! — скомандовала тетушка. — Надевай красивое красное платье и туфли, которые подобрала к нему твоя мать, и спускайся ко мне.

«Красивое красное платье! Значит, мать купила его специально для этого случая!» Моему возмущению не было предела. Все были в курсе, кроме меня. Впервые увидев платье, я не могла дождаться случая надеть .его, теперь же оно казалось мне ужасным — оно стало символом заговора против меня. Я чувствовала себя куклой, на которую надевают яркие тряпки, чтобы поскорее сбыть на рынке.

Увидев меня, тетушка воскликнула:

— Вы только посмотрите на эту красавицу! Жених будет просто очарован. И уж конечно заплатит более высокую цену.

— О какой цене вы говорите?

— Он должен подарить тебе дорогое украшение. Ведь жениться на дочери господина Шариффа — это очень

большая привилегия. Может, и мне кое-что перепадет в благодарность за труды.

В этом водовороте событий я, главное заинтересованное лицо, была лишена права голоса. Мне позволялось слушать и выполнять, что велят. Единственное, что мне оставалось, — молить Господа, чтобы я не понравилась этому мужчине и он отказался от женитьбы.

Когда в дверь позвонили, меня охватила паника. Я должна была ждать в кухне часа, когда нужно будет подавать кофе.

— Не забудь поздороваться, — напомнила тетушка.

От страха меня бросило в холодный пот, и я поняла, что не смогу надлежащим образом вынести поднос с чашками. Я позвала тетушку, но та выслушала меня рассеянно и без сочувствия.

— Знаю я эти твои комедии. Твоя мать меня предупреждала. Немного холодной воды на лицо, и все пойдет хорошо. Это все от волнения.

Она придирчиво осмотрела меня со всех сторон. Наверное, я была слишком бледна, потому что она вынула тюбик с губной помадой. Я опешила.

— Что ты делаешь? Мать убила бы меня, если бы узнала, что я пользуюсь помадой!

Тетушка улыбнулась и стала подкрашивать мне губы.

— Об этом не переживай. Мать просила, чтобы ты была красавицей и твой будущий муж принял тебя с первого раза. Приготовься, скоро твой выход. Сделай так, чтобы твои родители гордились тобой. Я иду в гостиную, а ты жди, скоро позову тебя.

Спустя несколько минут я услышала ее голос.

— Самия, детка! Предложи нашему гостю кофе.

Ноги стали ватными, казалось, я вот-вот упаду в обморок. «Господи, помоги», — молила я. И как ни странно,

мысль о том, что обо всем, что я сейчас делаю, узнает мать, придала мне уверенности. Зайдя в гостиную, я поставила поднос на стол и, не поднимая глаз, поздоровалась с присутствующими. Единственное, что я смогла рассмотреть, — это начищенные до блеска туфли.

Я так поспешно вернулась в кухню, словно за мной кто-то гнался. Опустив голову на колени, я заплакала от бессилия и злости одновременно. Я не видела гостя, но вполне могла представить, как он оценил меня с головы до ног, прикидывая, стоит ли покупать предложенный товар. Мне так хотелось поговорить с Аминой, но телефонный аппарат находился в гостиной, а туда мне ход заказан. Я сидела одна и ждала. В гостиной разговаривали и смеялись, а мне казалось, что весь мир развлекался за мой счет.

— Как это он сказал «да», — возмущалась я, когда гость ушел. — Я не знаю даже, как он выглядит! Я ни разу не взглянула на него!

— Сама виновата. У тебя была возможность на него посмотреть. Теперь поздно. Но в любом случае, он сказал «да» и пообещал прийти с подарком. Он так счастлив, что ты будешь его невестой!

— Думаю, что он женится на мне по расчету, ведь я — дочь его шефа. Если я не права, то почему он согласился жениться на девушке, которую видел впервые в жизни?

— Какой смысл гадать, Самия? Нужно поставить в известность твою мать. Надеюсь, я смогу ей сказать, что и ты согласна?

Неужели я могла не согласиться? Не дожидаясь моего ответа, тетушка позвонила матери и подробно рассказала о визите, делая особый акцент на согласии претендента. Жестом она показала, что все-таки ждет, что я скажу.

— Скажи ей, что я согласна, — сдалась я и побрела в комнату оплакивать свою судьбу.

Эта свадьба означала, что семье безразлично, буду ли я счастлива: они попросту отказались от меня. Отныне я не могу рассчитывать ни на кого и ни на что. Жизнь была закончена."Но неужели я не имела права на свою собственную судьбу и на счастье?

— Хочет ли невеста узнать, что ей передала мать? — беззаботно поинтересовалась тетушка, закончив разговор с матерью.

Для меня быть невестой означало то же самое, что быть покойницей.

— Вы убьете меня сегодня! — заорала я в приступе истерики.

— Тихо! Беду накличешь! Убить? С чего бы это? Сама сказала, что принимаешь предложение этого человека. Сама не знаешь, чего хочешь, красавица. Бедная твоя мать: иметь дочь с таким характером! Нет, ты не заслужила услышать то, что она сообщила.

Осознав, что вышла за рамки допустимых приличий, я извинилась и попросила разрешения позвонить подруге.

— Знаю, почему ты просишь извинения, — язвительно заметила тетушка. — Хочешь меня подкупить, чтобы я позволила тебе поговорить с приятельницей, с этой потаскушкой! Я не разрешаю тебе этого. И твоя мать тем более. Будет лучше, если ты ее забудешь.

— Ну пожалуйста, позволь мне увидеться с ней хотя бы разочек, — взмолилась я. — Это моя подруга детства. Я не допущу, чтобы она на меня хоть как-то влияла, обещаю.

— Дай слово, что больше не будет никаких проблем с замужеством?

— Даю,тетя.

Амина откликнулась на приглашение в тот же вечер. В памяти я сохранила ее образ — образ человека, который утешал меня и играл роль старшей сестры. Теперь она превратилась в красивую и элегантную девушку. Мы бросились друг другу в объятия, и я вцепилась в нее, как утопающий в спасательный круг. Так я поступала не раз в те далекие годы, когда нам было по шесть. Тетя предложила нам пройти в гостиную.

Подруга сразу заметила мое настроение.

— Рассказывай, что случилось?

— Они хотят выдать меня замуж, — прошептала я сквозь слезы.

— Ничего себе! Тебе ведь только пятнадцать лет. А кто этот человек, который хочет жениться на юной девушке?

— Он работает на моего отца. Приходил сегодня днем.

— Ты его хорошо знаешь?

— Ты что? Я даже не осмелилась на него посмотреть.

— Надеюсь, ты не примешь его предложение.

— Они не оставили мне выбора. Если я стану перечить отцу, он меня убьет.

— И ты это позволишь? — не унималась Амина.

— По-другому нельзя, поверь мне! Мне очень страшно.

Видя, в каком состоянии я нахожусь, Амина предложила остаться со мной на ночь. К моему изумлению, тетушка согласилась — правда, при условии, что я больше никогда не увижу Амину и не стану отказываться от замужества. Я готова была обещать все что угодно, лишь бы как можно дольше побыть с подругой. Теперь мы могли наговориться вдоволь.

— Моя бедная Самия, — сочувствующе проговорила Амина. — Зачем тебе соглашаться? Замужество — это очень серьезно. Ты будешь чувствовать себя несчастной и связанной на всю свою жизнь, если выйдешь замуж без любви. Ты не знакома с этим человеком, значит, ничего не знаешь ни о его достоинствах, ни о недостатках.

Боже мой, это же твоя жизнь, твоя, а не их! Скажи им все, что ты об этом думаешь. Скажи им, что ты ошиблась и не хочешь связывать свою жизнь с человеком, которого не выбирала. Так выходили замуж во времена наших родителей, но не в 1978 году. Я знаю, что нужно сделать. Я расскажу о тебе своему куратору из службы социальной помощи, и она освободит тебя от их когтей, — сказала Амина, гордая тем, что нашла правильное решение.

— Не вздумай, Амина. Я не хочу проблем со своей семьей! Они способны на все.

-г- И ты называешь их семьей? Неужели ты не понимаешь, что они готовы похоронить тебя заживо?!

— Знаю, Амина. И все понимаю. Но прошу тебя ничего не предпринимать. Давай не будем о проблемах. К тому же я обещала тете не менять своего решения. Все, ни слова об этом. Расскажи лучше о себе.

— Ну ладно. Я меня есть любимый парень. Когда-нибудь мы поженимся, но пока я живу с родителями, мы встречаемся с ним несколько раз в неделю. Мы влюблены друг в друга как сумасшедшие.

— Завидую я тебе. Ты влюблена и счастлива! У меня такого, наверное, уже не будет.

— Ты никогда ни в кого не влюблялась?

— Я не была знакома ни с одним мальчиком. Мне это запрещали. Но может быть, я и влюблена, если это можно так назвать. Мне очень нравится один мужчина, которого я вижу из своего окна.

— Это не любовь. Это только влечение. Желаю тебе по-настоящему влюбиться хоть раз в жизни.

— Я не знаю, как можно влюбиться, постоянно находясь под присмотром родителей, а потом с мужем. А мне так хотелось выйти замуж за человека, которого я полюблю!

Мы болтали и смеялись всю ночь, как девочки-подростки, кем, собственно говоря, и были. Утром пришла тетушка.

— Девочки, поднимайтесь. Амина, твоя мама сказала, чтобы ты была дома к восьми часам. У тебя осталось время только на то, чтобы умыться и собраться.

Тетушка ушла, и Амина спародировала ее голос и мимику. Мы рассмеялись, как две заговорщицы.

Пока Амина была в ванной, тетушка поинтересовалась, говорила ли я подруге о своей свадьбе. Я покачала головой.

— Ну и правильно. Она наверняка бы стала тебе завидовать. Ведь ты выходишь замуж раньше ее! Держись от нее подальше. Помни, ты обещала больше с ней не встречаться.

— Конечно. Тем более что послезавтра она уезжает в Лион навестить свою тетю.

— Скатертью дорога. Замечательно. Как у нас говорится: закрой дверь, через которую дует ветер. К тому же я уверена, что она едет не к тете, а куда-то со своим французским ублюдком. Я говорила, что она потаскуха.

При появлении Амины тетушка умолкла. Мы молча позавтракали, каждая думая о своем, а на прощанье взялись за руки.

— Замужем или нет, я всегда здесь. Если ты еще раз приедешь, не стесняйся: звони, приходи.

Ее слова были для меня бальзамом на сердце. Обняв меня на прощание, Амина ушла.

Во второй раз я расставалась с лучшей подругой против своей воли. Я тоже хотела, как и она, быть свободной, поступать по собственному разумению, учиться и любить того, кого выбрала сама. Как и все девушки моего возраста, я мечтала о большой и прекрасной

любви. Не судьба. Жизнь распорядилась иначе. Или точнее — иначе распорядились родители.

Прошла неделя каникул, и тетушка объявила о предстоящем визите жениха. Он должен будет подарить мне свадебный подарок: дорогой перстень и часы.

— Как же он мог подобрать мне перстень, не зная размеров моих пальцев? — удивилась я.

— Я сказала ему, что твои пальчики тонкие, как карандашики. К тому же ты всегда можешь подправить перстень в ювелирной мастерской. Ты рада?

— Чему я должна радоваться? Перстню? У меня их дома полно. У меня нет ни малейшего понятия о человеке, который хочет на мне жениться. Я его не знаю и не люблю.

— Сама виновата,— в который раз упрекнула меня тетушка. — Не разыгрывай оскорбленную невинность. В любом случае ты увидишь его на свадьбе. У тебя впереди вся жизнь, чтобы научиться его любить.

Тетушка желала подбодрить меня, но ее слова еще больше испугали меня: все произошло так, как планировали мои родители, и я ничего не могла поделать.

После обеда новоиспеченный жених пришел с визитом. Он разговаривал с тетушкой и смеялся. Слушая его голос, я все больше и больше его ненавидела. Как только он ушел, тетушка с радостными ю-ю * принесла мне подарок.

— Ю-ю... ю-ю... прими мои поздравления, дорогуша! Разверни пакет! Горю от нетерпения увидеть перстень, достойный Самии Шарифф.

— Не хочу. Я у него ничего не просила. Сама открывай, если тебе так хочется.

* Ю-ю — пронзительные выкрики, издаваемые арабскими женщинами во время некоторых церемоний. *(Примеч. авт.)*

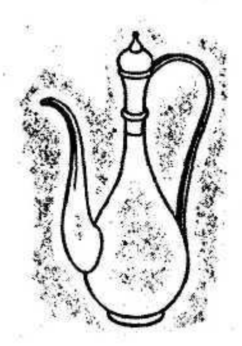
Как маленький ребенок, сгорающий от любопытства, она неуклюже развернула пакет. Внутри был перстень с изумрудом и золотые часы. С восхищением тетушка протянула подарки мне.

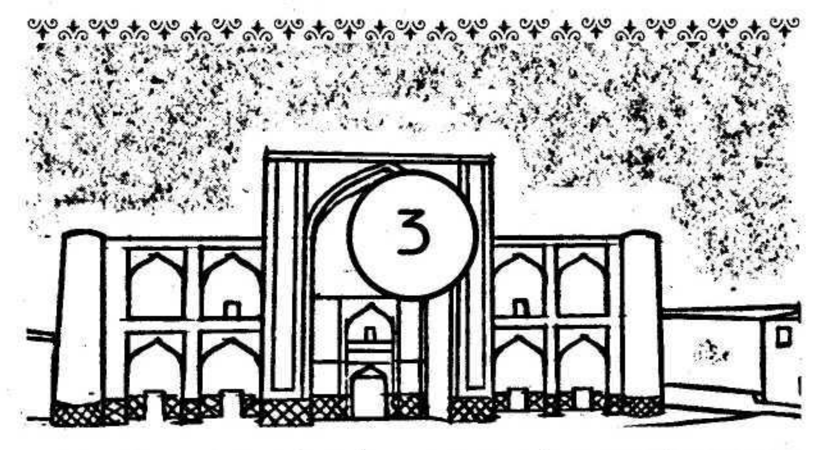
— Упакуй аккуратно. Покажешь матери, когда вернешься домой. И береги эти вещи. Ты будешь носить их всю жизнь, а сейчас можешь померить.

— Может, позже. Сейчас не хочется.

— Вот еще, опять недовольна! Современным девушкам не угодишь.

Чтобы не слышать ее обидных слов, я удалилась в свою комнату. Тетушка никак не желала понимать, почему мне были безразличны эти драгоценности. Ей не понять, что для меня даже примерка была равнозначна пожизненной кабале. Я хотела, чтобы меня оставили в покое, но желанного покоя оставалось все меньше и меньше.

ч/ta 4 z/лэ 4 еда х еда 4ед~>4ед~>4 едэ 4 еда 4 ед~>4 ^ib5 4 ед~>4 еда 4 ед*

3

Свадьба

Пои так называемые каникулы закончились, настала пора возвращаться в Алжир. Я желала оказаться как можно дальше от моего жениха и всего с ним связанного. Махнув рукой тетушке с дядюшкой на прощание, я поспешила в самолет. Хотелось поскорей забыть все случившееся на этой неделе! Я была готова встретить в штыки неминуемые расспросы матери. «Или она думает, что я буду прыгать от радости? Отличная перспектива — выйти замуж за человека, которого мне выбрали! Как бы не так! Родители, должно быть, счастливы, потому что нашли человека, который возьмет за меня всю ответственность. Они могут больше не бояться бесчестья по моей вине. Теперь-то они будут спокойны», — рассуждала я.

Встреча с родителями представлялась мне все более опасной. Но к счастью, отец был занят, и в аэропорту меня встречал шофер.

— Здравствуй, Самия. Хорошо провела время в Париже?

Я разыграла роль нормальной девушки, которая пробела интересные каникулы, и сообщила ему, что мне было весело и теперь я скучаю по Парижу. Если бы он только знал правду! Но рассказать о том ужасе, который довелось пережить, я не могла. Как и большинство людей, он был уверен, что все девушки из богатых семей живут счастливой и интересной жизнью, потому что у них есть красивый дом и все, что они пожелают. Даже человек, приближенный к нашей семье, не догадывался о том кошмаре, в котором я жила.

У меня было трудное детство, а теперь я оказалась за шаг от того, чтобы стать женщиной, так и не испытав радостей, доступных моим сверстникам.

Увидев меня, мать взяла мои ладони в свои. Странно! Первый раз в жизни она сделала это.

— Браво, девочка! — воскликнула она. — Вот теперь я узнаю свою дочь. Мы с отцом гордимся тобой.

— Чем именно вы гордитесь? — спросила я, отважно выдерживая ее взгляд.

— Не смотри на меня так, — добавила мать более прохладным тоном.

Я опустила глаза.

— Слушаю. Что ты там хочешь сказать?

— Ради любви к Всевышнему, не заставляйте меня выходить замуж за человека, которого я никогда не видела.

— Так почему же ты на него не посмотрела? — рассмеялась мать. — Мы с отцом затем и отправили тебя в Париж, чтобы ты увидела его. И прекрати поминать всуе имя Божье, лучше слушай, что тебе говорят родители. Ибо это и есть воля Всевышнего. Нам не в чем себя

упрекнуть, мы выполнили свой родительский долг. Да знаешь ли ты, что даже не заслуживаешь такого жениха? Он слишком для тебя хорош. Угораздило же его выбрать такую поганку, как ты!

— Я не хочу выходить замуж!

Мать залепила мне пощечину.

— Я смотрю, во Франции тебе удлинили язык, раз ты осмеливаешься возражать матери! Знай, что жизнь — это не кино о любви, которое показывают по телевизору. Отцу лучше не знать, что ты мне наговорила. Знаешь ли ты, что может тогда произойти?

Я молча посмотрела на мать.

— Он выберет на кухне самый тупой нож и перережет тебе горло на моих глазах.

Страх пронзил мое тело, и с того дня я часто представляла, как к горлу мне приставляют лезвие.

Мать пожелала посмотреть подарки, и я с безразличным видом протянула ей пакет. Я хотела одного — уйти к себе.

— Становись взрослее! Тебе пятнадцать лет, и скоро ты будешь жить с мужем. Что он подумает о нас, узнав, как ты себя ведешь в этом возрасте? Теперь можешь идти.

Как мне не хватало моей комнаты! Это было мое укрытие, здесь я чувствовала себя в относительной безопасности. Разложив вещи, я выглянула в окно, но, к моему разочарованию, окно напротив было занавешено. Какая досада!

Пришел Камель справиться о своих французских приятелях, но о них мне нечего было рассказать, и я поведала ему о своих злоключениях. Брат стал расспрашивать о моем женихе.

— Кто он? Ты познакомилась с ним там?

— Как бы не так! Он управляющий рестораном отца.

— Теперь я понимаю, почему отец с матерью так радовались, отправив тебя туда. Мы с Фаридом подозревали что-то неладное.

Вскоре пришел и Фарид. Он хотел расспросить меня о жизни в Париже, но младший брат дал понять, что момент не самый удачный.

— Что случилось, Самия? — все-таки спросил Фарид. — Ты что-то натворила? В таком случае, не хотел бы я оказаться на твоем месте.

— Замолчи, — перебил Камель. — Ничего она не натворила — ее хотят выдать замуж.

— Как это выдать замуж? Ты ведь еще юная. И кто этот счастливчик?

— Я его не знаю, и даже не решилась взглянуть на него, когда он приходил посмотреть на меня.

— Ты согласилась? — спросил Камель испуганно и удивленно одновременно.

— Мое «да» или «нет» никому не интересно. Все уже решено за меня: свадьба состоится. Они хотят избавиться от меня как можно скорее, отправить меня подальше от вас.

Я заплакала, словно мне предстояло покинуть братьев уже сегодня.

— Неразрешимых проблем не бывает, — подал надежду Фарид. — Я поговорю с матерью и заставлю ее прислушаться к голосу разума.

Братья пошли в свои комнаты, когда вернулся отец. Сердце выпрыгивало из груди — я боялась встречи с ним, будто на самом деле совершила какой-то проступок. Спросит ли он, как прошла поездка? Или как прошло сватовство? Что мне ему ответить? Разговор с отцом для меня был равносилен разговору с Богом.

Я осмотрела себя, проверила, не растрепались ли волосы, как я одета. Отец всегда требовал, чтобы я скрывала от всех, что я женщина, а теперь позаботился о том, чтобы я стала замужней женщиной.

Как обычно, он сидел за столом один и ждал, пока мать, словно его личная служанка, подаст ужин. Я подошла, чтобы поцеловать его, но он не позволил, ограничившись рукопожатием, как с чужим человеком.

— Как прошла поездка? Надеюсь, что это был первый и последний раз, когда платил за тебя я. Все последующие поездки будет оплачивать твой супруг.

— Да, папа, спасибо, — ответила я сдержанно.

— Надеюсь, ты слушалась тетку?

— Да, папа. Я делала все, что она мне говорила.

Он собирался сделать мне знак удалиться, как вдруг передумал. От страха я втянула голову в плечи.

— А ну-ка посмотри на меня.

Сердце бешено забилось. Я подняла голову.

— Ты красишь ресницы тушью?

Моя душа ушла в пятки.

— Нет, отец! Я совсем их не крашу. Клянусь, я никогда не прикасалась к туши для ресниц.

— Подойди и вытри глаза платком. Сейчас посмотрим, говоришь ли ты правду.

Взяв платок, я протерла глаза. Я знала, что платок останется чистым, ведь под страхом наказания никогда не пользовалась макияжем.

— Хорошо. Я удовлетворен. А то было подумал, что ты стала нарушать мои запреты. Иди и позови мать, мне нужно кое-что у нее уточнить.

Он вернулся к еде, а я пошла за матерью. Мать немедленно отложила яблоко, с которого срезала кожицу, и отправилась к отцу. Из кухни я услышала их разговор.

— Перескажи мне, что говорила тебе Самия, — потребовал отец.

— Она была очень довольна и особенно благодарила тебя. Все-таки в глубине души наша дочь признательна за то, что мы желаем ей только добра.

— Что она думает об Абделе?

— Только хорошее. К тому же она уверена: все, что решит ее отец, для нее хорошо. Поверь, она послушная, когда хочет. Она знает, что ты не выбрал бы для нее кого попало.

— Это в ее интересах. Нам, можно считать, повезло, что мы нашли такого солидного человека, который согласился жениться на Самий без каких-либо предварительных условий. Теперь рассчитываю на тебя: ты должна сделать ее женщиной, достойной носить имя мужа. До свадьбы год. Ты покажешь ей, как содержать в порядке дом, как готовить еду и ухаживать за одеждой. Пусть усвоит, что жена должна слушаться и уважать супруга. Я хочу ходить с высоко поднятой головой перед нашими земляками во Франции. Когда она выйдет замуж, мы перестанем быть за нее в ответе, эту эстафету примет муж. Я сыт ею по горло. Как это утомительно — иметь дочь! Это такой позор. А ведь подрастает еще одна. — Тяжело вздохнув, отец замолчал.

Я пошла в комнату, размышляя о своей судьбе после услышанного. Ну что ж, я была только проклятием, карой, ниспосланной свыше на головы моих родителей.

В течение следующего года служанки обучали меня работам по дому, а мать — приготовлению пищи. Когда я готовила блюда сама, отец критиковал их, ругал меня как не способную ни на что. По его словам, если я буду

потчевать своего будущего мужа этим, тот отошлет меня обратно после первого года совместной жизни. Если бы так произошло на самом деле, вряд ли я об этом жалела бы.

Оставшиеся до свадьбы дни я считала, словно последние в моей жизни. Потеряв аппетит, осунулась. Мать сердилась, думая, что я отказываюсь от пищи умышленно, чтобы вынудить жениха отказаться от тщедушной некрасивой женщины, и заставляла меня есть всеми известными ей способами.

Весь год я часто болела, отчего стала слабой и малоподвижной. Потеряла двенадцать фунтов *, учитывая, что и до этого я не считалась девушкой в теле. Часто не могла заснуть и ночи напролет, представляя свою жизнь с чужим мужчиной. А мысль о предстоящих физических контактах приводила меня в панику.

Я никогда не находилась наедине с парнем, не считая братьев. Родители, приучившие меня сторониться всех представителей мужского пола, теперь сами бросали в объятия незнакомого мужчины. Меня словно вывернули наизнанку.

Мать вместе с тетушками готовились к свадьбе. Они хотели, чтобы праздник получился грандиозным, достойным семьи Шариффов. Сколько бы это ни стоило, родители собирались поразить гостей, так чтобы о моей свадьбе еще долго говорили в городе. Были заказаны великолепные ткани, сделанные лучшими мастерами с Аравийского полуострова.

По нашей традиции новобрачная должна несколько раз проходить перед гостями, каждый раз меняя платья. Богатство семьи невесты оценивалось по качеству и цене нарядов. Чем больше роскоши, тем большего уважения заслуживала семья.

* Примерно 5,5 килограмма. *(Примеч. пер.)*

Мать заказала у портных двенадцать самых лучших платьев, одно роскошней другого, в том числе официальное свадебное платье, которое мать ждала откуда-то из Италии.

Роскошные наряды и дорогие украшения были достойны принцессы, но мне это больше напоминало грандиозные похороны, которые готовили для меня родители. Закрывая глаза, я повторяла про себя, что это сон, кошмарный сон, но я проснусь — и все закончится. Однако ночь проходила, а кошмар оставался.

В Алжире свадебному празднованию придают большое значение. Чем семья богаче, тем больше должно быть роскоши. Мои родители, помешанные на репутации, собирались закатить пир на весь мир.

В приготовлениях я участвовала лишь в случае крайней необходимости: продолжала худеть, поэтому наряды подгонялись по фигуре в самый последний момент. Вокруг меня все вертелось, суетилось, а я была как сомнамбула.

По мусульманской традиции мои тетушки и двоюродные сестры повели меня в *хаммам* — турецкие бани, где невесту очищали горячим паром, сопровождая мой путь традиционными народными песнями и пронзительными ю-ю. Считается, чем пронзительнее ю-ю, тем больше радость, тем удачнее церемония. Радости у меня не было, зато уши закладывало от шума.

Тетушки и кузины не понимали, почему я так мрачна.

— Счастливая! У тебя платье, о котором можно только мечтать, роскошные наряды, а жених просто идеальный.

Вот бы оказаться на твоем месте! Не делай такой скорбный вид.

После хаммама шофер отвез нас домой. По дороге он встревожено поглядывал на меня в зеркало заднего вида, но я хранила молчание. Когла я выходила из автомобиля, он подал мне руку.

— Поздравляю вас! Вы молодая и красивая невеста! От всего сердца желаю: будьте счастливы!

— Спасибо, — ответила я взволнованно. — Вашим дочерям в самом деле повезло с отцом.

На пороге меня встретила мать, поздравила и проводила в комнату.

В арабских странах будущая невеста всегда ходит с сопровождением и делает только то, что ей говорят. И так до тех пор, пока ее не передадут жениху. Кроме того, невеста должна остерегаться дурного глаза. Мусульмане верят, что среди окружающих всегда найдется завистник, желающий зла, поэтому принимают меры предосторожности.

— Из комнаты ни на шаг, — напомнила мать. — Я принесу тебе поесть, только на этот раз постарайся, чтобы тарелки остались пустыми. Твой муж подумает, что мы морили тебя голодом.

Я попросила ее задержаться немного.

— Мама, я не хочу никуда уезжать. Я боюсь жить с ним одна. Пожалуйста, не позволяйте увозить меня далеко!

— Ну чего ты боишься? Я знала, что ты захочешь сорвать свадьбу. Ты терпеть не можешь счастливых людей вокруг себя. Ты постоянно перечишь. Мы с твоим отцом потратили столько времени и сил, чтобы подготовиться к празднику, а ты желаешь все испортить? Сядь и успокойся. Хоть раз будь взрослой. Позволь нам насладиться этим долгожданным днем. Когда ты нас покинешь, мы хотим не поминать тебя лихом.

— Я боюсь жить далеко от дома с мужчиной, которого совсем не знаю.

— Послушай, — спокойно продолжала она. — Постараюсь убедить тебя на примере. Перед тобой две тарелки: в одной суп, приготовленный твоими родителями, в другой — жаркое сомнительного происхождения. Что ты выберешь?

— Я выберу тарелку, которую приготовили вы, но ведь речь идет не о супе или жарком, а о моей жизни! Неужели она для вас ничего не значит?

— Самия, угомонись, — нетерпеливо перебила мать. — Ты поедешь с ним. Мы же выбирали тебе не палача, который поведет тебя на эшафот. Я тоже не была знакома с твоим отцом до нашей первой ночи, но я же не умерла. Посмотри теперь, как я живу. Уверена, ты тоже будешь жить так же хорошо, как и я. Да, мы выбрали Абделя, поэтому если у тебя с ним возникнут проблемы, мы всегда сможем помочь. Заклинаю тебя Господом, не позорь нас перед гостями, улыбайся, пожалуйста...

И, оставив меня наедине с моим горем, мать ушла.

Раздались пронзительные ю-ю — пришла старшая сестра матери и объявила о прибытии *ханайи* для третьего, заключительного этапа покраски.

Ханайя — женщина, которая при помощи цветной пудры на основе хны наносит на тело невесты специальные рисунки, которые символизируют чистоту невесты, и только самые близкие гости и родные имеют право прикоснуться к такому рисунку-талисману. Работа эта занимает три дня, в течение которых ханайя постоянно сопровождает невесту, куда бы та ни направлялась.

- Чем гуще хна, тем дольше на теле держится краска.

Хну я никогда не любила, а перед свадьбой тем более. Никак не могла избавиться от чувства, что меня метят, как скотину. Мне так хотелось стать некрасивой и отталкивающей, чтобы жених от меня отказался, а когда я о нем думала, у меня начинались колики...

Голос ханайи вернул меня к действительности.

— Ну почему у тебя такое грустное лицо? — спросила она. — После покраски и эпиляции мы поедем к Амире. Она лучший парикмахер в стране. Скажу тебе честно, такая грандиозная свадьба, как твоя, — редкость. Все наряды выбраны с большим вкусом. Что ты сделаешь со своим свадебным платьем после церемонии?

— Понятия не имею, — честно ответила я. — Спросите у матери. Она его покупала.

— Я бы хотела подарить его своей дочери, если это возможно. Надеюсь, ей повезет так же, как и тебе. Поверь, то, что сейчас с тобой происходит, — это сказка!

Для меня это было сказочным несчастьем. Я готова была все отдать, чтобы родиться в другой стране и в другой семье!

Подошло время делать полную эпиляцию. На теле невесты-мусульманки не должно остаться ни единой волосинки за исключением бровей, которые просто прореживали. Раньше я никогда ничего подобного не делала, но меня предупредили, что будет больно, ведь для эпиляции применялся воск. Во время процедуры я плакала от боли, не зная, какая сильнее: физическая или душевная. К тому же мастер все время смеялась над моими слезами!

Оценивая результат, мать поморщилась.

— Чересчур тонкие брови. Отец будет недоволен.

Ханайя возразила.

— Он мог бы немного и ослабить вожжи. Как-никак дочь уходит к мужу.

«Горе мне, если и мужу окажутся не по нраву выщипанные брови», — подумала я.

Обе женщины рассмеялись. Я стояла рядом, словно живая кукла.

— Теперь можно и к парикмахеру, — сообщила ханайя. — Госпожа Шарифф, вы пойдете с нами?

— Нет, я должна остаться здесь. С невестой пойдут две кузины. Я сейчас принесу накидку для Самии и предупрежу шофера.

Проведя большую часть последних трех дней в комнате, я воспользовалась случаем, чтобы взглянуть на белый свет, но поскольку в обед ничего не ела, я чувствовала слабость.

Садясь в автомобиль, я заметила сочувствие на лице шофера.

— Можете включить музыку? — попросила сопровождающая. — Мы готовимся к свадьбе, а не к похоронам.

Чтобы доставить мне удовольствие, шофер выбрал музыку, которая нравилась мне в те времена, когда он возил меня в школу. Но он не знал, что эта же мелодия была записана на грампластинке, разбитой отцом в конце учебного года. Она лишь напомнила мне о несчастье.

Выходя из машины, мы попросили шофера забрать нас через три часа.

Парикмахер оглянулась в поисках следующей клиентки.

— Это вы? —г справилась она у моей спутницы.

— Я бы с удовольствием, но теперь очередь малышки Самии, а я помогаю ей.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать, мадам.

— Выглядишь как четырнадцатилетняя. Тебе точно шестнадцать? Хотела бы я поговорить с твоей матерью, чтобы в этом убедиться, — говорила она, разглядывая меня, словно я была раненым животным. — Какую ты хочешь прическу? У тебя прекрасные волосы, и не хотелось бы стричь их коротко.

Она говорила со мной так, как говорят с детьми, настолько ей было трудно представить меня в качестве невесты.

— На ваше усмотрение, мадам. Я в этом ничего не понимаю.

Парикмахер более не настаивала. Она подняла и собрала волосы наверх — получился большой шиньон, в два раза шире моей головы. Когда она приступила к макияжу, я попросила сделать его легким, поскольку по моему лицу беспрестанно текли слезы. Рассеянно выслушав пожелания счастья, я села в машину. Шофер улыбнулся.

— Как ты красива, девочка! Пусть Бог никогда не оставит тебя без помощи.

Я промолчала. Поездка оказалась слишком короткой, а мне хотелось, чтобы она продолжалась бесконечно.

— Будьте смелее! Выше нос! — подбодрил шофер и церемонно пожал мне руку.

У него на глазах проступали слезы, я была тронута его сочувствием, но надо было идти, потому что невеста не должна останавливаться перед дверью.

Все женщины, находившиеся в тот миг в доме, включая мать, собрались вместе и принялись рассматривать меня со всех сторон. Издавая радостные крики, все поздравляли мою мать. Всеобщее ликование.

— Видит Господь, какая она красивая, наша Самия! Какая красивая у вас дочь!

Мать тоже смотрела на меня с гордостью, а когда мы остались наедине, сказала:

— Посмотри, как ты изменилась! Ну просто красавица! Такой подходящий момент побыть красивой. Ты еще больше понравишься своему мужу. Когда я выходила замуж, у меня не было всего того, что есть у тебя. Почувствуй себя счастливой, дочь! Через час ты уже не будешь мадемуазель Шарифф, ты станешь мадам Адиб.

Мать ушла, и я снова расплакалась, потому что все больше и больше боялась того момента, когда увижу своего будущего мужа. Какие слова я буду ему говорить? На какую вообще тему могут разговаривать два абсолютно чужих человека? Ведь мужчины, с которыми мне доводилось общаться до сих пор, были либо мои братья, либо пожилые люди, такие как мой отец.

Мне сказали, что скоро ко мне придут спрашивать, согласна ли я выйти замуж. Ответив утвердительно, я должна буду поставить свою подпись в регистрационном журнале. Лицо мое при этом останется закрытым.

Через десять минут я услышала голос — кто-то читал Коран. Затем наступила полная тишина. Приближался решительный момент. В дверь постучали. Я закрыла лицо накидкой, как меня учили. Дверь распахнулась — на пороге стоял лучший друг и врач отца.

— Здравствуй, моя девочка! Приподними накидку, я хочу увидеть твои прекрасные глаза.

Я послушалась.

— Твой отец назначил меня главным свидетелем, чтобы подтвердить твое согласие, прежде чем передать тебя Абделю. Ты согласна, девочка?

— Посмотрите на меня, дядя Али. Неужели вы думаете, что я рада тому, что сейчас происходит?

— Что ты хочешь сказать? Ты не согласна?

Я подтвердила кивком головы.

— Зачем же ты позволила родителям поступить так, если ты не согласна? — продолжал он задавать вопросы.

— Умоляю вас, дядя Али, пожалейте! Не дайте насильно выдать меня замуж! Я готова покончить с собой, чтобы избежать этих мук. Готова на это, даже если никто после этого не будет меня оплакивать.

— Что же мне сказать твоему отцу? Сейчас же поговорю с ним.

Я поняла, что должна пойти на попятный, иначе в который раз испытаю на себе гнев отца, и я остановила дядю Али.

— Самия, я вижу, что ты не согласна. Я тоже против того, чтобы тебя выдавали насильно. Ты приносишь себя в жертву, но я должен предпринять попытку предотвратить это. Успокойся, я сделаю все, что в моих силах.

И он вышел из комнаты. Слезы еще не высохли на моих щеках, как я уже раскаивалась в сказанном, упрекая себя в том, что испортила такой важный день для моих родителей. Проклиная себя, я сильно ударила себя по щеке.

Раздались шаги отца. Когда открылась дверь, я увидела его полные ненависти глаза и, затаив дыхание, закрыла лицо руками.

— Если у нас сегодня не будет праздника, я перережу тебе горло и выпью твою кровь, проклятая девка! — исступленно заорал он. — Ты не моя дочь, не моя кровь! Сатанинское отродье! Ты всегда отравляла мне жизнь. Не можешь удержаться в последний день, который проведешь в моем доме! Тебя направляет дьявол, вот кто! А теперь ты закроешь свою пасть и покорно выйдешь замуж. Так я навсегда избавлюсь от тебя. Даже если

тебя будут рвать собаки, я не пошевелюсь, чтобы тебе помочь. Ты поняла?

— Да, отец, я раскаиваюсь, что так поступила.

— Не реви, меня твои крокодиловы слезы не трогают.

Он вышел, хлопнув дверью. Слезы лились в три ручья. Дядя Али попросил свою жену Кариму утешить меня, но, увидев меня, она сама залилась слезами.

— Что они с тобой сделали? Не плачь, я буду с тобой до последней минуты.

Карима рассказала, что ее тоже выдали замуж против воли, но дядя Али оказался хорошим человеком, и со временем она полюбила его. Возможно, мне тоже повезет, как и ей.

— Подожди, я поищу что-нибудь, чтобы подправить твой макияж. От слез у тебя остались разводы.

Меня уже ждали в зале для торжеств. Приведя в порядок макияж, она помогла мне надеть свадебное платье.

Я вышла из комнаты, которая больше мне не принадлежала. Я покидала свой маленький кокон навсегда. Какой тяжелой ни была моя жизнь дома, уйти отсюда нелегко. На пороге я задержалась, чтобы в последний раз окинуть взором и запомнить это место навсегда.

Женщины толкались, чтобы увидеть меня в наряде, а я искала глазами мать. Она не двинулась с места.

— Давай, девочка. Спускайся, — напутствовала тетя Карима, и я продолжила свой путь.

Мне покрыли голову и лицо плотной вуалью, в которой я должна была пройти в автомобиль.

Лицо новобрачной следует скрывать от глаз публики до тех пор, пока ее не привезут в зал для торжеств. Чтобы никто не сглазил. Мать была убеждена в истинности этого поверья: если в дом приходит беда, это всегда последствие сглаза недоброжелателей, которые завидуют

твоему счастью. А сегодня, в столь знаменательный день, нужно было соблюдать особую осторожность.

Алжирская традиция требует, чтобы отец невесты поднял руки над парадной дверью дома. Новобрачная, переступая порог, проходит под вытянутыми руками отца, который в последний раз целует дочь. Этот ритуал — залог будущей беззаботной жизни невесты. Когда я проходила под руками отца, он прошептал вместо поцелуя:

— Ты не заслуживаешь, чтобы я сказал тебе «прощай».

И снова по щекам покатились слезинки.

Машина для невесты была роскошной — черный автомобиль класса люкс, украшенный многочисленными лентами и белыми цветами. Недавно получивший водительские права Фарид в роли шофера был очень серьезен. В сопровождении нескольких женщин я села внутрь. С меня сняли плотную вуаль, под которой я чуть было не задохнулась, оставив только легкую прозрачную белую фату из той же ткани, что и платье. Брат не видел меня три дня, поэтому с нежностью поглядывал на меня и улыбался, но я никак не отреагировала. Тетя Карима крепко сжала мою руку.

— Приехали, — торжественно провозгласил Фарид.

Снова надев мне на голову плотную накидку, меня отвели в специальный зал для новобрачных. Стояла ужасная жара, и я поспешила избавиться от этой хламиды.

Заиграла музыка, и в зале стали появляться гости. Тетя Карима справилась, как я себя чувствую.

— Как приговоренная к смерти, — выдохнула я слабым голосом.

— Не говори так, девочка. В день свадьбы не говорят о несчастье.

Меня усадили в кресло на возвышении, так, чтобы всем было видно, и вручили коробочку с кольцом, которое я должна буду надеть жениху на палец. От одной только мысли, что я буду это проделывать на глазах у толпы гостей, меня бил озноб.

Ю-ю стали пронзительнее, настойчивее: в зал вошел жених. Все повернулись в его сторону, и я воспользовалась случаем, чтобы наконец рассмотреть его. Среднего роста, широкоплечий, он производил впечатление сильного человека. Темные глаза и густые черные усы.

Жених подошел к креслу, стоявшему рядом с моим. Я опустила голову, чтобы не встречаться с ним взглядом.

— Настало время искупления за все твои глупости, — прошептала мать и отошла в сторону. — Будь любезна, Самия.

Жених сидел рядом, а мне казалось, что вот-вот я упаду в обморок. Но не случилось. Я выдержала. Певчие выводили рулады в мою честь, публика аплодировала.

Пришло время для торжественного дефиле в двенадцати платьях, подобранных матерью. Женщина, выполняющая обязанности свадебного распорядителя, отвела меня в специальную комнату. Дефиле началось. Я надевала одно платье, проходила в нем до своего места, садилась на пять минут, после чего вставала и уходила. Надевала следующее и снова возвращалась... Я чувствовала себя неловко, расхаживая туда-сюда, но так у меня появлялась возможность быть подальше от жениха.

После двенадцатого наряда я вновь облачилась в свадебное платье, в котором чувствовала себя, как в робе смертника, и мать с улыбкой подала жениху знак, что настало время обменяться кольцами.

Жених повернулся ко мне, требуя протянуть руку. Впервые он обратился ко мне. Глаза гостей были прикованы к нам, и я обвела взглядом присутствующих в поисках сочувствия. Мать жестом потребовала быть вни-

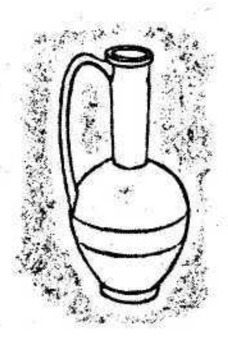
мательнее к тому, что происходит. Тетя Карима печально показала на свой палец. Я поняла — настала моя очередь. Доставая кольцо из коробочки, я уронила его, и Абделю пришлось наклоняться за ним. Я аккуратно взяла кольцо, и хотя пальцы тряслись, вторая попытка оказалась удачной. Никогда раньше я не касалась руки постороннего мужчины. Это взволновало меня.

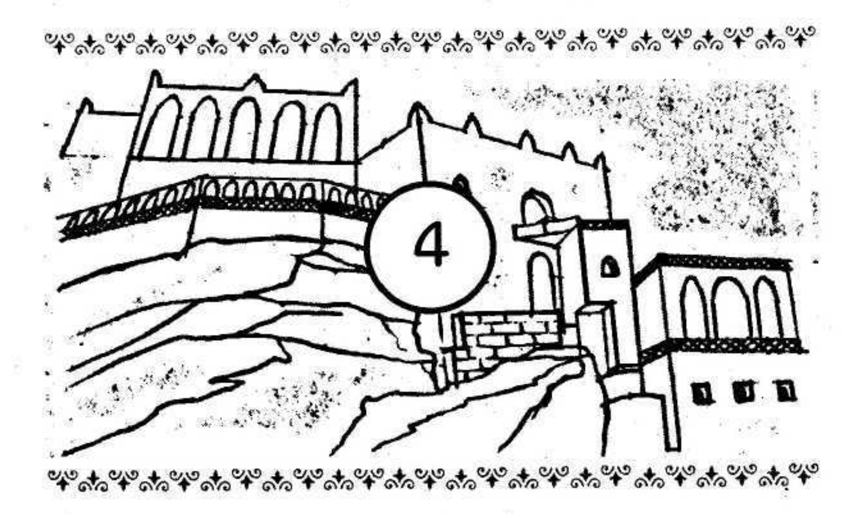
Обменявшись кольцами с женихом', я почувствовала облегчение, правда, на короткое время. Я знала, самый тяжелый момент впереди. Около восьми часов грянула прощальная песня, и Абдель повел меня к выходу. Тетя Карима шла рядом.

— Я здесь, Самия, не беспокойся. Я буду сопровождать тебя до дома твоего дяди. Там пройдет ваша первая брачная ночь.

Я попросила ее надеть на меня накидку. Не хотелось, чтобы посторонние видели мои слезы.

И в сопровождении Каримы я прошла к автомобилю для женщин.

Эта «прекрасная» первая брачная ночь!

Пой муж — теперь у меня был законный муж — должен был присоединиться ко мне в нашу первую ночь.

Тетя Карима проводила меня в комнату для новобрачных, достаточно просторную даже в сумрачном свете. В центре стояла широкая кровать с атласным покрывалом, отороченным кружевами, и с раздвинутыми занавесками балдахина. Я почувствовала, что покрываюсь гусиной кожей — настолько мрачным мне показалось увиденное.

Тетя Карима без устали твердила, что все идет хорошо. Вскоре хозяйка дома, моя тетушка по матери, объявила, что новобрачный уже на подходе, поэтому тетя Карима должна проститься. Я бросилась к ней.

— Пожалуйста, не оставляйте меня! Мне страшно! Не оставляйте меня с ним! Заберите меня!

— Я буду в соседней комнате. Ты сможешь меня позвать, если понадобится.

Тетя Карима ушла, оставив меня наедине с моими слезами и страхом. Некоторое время спустя дверь раскрылась, и походкой заходящего в гарем паши в комнату вошел *мой муж.* Постояв немного на пороге, он медленно приблизился. Я ждала, затаив дыхание.

— Фу, наконец-то мы остались одни, — язвительно начал он. — Посмотри на меня.

Я не смела поднять голову, и он пальцами взял меня за подбородок. Впервые я посмотрела в лицо мужа. Я уже знала, что ему тридцать лет, хотя выглядел он значительно старше. Черты лица были правильные, но жесткое выражение делало его суровым. Его можно было бы назвать даже красивым, если бы он почаще улыбался.

Сев рядом, муж осмотрел меня с головы до ног, потом стал гладить руками, с каждым движением все сильнее нажимая. Я вскрикнула.

— Только не строй из себя святую невинность. Никогда не поверю, что ни один парень никогда тебя не касался. А то я вас, девок, не знаю! Только прикидываетесь, чтобы набить себе цену, но я-то не дурак! — Он рассмеялся. — Ну-ка, иди ко мне! Увидишь, как это будет со мной!

Он стал мне отвратителен. Я не хотела видеть его лицо, не хотела его прикосновений. Мать была права, называя мужчин воплощением зла. Но почему же ее нет рядом, чтобы помешать этому злу?! Я была совсем одна с этим проголодавшимся волком. Он велел раздеться, но я замотала головой, тогда он повалил меня на кровать и стал с силой срывать с меня одежду.

— Кричи, если хочешь. Мы одни в доме. Кроме нас, здесь никого нет. Чем громче ты кричишь, моя ягодка, тем больше заводишь меня.

Я поняла, что он получает удовольствие от происходящего, но все равно сопротивлялась, цепляясь за платье. Вдруг он ударил меня по лицу.

— Получи, — выдохнул он. — Это заставит тебя одуматься.

Я схватилась рукой за щеку, а он, воспользовавшись моментом, вырвал платье и стал меня рассматривать.

— Целый год я гадал, как ты выглядишь без одежды. Знаешь, а ты совсем не похожа на женщину, которой я тебя представлял. У тебя же совсем нет груди. И что мне теперь делать с этим набором костей? Вырастет она со временем или я всю жизнь буду довольствоваться тем, что есть?.. Ага, тебе не нравится заниматься любовью? Давай, не стесняйся, и ты увидишь, какой огонь пылает в твоем мужчине.

Теперь я понимала, какой мужчина мне достался. Абдель был неистовым. Чтобы избежать побоев, мне нужно было подчиниться. Я выполнила его требование, оставшись полностью голой. Мне было стыдно. Хохоча, он щупал меня, чем внушал все большее отвращение. Потом спросил, точно ли я девственница. Конечно, я была девственницей.

— Ну что, развлечемся? — добавил он с вызовом.

Схватив меня за плечи, он навалился сверху и резко попытался проникнуть в меня. От боли я закричала, прося остановиться, но чем громче я умоляла, тем больше боли он мне причинял. Уснуть мне так и не удалось, поскольку всю ночь он не прекращал своих попыток проникнуть в меня. И каждый раз я плакала и выла от боли. Утро застало меня рядом с громко храпящим мужчиной.

Поднявшись, я побрела в ванную комнату. Оказалось, мы действительно были одни в большом доме. Проходя

мимо зеркала, я посмотрела на свое отражение: некрасивая, потрепанная и несчастная. Приведя в порядок волосы, я села на пол и положила голову на колени: всегда так садилась, когда испытывала страх и хотела уберечься от неприятностей. Перед глазами стояли ночные унижения, которые подтверждали предательство моих родителей, а именно моей матери, которая позволила выдать меня за сексуального маньяка (хотя тогда я еще не знала этого термина). Если бы у меня был выбор, я бы предпочла умереть.

Вдруг из-за двери донеслись звуки шагов и оборвались перед ванной. Это был Абдель. Он постучал.

— Самия, открой!

Я не подчинилась, и тогда он заорал:

— Открой дверь или я ее высажу и разобью тебе голову.

Испугавшись, я открыла.

— Так ты хочешь заняться любовью прямо в ванной, маленькая вертихвостка? — поинтересовался он.

Желая закончить начатое ночью, он швырнул меня на пол и стал целовать, высовывая язык, словно испытывающая жажду собака. Я заорала и, к своему удивлению, тут же услышала шаги. Муж зажал мне рот, а из-за двери послышался голос тетушки:

— Что там происходит у наших маленьких голубков?

Абдель поднялся и быстро оделся.

— Голубков, скажешь тоже! Самия кто угодно, но только не голубка. Скорее уж ворона, которая ни с кем не хочет делиться сыром.

Он вышел в коридор, и я услышала, как он о чем-то шепчется с тетушкой. Вскоре внизу хлопнула входная дверь, и я поняла, что муж ушел из дому злой как черт. Тетушка поглядела на меня с упреком.

— Где ночная рубашка, которую тебе положили у изголовья?

— Висит на спинке кровати.

— Идиотка! Ты испортила свою брачную ночь!

— Не понимаю. Как я испортила брачную ночь?

— У тебя текла кровь после близости с ним?

— Нет. Просто мне было очень больно. И сейчас больно.

— Видимо, мне говорили правду: ты ничего не умеешь, можешь только плакать. Твоя мать мне часто об этом говорила, да я ей не верила. Бедная Варда, да придет ей на помощь Аллах! Послушай меня, Самия. Это вопрос чести, с таким не шутят. Почему это после близости у тебя не было кровотечения? Или он не лишил тебя девственности?

— Я не знаю! Знаю одно — было очень больно, когда он дотрагивался. Больно и страшно.

— Речь не об этом. То, что тебе было страшно, это не важно. Важно доказать, что ты была девственницей. Что мне теперь сказать твоей несчастной матери? Что этой ночью ничего не было? Может, у него что-то не в порядке с пенисом? Если ничего не произошло по его вине, это меньший позор для чести семьи Шариффов, чем другое. Понимаешь?

— Я ничего не понимаю. Мне было больно всякий раз, как он ко мне прикасался. Не позволяйте ему! Мне казалось, будто он раздирал меня на части всю ночь! Я боюсь его. Тетушка, не оставляйте меня. Заберите меня отсюда!

— Куда я тебя заберу? Постой! Я приготовлю тебе поесть, и тебе станет лучше. Через это проходят все женщины, не только ты. Пока никто не умер после брачной ночи. Главное сейчас — подтвердить твою девствен-

ность. В следующий раз, когда у вас будет близость, положи под себя ночную рубашку так, чтобы на ней осталась кровь. Так твои родители подтвердят, что честь семьи не запятнана. Да твоя мать плясать будет с твоей ночнушкой! Давай, девочка, будь достойна рода Шариффов.

Я немного перекусила, надеясь, что мужа не будет долго. Увы, как только тетушка ушла, Абдель вошел как тень и набросился на меня, повалив на пол на живот; всем весом он навалился на мою спину. Потом развернул и задрал ночную рубашку. Он был разгневан и больше не слышал ни плача, ни мольбы.

— Ты теперь моя, и я не хочу, чтобы меня считали неполноценным. Я слышал, о чем ты тут сплетничала с теткой, и сейчас докажу, что я мужчина, настоящий мужчина. И не когда-то там в следующий раз, а прямо сейчас! Твои родители узнают, кто я. Меня возбуждает лишь мысль, что я могу делать все что угодно с дочерью своего шефа!

Он вонзил в меня пенис так, словно это был кинжал. От боли я потеряла сознание, а когда пришла в себя, поняла, что по-прежнему лежу на полу. Только накрытая покрывалом. Моя тетушка с гордым видом держала в руке ночную рубашку в пятнах крови, словно это военный трофей.

— Браво, моя девочка! — сказала она, помогая мне подняться. — Я сейчас же отнесу рубашку твоей матери, чтобы она показала ее толпе. Собравшиеся только этого и ждут. Ты подтвердила честь рода, Самия! Мы все гордимся тобой. Прими мои поздравления! Теперь отдыхай. Ты стала женщиной, и я желаю тебе много детей, прежде всего прекрасных мальчиков!

Мне хотелось есть. Тетушка принесла чашку кофе с круассаном и поставила рядом, но у меня не было сил

дотянуться до них. Хотелось выспаться, пока рядом не было Абделя. Я чувствовала себя израненной, униженной и оскверненной. Я не хотела, чтобы он возвращался. Тем временем моя мать танцевала перед гостями «танец спасенной чести». Танцевала долго, пока не упала в изнеможении.

Насилие со стороны мужа не прекращалось.

Через четыре дня ко мне в гости пришла мать. До нашего отъезда во Францию оставалось два дня, и она решила узнать, что из одежды я возьму с собой. Мне было все равно, и я попросила ее выбрать на свой вкус.

— Перед тем как расстаться, в последний раз послушай меня, Самия. Теперь ты должна слушаться мужа и выполнять все его требования. Он все будет решать за тебя. Если он будет делать тебе замечания — это его право. Даже если они покажутся тебе несправедливыми, все равно будь терпеливой и говори себе, что все это делается для твоего блага. Если он поднимет на тебя руку, знай, что он имеет на это право, потому что воспитание жены — прямая обязанность мужчины. Твоя тетя рассказала мне, что муж дал тебе пощечину во время первой брачной ночи. Не переживай, ведь он сделал это, потому что любит тебя и желает тебя. Понимаешь?

— Когда любят, не бьют!

— Откуда ты знаешь? Разве ты уже любила? Или думаешь, что раз мы с твоим отцом били тебя, то не любили? Ошибаешься. Когда человека любят, то делают все, чтобы помешать ему ступить на неверный путь. Меня бьет твой отец, но разве он меня не любит? Наоборот, я благодарна. Ведь именно благодаря ему я стала уважаемой в обществе женщиной. Я живу жизнью, о которой всегда мечтала. Такой жизни я желаю и тебе, но ее надо заслужить послушанием и благодарностью к мужу.

Я слушала ее и думала: «Моя мать учит меня искусству выживать во время войны! Войны длиною в жизнь...» Слушать мужа. Собрать в кулак смелость и терпение. Позволить ему командовать тобой. Быть убежденной, что он всегда поступает тебе во благо. Он — хозяин, ты — рабыня! Вот главное правило для несчастных дочерей строгих родителей-экстремистов, которые постоянно твердят о суровых религиозных правилах: отец знает все, отец — это Закон!

Отправляясь домой паковать чемоданы, мать дала мне еще один совет — повторять одну и ту же фразу всякий раз, когда между мной и мужем возникнут трения: «Я должна быть покорной и быть достойной рода Шариффов».

— Поднимайся в комнату и приведи себя в порядок, если не хочешь, чтобы твой муж заглядывался на других девок.

Я осталась одна рассматривать стены. А когда отправилась приводить себя в порядок, он грубо схватил меня за плечо. И как только он умудрялся совсем не производить шума при ходьбе? Волк, настоящий волк, хватающий свою добычу!

— Идем в спальню, моя хорошая! Я научу тебя любви. Я хочу видеть тебя абсолютно голой, пусть даже сейчас твое тело оставляет желать лучшего. Тебе надо поправиться, чтобы твоя грудь стала больше. Это меня не устраивает.

Ударив за то, что я отказывалась его целовать, он взял меня силой.

— Надеюсь, мне не придется бить тебя всякий раз, когда я захочу тебя взять? — проревел он. — Похоже, ты безбожница. Долг правоверной мусульманки — удовлетворять своего мужа. Отказываясь от этого, ты потеряешь место в раю. Я твой муж, и ты должна уважать меня и слушаться. Таковы наши законы. Мужчинам Господь сказал: «Вы пастухи, а женщины — скот, который вы пасете!» Если не веришь, могу показать тебе эту суру из Корана.

Все же я осмелилась усомниться в его словах и сказала, что трудно представить, чтобы Господь говорил подобные речи. Муж разозлился, в очередной раз поволок меня к кровати и изнасиловал.

— Надеюсь, теперь ты поняла, кто пастух, а кто скотина. Можешь спросить у своего отца, но я уверен, что он подтвердит мою правоту. Он ревностный мусульманин и законы шариата знает намного лучше меня. Послушай меня, смирись с этой мыслью, иначе ты серьезно осложнишь свою жизнь. Мне не нравится строптивая супруга. Когда я голоден, ты должна накормить меня, когда хочу спать, ты должна укрыть меня одеялом, когда я захочу женщину, ты будешь удовлетворять меня. И мне плевать, хочешь ты сама этого или нет.

Два дня пролетели как мгновение, настала пора отправляться в путь. В последний раз я пришла в родительский дом проститься с семьей. Мать приготовила мне два чемодана с вещами, которые сама собрала, и не преминула прочитать мне целую лекцию, повторив свои предыдущие инструкции. Правда, на этот раз она не уточнила, что я при необходимости могу рассчитывать на них.

Я пошла к отцу — тот как всегда сидел один перед телевизором — и села, сделав вид, что заинтересовалась передачей.

— Зачем ты пришла? — спросил отец, удивленный моим молчанием. — Хочешь денег? Сколько тебе?

Я ответила, что мне не нужны деньги, что я просто хочу в последний раз посидеть рядом с ним. Я хотела сказать, что нуждаюсь в его поддержке, в его благослове-

нии, но не нашла в себе сил это сделать. А так хотелось услышать, что даже после того как он выбрал для меня мужа, он все равно отвечает за все, что со мной происходит, и всегда готов меня защитить. Я так нуждалась в этих словах. Но знала, что отец мне этого никогда не скажет.

Сначала я поцеловала сестричку, потом братьев. Плакал только Малек. В последний раз я посмотрела на дом и на родных. Мать помахала мне, и этот простой жест согрел душу. Я уезжала, зная, что мое сердце все равно останется там.

Я уезжала далеко, вместе с бешеным животным, и никто больше не позаботится обо мне. Казалось, всем так хотелось, чтобы я поскорее уехала, словно я могла заразить их чумой. С человеком, который отныне управлял моей жизнью. Он сел на переднее сиденье рядом с моим отцом — отец должен был отвезти нас в аэропорт. Я устроилась сзади и принялась осматриваться по сторонам. Хотелось навсегда запечатлеть в памяти картинки, плывущие передо мной, словно я видела их в последний раз. От этой мысли на глаза накатили слезы, которые заметил отец.

— Почему ты плачешь? Ведь ты уезжаешь в страну, в которой родилась! У тебя есть муж, он позаботится о тебе. Каждое лето я буду оплачивать тебе билеты на самолет, чтобы ты могла навещать нас. Полно тебе, будь взрослой, перестань. Будь достойной супругой и дочерью. Уважай наши обычаи, дочка, никогда не позволяй, чтобы французская культура заставила тебя отказаться от наших религиозных традиций. Впрочем, твой муж позаботится об этом. В Париже сейчас жилищный кризис, поэтому в качестве свадебного подарка я купил для вас хороший дом с мебелью. Тебе понравится. Это все, что я хотел сказать. А теперь покажи, что ты рада!

Я улыбнулась. Я в самом деле была рада: ведь наконец-то он заговорил со мной спокойно и сделал подарок, чтобы доставить мне удовольствие. Но он даже не догадывался о том, что было у меня на сердце, о том страхе, который я испытывала в тот день, представляя, что во Франции останусь наедине с Абделем. Я уже догадалась, что за мужчина стал моим мужем — мужчина, который знает, какую власть имеет надо мной. Я знала, что он будет помыкать мною и делать все, что ему заблагорассудится. У меня было несколько причин, чтобы бояться собственного будущего во Франции. Я смотрела на сидевших спереди мужчин, которые говорили о делах. Мужчин, от которых зависела вся моя жизнь. Сегодня отец передавал эстафету Абделю. Хорошо, наверное, снять с плеч тяжелый груз ответственности и передать его другому,.,

В аэропорту муж засуетился. В какой-то момент они повернулись ко мне спиной, но я увидела, как отец передал ему стопку купюр. Абдель сразу повеселел. Жестом он велел мне следовать за ним. Двое мужчин с чемоданами шествовали впереди, а я замыкала процессию. Я шла за ними, как ребенок идет за взрослыми. Мне казалось, что они могут забыть обо мне. Перед таможенным контролем отец помахал Абделю, но когда я потянулась поцеловать его, не позволил мне этого, как обычно, ограничился похлопыванием по плечу и напоминанием о том, что я должна заботиться о себе, но еще больше заботиться о муже.

— Надеюсь, — добавил он, — твой муж никогда не будет на тебя жаловаться. Ну а если у тебя возникнут проблемы с ним... вы люди взрослые, сами во всем разберетесь. Ступай и будь достойна своего отца!

Абдель дал мне знак поторопиться — казалось, ему хочется быстрее покинуть это место.

Мой отец заплатил за билеты первого класса.

— Возле иллюминатора сяду я, — заявил муж и, заняв желанное место, приказал сесть рядом с ним. Возвращение в Париж все больше пугало меня.

— Готова к вечеру? — спросил он.

— В смысле?

— В том смысле, что я собираюсь провести хороший интимный вечер в компании с тобой.

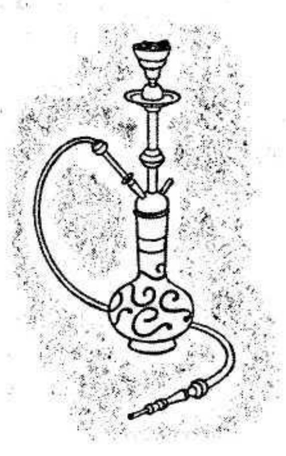
Я молчала, не зная, что ответить. Он нахмурился.

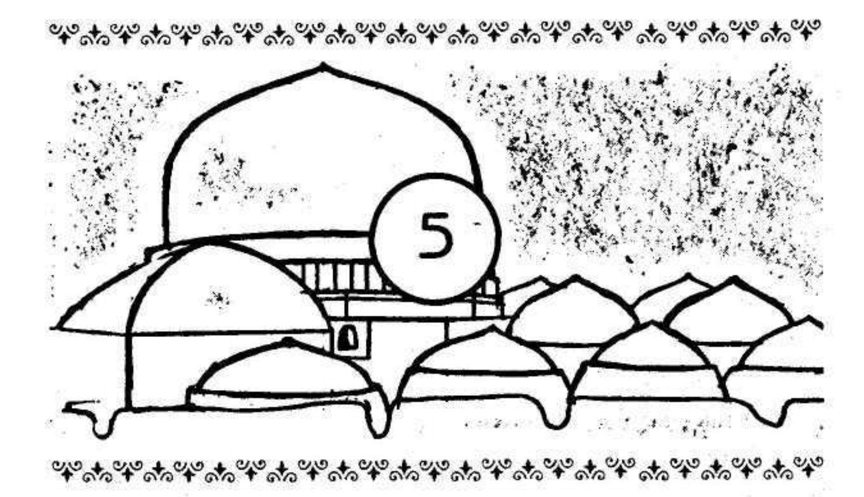
— Ты что, фригидная?

— Я не знаю, что означает слово «фригидная». Объясни мне.

— Фригидная — это когда шлюха вроде тебя корчит из себя святую! Держу пари, что ты строила глазки парням, а мне только пыль в глаза пускала насчет своей девственности. Скорее бы оказаться дома. Там я тебе преподам урок, мало не покажется.

Я знала, что от него можно ожидать чего угодно, но до этого момента даже представить не могла, насколько мерзким он может быть.

«Любовное гнездышко»

Через два часа мы благополучно приземлились в Париже. На этот раз город уже не вызвал восторга — теперь Париж стал для меня символом неизвестности и неуверенности в своей жизни в качестве замужней женщины.

Прохожие казались счастливыми. Они улыбались, суетились, болтали. Довольные собой, они куда-то спешили, и только я, брошенная в новую жизнь, которой так хотела избежать, чувствовала себя изгоем. Мы пошли забирать багаж, и Абдель велел держаться рядом. Внезапно он развернулся и грубо дернул меня за плечо. Я спросила, почему он так сделал, и его ответ поразил меня до глубины души.

— Думаешь, я не вижу твоего спектакля? Я обратил внимание, как на тебя смотрел тот тип с коричневым чемоданчиком. Так тебе нравятся такие?

Убежденный в своей правоте, муж накручивал себя больше и больше.

— Хорошенькое начало, — продолжал насмехаться он. — Ну да ладно. Думаешь, я буду спокойно смотреть, как ты превращаешь брачное ложе в проходной двор? Ошибаешься. Если узнаю, что ты хоть раз мне изменила, я перережу тебе горло, чтобы очиститься твоей кровью.

Подобные угрозы были не в новинку: сначала подобное заявлял отец, потом мать и теперь вот муж. Религиозные фанатики утверждают: попасть в рай можно только с незапятнанной честью. Если же тебя опорочили, позор можно смыть, лишь убив виновного.

Из аэропорта домой мы ехали на такси. Абдель молчал, бросая на меня презрительные взгляды. А я разглядывала окрестности с частоколом небоскребов и нескончаемым потоком машин. Так я мысленно пыталась отсрочить прибытие.

Купленный отцом дом • >— большой, четырехэтажный — я осматривала с большим любопытством. Не спеша я обошла вокруг него: здесь было все зелено, много цветов, особенно роз различных оттенков. А еще абрикосов и вишен с плодами. Как это было замечательно! На миг я почувствовала себя счастливой, но Абдель грубо вернул меня к действительности.

— Папина дочка довольна? — презрительным тоном спросил он. — Нашей фифочке понравился дом? Не понимаю, зачем нужно было покупать такую громадину? Или ты думаешь, мы заделаем целую кучу детишек? Спорю, что ты не только фригидна, но и бесплодна.

— Я никогда не была папиной дочкой. Да и маминой тоже.

— Пойдем открывать дворец! Удовлетворит ли он мадам принцессу? — желчно бросил он.

Мы стали вносить чемоданы в дом.

Внутреннее убранство полностью соответствовало вкусу моего отца. На первом этаже находились кухня в стиле модерн и гостиная окнами на просторную террасу, окруженную розовыми кустами. Выше большой салон и обеденный зал. Посреди сада чуть покачивались от дуновения ветерка детские качели — раньше здесь жила семья с маленькими детьми. Странно, но это делало дом еще уютнее. На третьем этаже располагалась большая спальня с ванной комнатой, две комнаты поменьше и еще одна ванная. На самом верху находились еще две большие комнаты и третья ванная. Я понятия не имела, что буду со всем этим делать.

Восхищение улетучилось, стоило мне вспомнить о муже. Я сразу ощутила себя потерянной. Он воспользовался моментом и потащил меня к кровати с требованием раздеться. Складывалось впечатление, что у супруга было некое устройство, позволявшее ему точно определять момент, когда я чувствовала себя наиболее слабой и уязвимой. Позже я поняла, что умение безошибочно определять эти моменты он использовал, чтобы еще больше унизить и подчинить меня. Это была игра, доставлявшая ему истинное наслаждение — так проявлялась его сущность садиста, радовавшегося страданию других.

— Давай чуть позже, я что-то, не в форме.

— О! Мадам принцесса плохо себя чувствует, когда нужно удовлетворить мужа? Но ведь надо как-то освятить это место, моя куколка. Снимай. Быстро! — последнее слово он рявкнул. — Или ты, сука, думаешь, что я не заметил твои фортели в такси?

— Фортели? О чем ты? Клянусь, я ничего не делала.

— Рассказывай кому-нибудь другому, куколка! Стоит, наверное, позвонить твоему папаше и рассказать, как ты строишь глазки мужчинам при муже. Я-то думал, что беру в жены порядочную девушку из хорошей семьи, а оказалось, что женился на потаскухе!

Муж швырнул меня на кровать и разорвал платье. Надругавшись надо мной, он как ни в чем не бывало пошел в кухню и оттуда крикнул, открыв холодильник:

— А твой старый хрыч позаботился о продуктах. Холодильник полный! Иди есть, если хочешь!

Я сказала, что не голодна, но он притащил меня в кухню за руку, потребовав в таком случае накормить его.

— Приготовь мне чего-нибудь на скорую руку. В шкафу есть консервы, да и в холодильнике много чего.

— Хочешь, сварю макароны?

— Надеюсь, макароны не единственное блюдо, которое ты знаешь. Еслиты еще и готовишь так же, как занимаешься любовью, я отправлю тебя туда, откуда ты явилась. То-то мой шеф обрадуется!

И он зашелся истерическим смехом.

— Когда будешь готовить, не забывай время от времени подходить ко мне и целовать!

Со слезами на глазах я приготовила томатный соус, делать который меня научила мать, и поставила варить макароны. Пока я готовила, муж принуждал меня целовать его, хватая за волосы и притягивая к себе. Проглотив первый кусочек, он швырнул в меня тарелкой. Та разбилась, а ее содержимое разлетелось в разные стороны, забрызгав меня. То там то тут по кухне растекались большие красные пятна. В страхе я присела на корточки и закрыла голову руками. Муж схватил меня за волосы и поволок е спальню, где еще раз изнасиловал.

Когда он заснул, я спустилась вниз. Хотелось побыть одной, а заодно позвонить матери, чтобы пожаловаться на супруга за побои и насилие.

Мать не захотела меня слушать, сказав, что ни о каком насилии со стороны мужа не может быть и речи, потому что муж имеет над женой безграничную, неоспоримую власть, и попросила больше не звонить и не жаловаться. Она-де устала от капризов маленькой испорченной девочки и не собирается говорить об этом отцу. Я понимала, что снова осталась одна в своем несчастье, и положила трубку. Тогда я вспомнила о парижской тетушке, но она была сообщницей моих родителей.

Я должна сама сделать так, чтобы мой муж не относился ко мне грубо. Однако для этого был только один способ — безропотно потакать всем его желаниям. Можно было позвонить подруге детства — она единственная меня поняла бы, ия набрала номер тетушки. Я попросила дать мне номер телефона семьи Амины под тем предлогом, что я хочу сообщить о своем приезде, но тетушка отказала. Я была настойчива, и она уступила, посоветовав не приглашать подругу домой, поскольку Абдель знал о ее скверной репутации.

Когда я вешала трубку, на лестнице показался муж.

— Кому ты звонила? — голосом инквизитора спросил он.

— Своей тетушке.

— Я тебе не верю. Ты разговаривала с любовником! Теперь я понимаю, почему ты не хочешь со мной спать.

Не помня себя от гнева, он схватил меня за волосы, швырнул на пол и как обезумевший зверь овладел моим телом. Я умоляла его поверить, что не знаю никакого другого мужчину, но он, видимо, был убежден в обратном.

— Твой любовник трахается лучше? — ревниво повторял он.

Я не могла защитить себя, — Абдель был намного сильнее.

В первые недели замужества я часто думала о смерти. Несколько раз позвонила матери в надежде найти хоть какую-то поддержку и понимание у родителей, но мать палец о палец не ударила, чтобы сообщить отцу о поведении человека, которого он выбрал мне в мужья. Правда, она сказала, что я могу на них рассчитывать, если будет совсем худо, но я понимала, что это была не более чем дежурная фраза! Теперь, вспоминая пример матери с двумя тарелками, я ощущала во рту горький привкус — суп, предложенный моими родителями, был приправлен ядом!

Через пару месяцев я поняла, что беременна. Абдель грозился отправить меня домой заказной бандеролью, если я не забеременею в течение трех месяцев. Такой ультиматум больше не страшен: я не бесплодна! Господь подарил мне ребенка! Как только беременность подтвердили, я первым делом сообщила об этом матери. Новость ее на удивление обрадовала.

— Я вне себя от радости! Уверена, твой муж тоже будет счастлив! Давай, девочка, подари нам славного мальчугана.

«А если будет девочка? Как это воспримет муж? А родители? Еще больше будут меня игнорировать?» Я не желала своей дочери испытать то, что пережила сама. Конечно, я хотела родить мальчика, но разве это от меня зависело? К приходу мужа я приготовила вкусный ужин, помогла ему удобнее устроиться в любимом кресле, сняла с него туфли, как меня учила мать, и произнесла торжественно:

— Абдель, ты станешь папой.

— Папой? Что за чушь? — спросил он, и его глаза округлились от удивления.

— Я беременна.

— Но почему именно сейчас? Один ребенок у нас в доме уже есть. Зачем нам еще? Думаешь, я много зарабатываю, чтобы содержать такую ораву?

— Я думала, ты мечтаешь о ребенке! Ты считал меня стерильной, даже срок давал три месяца, чтобы я понесла. Я уже ничего не понимаю.

— Повторяю, ты сама еще дитя. Набитая дура из богатой семейки, которая испортила мне жизнь. Теперь ты хочешь испортить еще больше своим ребенком. В таком случае, дорогуша, позвони своему папаше и сама попроси, чтобы удвоил сумму...

— Какую сумму? Он что, посылает тебе деньги?

— Конечно, посылает. Как только втюхал мне тебя. Не только же тебе пользоваться денежками твоего дорогого папаши. И представь, мне он дает побольше, чем тебе. Спросишь, зачем это ему? Да потому что я должен терпеть тебя всю свою оставшуюся жизнь. Он платит мне, потому что я избавил его от тебя, чтобы он мог жить спокойно. Папенька купил себе спокойствие. Он так торопился, чтобы больше не лицезреть тебя возле себя. А теперь я тяну эту лямку.

Разговор кончился тем, что он опять утащил меня в спальню для своего наслаждения, сообщив, что намерен провести тест, чтобы узнать, такая ли крепкая у ребенка голова, как у его матери. Всю ночь, пока он беззаботно храпел, меня била дрожь — настолько велико было отвращение.

Первые семь месяцев беременности прошли в постоянном насилии — как только я находила в себе сме-

лость сопротивляться супругу, на меня обрушивались побои.

На восьмом месяце, после очередных побоев, когда Абдель был особенно жесток, у меня началось кровотечение, и я обратилась к врачу. Во время осмотра доктор спросил, что произошло. Я соврала, сказав, что поскользнулась, спускаясь по лестнице. Кровотечение не прекратилось, сильно болел живот. В любой момент могли начаться преждевременные роды, и я опять обратилась к матери с просьбой о помощи. Наверное, потому что одновременно со мной ей позвонил и муж, мать вылетела на следующий день, первым же рейсом.

Схватки тем временем усиливались. Не предупредив меня, Абдель уехал домой, поскольку, как он сказал медсестре, у него разболелась голова, и попросил позвонить, когда все закончится. Я осталась одна в больнице, вот-вот готовая родить. Акушерка и медсестра уверяли, что все идет хорошо. Они делали все, что могли, чтобы компенсировать отсутствие рядом близких мне людей. Мне было очень больно!, и я попросила медсестру позвонить тетушке, которая приехала сразу же.

—Бедняжка, я знаю, каково тебе сейчас. Я тоже прошла через это. Как только почувствуешь сильную боль, начинай дышать глубже, а чтобы не прикусить губу или язык, держи во рту платок. Это тебя успокоит. Думай о своих родителях и муже. Как они будут гордиться тобой и твоим маленьким мальчиком!

— Перестаньте мне говорить о мальчике! Мне плохо, тетя! Господи, помоги мне!

Схватки длились семнадцать часов. Семнадцать долгих, нескончаемых, жестоких часов. А мне было только семнадцать лет, и никаких моральных сил. Рожала я естественным путем, потом я была совершенно измотана.

Когда показалась головка ребенка, акушерка попросила тетушку удалиться.

— Надеюсь, ты справишься с болью и родишь здорового сына, — сказала тетушка на прощание, полагая, что эти слова подбодрят меня.

Акушерка велела мне тужиться. Вагина была уже у головки ребенка, и я получила множество разрывов, как внутренних, так и наружных. Накладывая швы, акушерка говорила, что разрывы — явление обыденное и волноваться по этому поводу не стоит.

У меня родился прекрасный мальчик, темноволосый и смуглый, немного тщедушный, оттого что появился на свет на месяц раньше срока. Я взяла сына на руки и дала ему грудь. Он был такой маленький, такой крохотный! Потом его отнесли в инкубатор — там он проведет несколько дней, но в часы кормления мне обещали приносить его.

С радостными ю-ю в палату ввалилась тетушка. Она поздравила меня с рождением сына и сказала, что сейчас же сообщит эту новость моей матери — долгожданный мальчик родился! Мужу она уже позвонила. По ее словам, он обрадовался рождению здорового сына. Вскоре он тоже пришел.

— Как ты? — спросил он спокойным голосом.

— Хорошо. Только немного неудобно. Мне накладывали швы.

Он сразу разозлился.

— Специально так подстроила — со швами. Не хочешь, чтобы я к тебе прикасался! Тебе это так не пройдет! Погоди! Где мой сын?

— В соседней палате, в инкубаторе, — спокойно ответила я.

— Он что, больной? — обеспокоился он.

— Почему больной? Просто немного недоношенный. Он родился раньше времени.

— Ты даже не способна родить здорового ребенка, как всякая нормальная женщина! Мало того, что ты прошита вдоль и поперек, так еще и ребенок недоношенный! Моя мать родила шестерых здоровых детей, твоя мать семерых. И ни у кого не было швов, из-за которых они уклонялись бы от исполнения супружеского долга! Чего еще от тебя ожидать! — все больше и больше распалялся он.

Услышав его вопли, в палату вошла медсестра и, бросив презрительный взгляд на мужа, спросила, в порядке ли я. Муж пристально смотрел на меня, и я сказала, что чувствую себя хорошо.

— Если что, не стесняйтесь, зовите меня, — сказала медсестра и вышла.

Муж смотрел на меня с угрозой.

— Конечно, ты можешь сказать, что не желаешь меня видеть, и тогда, чтобы отстоять свое право, я буду вынужден пробираться сюда, применяя силу. Ну, погоди у меня! Посмотрим, будет ли доволен твой отец, если он узнает. Да, и не забывай: через несколько часов приедет твоя мать!

Уверенным шагом он покинул палату и направился посмотреть на своего сына. Наконец я смогла перевести дух.

Попрощалась и тетушка.

— Аллах велик, доченька, он послал нам мальчика! Он прислушался к нашим молитвам. Завтра мы с твоей матерью навестим тебя. Ей, конечно, не терпится увидеть внука. Давай ему грудь, чтобы он вырос таким же сильным, как его отец и дедушка.

Я лежала, наслаждаясь давно забытым чувством. Позади муки родов. Позади переживания, которые я испытывала во время беременности, боясь ударов, которые вместе со мной ощущал и ребенок. Теперь я могла не беспокоиться о себе. Главное, чтобы малыш был здоров.

Я проспала до следующего кормления, а потом медсестра показала, как правильно держать ребенка, чтобы ему было удобно сосать. Он был такой хрупкий, что я боялась его раздавить. Однако молоко он сосал легко, со знанием дела.

Я знала, что материнское молоко очень важно для здоровья ребенка, и гордилась тем, что могу кормить его грудью. В первый раз я стала кому-то нужна, в первый раз от меня зависел кто-то, за кого я была ответственна. У меня появился по-настоящему близкий человек. Человек, достойный называться Амиром, то есть *принцем*.

Я держала Амира на руках, когда в палату вошел муж с улыбкой до ушей. Я испытала шок.

— Сюрприз!

И в палату вошла мать, вернее, влетела — так она спешила!

— Дорогая моя, спасибо, спасибо, — повторяла она без конца. — Господь услышал мои молитвы. Ты просто молодчина, Самия. Ты стала настоящей женщиной!

Больше года мы не виделись с нею, но, как и прежде, она не обняла меня, не поцеловала. Ее интересовал только ребенок (он уже был у нее на руках). Кажется, весь мир для нее ужался и сосредоточился только на ребенке. Она разговаривала с ним, как со взрослым, спрашивала, не голоден ли он, хорошо ли Самия заботилась о нем в ее отсутствие.

Я к месту напомнила, что как раз кормила его и еще не закончила.

— Сомневаюсь, что у тебя достаточно молока, чтобы досыта кормить ребенка. Твоя грудь совсем плоская!

— Вполне нормальная, — уверенно возразила я. — Медсестра сказала, что на третий день молока будет вдоволь. Отдай его, пожалуйста, я продолжу кормление.

— Имей уважение к матери, — вмешался муж, прикрикнув на меня. — Она приехала издалека не для того, чтобы ты ее вычитывала. Ей нечему у тебя учиться. Это твоя мать, и о детях она знает побольше, чем ты.

— Успокойся, дорогой зять. Самия молода и не думает, что говорит. Это же ее первый ребенок!

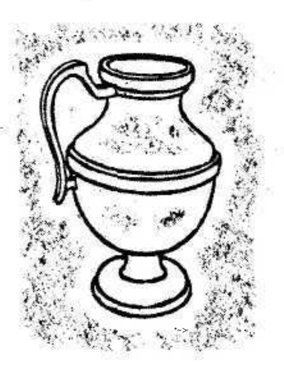
— Я научусь ухаживать за ним, мама. Ты покажешь мне, как менять ему подгузники и пеленать. Он кажется таким хрупким, я боюсь раздавить ему голову или поранить.

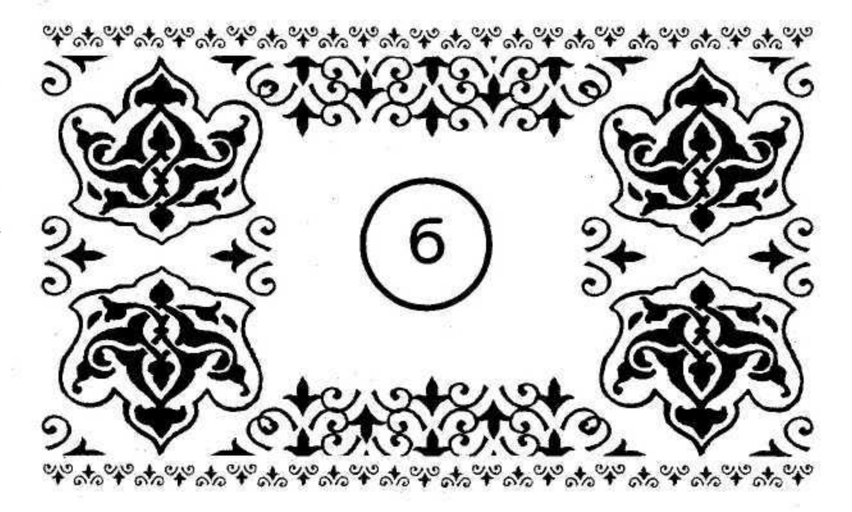
— Думаю, что ты еще слишком молода, чтобы дать ребенку все, в чем он нуждается, — провозгласила она с высоты своего опыта. — Ребенок — большая ответственность. Пока можешь кормить его сама. Как выйдешь из роддома, будешь докармливать из соски, потому что твоего молока будет недостаточно, чтобы он наелся. Иди к Самии, мой маленький принц. Завтра я снова приду обнять тебя. А ты заботься о нем и давай ему грудь сразу, как только он проголодается.

Я забрала ребенка. Так было хорошо остаться с ним наедине! То, как вела себя со мною мать после года разлуки, обидело меня. Для нее я просто была неким существом, родившим ей мальчика. Я ничего не понимала. Произведя на свет желанного мальчика, я, по крайней мере, сделала то, чего она от меня ожидала. Я надеялась, что это сблизит нас и она будет признательна за такой подарок. Почему же я чувствовала себя такой малозначимой? На глаза опять навернулись слезы. Я была разочарована — никто не видел во мне личность. Казалось, меня просто использовали, чтобы получить мальчика.

Но плакать нельзя. Я где-то читала, что это может отразиться на ребенке, а еще слезы высушивают материнское молоко! В который раз я сдерживала эмоции, повторяя себе, что теперь я мать и не должна допускать, чтобы что-то плохо повлияло на сына.

За шесть дней, проведенных в роддоме, малыш набрал нужный вес. Я была рада тому, что мать останется еще на некоторое время после моей выписки. Мне казалось, что ее присутствие немного усмирит Абделя.

Похищение

Забирая меня домой, Абдель вдруг спросил о самочувствии. Подобная обходительность была мне в диковинку.

— Хочу побыстрее оказаться дома и заботиться о сыне.

Муж помог мне собрать вещи и запеленать ребенка. Его предупредительность вызывала лишь опасения. С Амиром на руках я села в автомобиль. Малыш тихонько заплакал, и Абдель спросил, что это с ним. Я не знала, что ответить, и он, рассердившись, назвал меня ни к чему не способной. Да, недолгим было хорошее настроение мужа! А ведь я надеялась, что с рождением сына он станет спокойнее.

— Не знаешь даже, отчего плачет ребенок, — проворчал он.

Ничего решительно не изменилось. Я постаралась успокоить сына, но он продолжал плакать. Казалось, он тоже боится ехать домой. Может, ему передалось мое волнение?

Мать вышла навстречу внуку. Взяла его на руки и, поздравив меня с возвращением, ушла в дом.

— Возьми сумку, хватит строить из себя больную, — приказал муж.

Усталость валила меня с ног, поэтому я уединилась в комнате и моментально заснула. Через пару минут мне на лицо плюхнулась сумка, которую я оставила на полу у кровати: пришел мой муж и заставил подняться.

— Хватит притворяться больной. Испокон веков женщины рожали и сразу же приступали к выполнению своих обязанностей. Ты расслабляешься уже шесть дней и хочешь, чтобы так было и дальше? Вот чего ты добиваешься, красавица. Погоди до вечера, я помогу тебе расслабиться. А теперь вставай и иди к ребенку! Веди себя как мать!

Засыпая на ходу, я медленно поднялась по лестнице — давали о себе знать наложенные швы. Мать перепеленывала малыша.

— Подойди, я покажу тебе, как это делать.

Я внимательно следила за действиями матери. Потом, когда настало время кормления, мать посоветовала покормить его из бутылочки с соской, сказав, что это намного легче.

— Может быть, позже, мама. У меня прибыло молоко, и мне будет легче, если он его высосет. Он наверняка голоден.

Мать помрачнела, но продолжала держать ребенка. Мне пришлось настаивать, чтобы она передала мне Амира.

— А теперь мама даст тебе грудь. Мама знает, что ты хочешь кушать.

— Иди, мой маленький Амир, покушай с Самией и возвращайся скорее. Я так хочу снова взять тебя на руки, мой малыш, — ворковала мать, бросая на меня недобрые взгляды.

— Мама, для ребенка я никакая не Самия. Я мать, в которой он нуждается, — сказала я не без вызова.

Она захохотала, как сумасшедшая. Я поднялась к себе, чтобы накормить ребенка в тишине. Несколько минут спустя появился муж и стал выговаривать меня за непочтительное отношение к матери, которая столько для меня сделала. Снова посыпались упреки, обвинения.

— Научусь со временем, — горячо возразила я. — Матерями не рождаются. Ими становятся. Я вполне способна воспитать своего сына, как и любая другая мать.

— Ты не способна позаботиться о себе и своем муже, а хочешь взвалить на себя еще и ребенка!

Услышав крики, появилась мать, чтобы поддержать Абделя. Теперь приходилось отбивать нападки с двух сторон.

— Я не была слишком молода, когда ты насильно женился на мне! Тогда ты считал меня способной вести хозяйство и заботиться о муже. Или ты не знаешь, что когда люди женятся, у них, как правило, появляются дети?! Ну да ладно! Теперь у меня есть ребенок, и я буду воспитывать его правильно.

— Это не только твой ребенок! — орал муж. — Я тоже имею право голоса и уверен: ты не в состоянии справиться с ним одна.

Весь этот балаган начал нервировать Амира. Я успокоилась, представив, что нахожусь в некой изолированной капсуле наедине с малышом, и продолжила кормление. Абдель с матерью вышли. Мне стало не по себе, когда я услышала, как они о чем-то перешептываются. Переступив порог дома, я чувствовала, что буду жить с двумя заговорщиками, плетущими интриги за моей спиной.

Пришел вечер. Ребенок, сытый, в сухом подгузнике, спал, сжав кулачки. Полностью вымотанная, я тоже легла.

Рядом спал муж. И тут как нарочно без какой-либо видимой причины Амир расплакался. Абдель толкнул меня.

— Вставай быстрее, пока он не перебудил всех!

Я взяла малыша на руки, но он не успокаивался. Тогда я проверила, не мокрый ли он, дала ему грудь, но и это не помогло. Я отправилась на кухню приготовить ребенку бутылочку с соской, так как моя мать приучила его к соске в перерывах между кормлением грудью. Муж последовал за мной и, закрыв двери, ударил по лицу с такой силой, что я упала на пол.

— Ребенок плачет, потому что знает: у него плохая мать, которая не может позаботиться о нем! Ты ничего не умеешь: не умеешь удовлетворить потребности сына, не умеешь удовлетворить потребности мужа. На кой ты вообще нужна в нашем доме? Усложнять мне жизнь? Да не родилась на свет еще та женщина, у которой это получится. Я просто убью ее! Еще чуть-чуть, и ею станешь ты! Я убью тебя! И никто не пожалеет.

Он принялся бить меня ногами в живот и по лицу. Я звала на помощь мать, но та находилась слишком далеко и не могла меня услышать. Мне оставалось только кричать от боли.

Абдель вел себя, как буйнопомешанный. Ничего не видя, он бил изо всех сил. Меня в полусознательном состоянии он отнес в комнату, швырнул на кровать. Ребенок разрывался от плача, а я повторяла себе, что не должна терять сознание, должна выжить, потому что нужна ему. Казалось, он слышит мои мысли, потому что его крики становились все пронзительнее. Теряя сознание, я чувствовала, как Абдель сдирает с меня пижаму.

— Ты принадлежишь мне. Я имею право на свое..,

Очнулась я в больнице от жуткой боли в области вагины. Лицо и живот были сплошь в синяках и кровопод-

теках — казалось, что у меня не осталось ни одной целой косточки. Рядом находились мать и медицинская сестра, котрые сообщили мне, что у меня разошлись швы, что я была жестоко избита. Последнее я знала и без них. Меня успокаивали, повторяя, что теперь я в надежных руках. Пришел врач и спросил мать, что случилось, но она не знала, что ответить. Зато я знала и заплакала. Не столько от физической боли, сколько от осознания того, что мать не помогла мне, хотя наверняка слышала крики.

Врач сел на край кровати.

— Как вы себя чувствуете? Вы меня хорошо видите?

— Вижу хорошо. Голова очень болит.

— Жалобу подадите сейчас или подождете до завтра?

За спиной врача мать отрицательно замотала головой и замахала руками, потом заговорила по-арабски:

— Только не это! Не заявляй на мужа! Не разлучай наши семьи! Если ты это сделаешь, я больше тебе не мать, а ты мне не дочь. Твой сын лишится отца с первых дней жизни. Что хочешь выдумывай, но не говори, кто это с тобой сделал.

Ее слова окончательно меня добили. Это было хуже, чем удары мужа. Превыше всего семья и семейная честь. А я… я просто не существовала, никто не брал меня в расчет. Самое ужасное, что с некоторых пор этими идеями стала проникаться и я.

— Ну, чего ты ждешь, делай, как я говорю!

Чтобы покончить с этим, я выдумала историю о падении с лестницы, добавив, что не стану подавать заявление.

— То есть вы хотите, чтобы я поверил в то, что все это — результат падения с лестницы? А разрывы в промежности? А швы, которые теперь придется накладывать заново? Это тоже результат падения? Мы прекрасно зна-

ем, кто именно изувечил вас. Но без вашей помощи мы ничего не сможем сделать. Помогите наказать его за все.

Он обратился к моей матери с просьбой повлиять на меня, убедить изменить решение, но само собой разумеется, это не помогло. Мать только подтвердила мои слова о неудачном падении. Врач снова повернулся ко мне.

— Знаю, мадам, вы просто боитесь, — сказал он, внимательно глядя мне в глаза, — но поверьте, если он сделал это сегодня, завтра он поступит гораздо хуже. Мне *бы* не хотелось еще раз видеть вас в подобном или еще худшем состоянии, но, увы, именно так и происходит в большинстве случаев.

— Я не стану подавать жалобу, но буду внимательнее в следующий раз.

В разговор вклинилась мать, снова заговорив по-арабски, но теперь она говорила более мягким тоном:

— Ты правильно поступила, Самия, спасибо. Я позвоню Абделю. Скажу, чтобы он навестил тебя. Он очень переживает. Знаешь ли ты, что рождение ребенка вносит в семейную жизнь много изменений, мужья часто становятся нервными. Это нормально. Через это проходят все женщины.

Когда мать ушла, врач еще раз попытался убедить меня изменить решение, но я стояла на своем, потому что не хотела, чтобы мои родители отреклись от меня. В то время я была слишком молода и наивна. Я не представляла, как это — жить одной. Еще я очень боялась отца, который мог отыскать меня и во Франции и отомстить.

Врач, будучи человеком западного, немусульманского образа мыслей, понять меня не мог. Для западного менталитета недопустимо, чтобы один человек жил в по-

стоянном страхе и зависимости от другого человека. Мои родные были не просто религиозны. Их вполне можно было назвать религиозными экстремистами.

Только теперь я поняла, настолько отличны наши традиции и нравы. Мусульманская женщина всю свою жизнь зависит от мужчины: сначала от отца, после от мужа. В отсутствие мужа или отца она будет подчиняться авторитету брата, в отсутствие брата — авторитету дяди. Она никогда и ничего не решает сама. Согласно исламу женщина не способна мыслить так же трезво, как мужчина, поэтому может принять опасное решение. Я росла, боясь думать, боясь что-то для себя решать. В наши дни девушкам-мусульманкам с рождения прививается комплекс неполноценности, который они сохраняют на всю жизнь. Если же мусульманка вдруг решит взять все в свои руки, ее действия сочтут опасными как для ближних, так и для нее самой.

* * *

Несколькими минутами позже мать, связавшись перед этим с моим мужем, вернулась ко мне.

— Как тебе повезло с супругом, моя девочка! Он такой добрый. В отличие от большинства мужчин, которые бьют своих жен, Абдель по-настоящему сожалеет о своем поступке. Разговаривая по телефону, он плакал.

Я нашла в себе смелость, чтобы возразить:

— Он меня не бил — он меня убивал: просто у него не получилось довести это до конца. Неужели ты не видишь разницы?! И почему ты не вмешалась? Не говори, что не слышала моих криков!

— Да, я слышала. Но я не имею права вмешиваться в ссору мужа с женой. Это неправильно! Как бы я выглядела в таком случае?

— Ты выглядела бы просто как мать, которая защищает своего ребенка. Я умоляла тебя прийти, мне было больно. Он мог меня убить.

— Никогда удары мужа не убьют его жену.

Тогда меня еще можно было убедить в этом, хотя мое избитое тело свидетельствовало об обратном.

— Ты не первая и не последняя женщина, которую избил супруг. Меня тоже били, и мою мать, мою сестру и всех знакомых женщин моего круга. Ни одна пока не умерла. Я тебе повторяю: это нормально, что муж бьет жену. Ничего плохого в этом нет. На твоем месте я была бы счастлива, что муж от тебя не отрекся.

Значит, я должна быть счастлива, что меня всего лишь унизили, избили и изнасиловали. Если бы муж отрекся от такой супруги, было бы во сто крат хуже. Что бы стало со мной тогДа? Где я могла бы спрятаться? У родителей? Невозможно. Тогда где? Наверное, я должна благодарить мужа за все, что он сделал. Вся моя жизнь была порочным кругом, а я как хомяк, запертый в клетке, бегала по кругу сутки без надежды найти выход. Иногда я задавалась вопросом: а не кажутся ли мне все мои несчастья большими лишь оттого, что я слишком много о них думаю? Я понимала, в каком положении нахожусь, а будь я глупой, может, и не в такой мере осознала бы тот ужас, которым окружили меня близкие люди. Почему они так поступали со мной?

Так размышляла я, пока не ощутила прикосновение руки матери к моему лицу.

— Самия, посмотри, какой сюрприз преподнес тебе Абдель!

Улыбающийся Абдель вошел с огромным букетом цветов в руках.

— Мне очень жаль, что все так получилось, — удрученным голосом принялся заверять он, — но этот ребенок

вывел меня из себя. А я так тебя хочу! В моей голове все перемешалось, я растерялся. Обещаю, в следующий раз я буду себя сдерживать. Мне следовало бы быть благодарным тебе за то, что первый подаренный тобою ребенок — мальчик. Ведь у большинства моих друзей девочки. Извини меня. Обещаю, что не буду домогаться тебя в постели, пока ты окончательно не поправишься.

Я не верила своим ушам! Мать поставила цветы в вазу, принесенную медсестрой.

— У медсестры челюсть отвисла, когда она увидела букет, — гордо заявила мать. — Ее поразили его размеры. Хорошо, что она пришла проверить, кому именно его подарили. Пусть знают, что наши мужчины тоже дарят нам цветы, как это делают на Западе.

Мать и Абдель рассмеялись в один голос. Чего стоил лишь вид этих заговорщиков! Они напоминали мне двух гиен, собравшихся над добычей. При первом же неосторожном движении они бросятся на тебя и разорвут на кусочки.

— Где мой ребенок? Его надо покормить. Мои груди лопаются от молока.

— Спит в коляске. В коридоре. За ним присматривает мой приятель Али, — ответил Абдель.

— Принесите его мне, пожалуйста!

Мать подошла к моему супругу и что-то прошептала ему на ухо. Абдель пошел за ребенком, а мать помогла мне принять позу, удобную для кормления, насколько это было возможно в моем состоянии. Малыш припал к груди с наслаждением, ведь дома Абдель пытался кормить его из бутылочки.

— Но он не очень-то хотел брать соску, — посмеивался Абдель. — Думаю, мсье предпочитает грудь своей матери. Значит, он точно мой сын.

Моя мать нашла его замечание остроумным и не упустила случая заметить, как повезло ее дочери с мужем, у которого такое замечательное чувство юмора. Я промолчала. Закончила кормление, и мать забрала ребенка, сказав, что отвезет его домой, потому что Абдель оставил дома подгузники.

— Мы заберем тебя завтра после обеда, если врач отпустит. Не позволяй никому влиять на тебя во всем, что касается твоих обязанностей матери и жены. Ты дочь своих родителей и знаешь теперь, что означает быть матерью. До завтра можешь отдохнуть, — наставляла мать перед уходом.

Это правда — теперь я мать. Я ощущала это каждой клеточкой своего тела. Я любила своего ребенка безусловной любовью, вне зависимости от его пола. Быть матерью для меня означало любить и защищать свое дитя, а для своей матери я была только препятствием и обузой. Разве я виновата в том, что родилась девочкой? Имела ли право на существование девочка в семье Шариффов? Извини меня мама, что я все еще живу.

В детстве мне казалось, что я какой-то уродец, от которого все хотели избавиться. До сих пор меня не покидало ощущение, что в глазах других я бесполезная молодая женщина, от которой в то же время многого ожидают. Я находилась в центре ужасной дилеммы: с одной стороны, я была ничтожеством, с другой — я всем что-то должна и думала, что в таком положении проживу всю жизнь до последнего вздоха. Сейчас я ненавижу себя за то, что так долго позволяла себя разрушать. Но тогда я не видела другого выхода. Желая поспать, я хотела использовать для отдыха этот удобный случай — я одна и в безопасности — и старалась ни о чем не думать. Но стоило закрыть глаза, как в голове

возникала тысяча и одна мысль. Ни о чем не думать было еще сложнее.

На следующее утро я проснулась от ощущения дискомфорта — моя грудь набухла от молока. Сочувствуя мне, медсестра принесла приспособление для сцеживания молока, которым потом кормили других грудных младенцев. И я охотно им воспользовалась.

Из-за наложенных накануне швов я поправлялась медленно, но, скучая по моему малышу, хотела как можно скорее выписаться из больницы. Наконец в палату вошли муж с врачом, который поинтересовался, собираюсь ли я домой или желаю остаться у них еще на некоторое время.

— Я хочу поскорее оказаться дома* и увидеть сына, — совершенно искренне ответила я. — Как я вам обещала, в следующий раз я буду осмотрительнее.

Врач попросил мужа оставить нас на несколько минут, но Абдель отказался.

— Ваша супруга имеет право на собственное мнение, — пояснил врач.

Для него было вполне нормальным поинтересоваться мнением женщины, но он не знал, что у нас мужчины имеют на все мнения эксклюзивное право. Они решают за женщин.

— Скажи ему еще раз, что ты об этом думаешь, — потребовал Абдель.

— Это правда, доктор. — Я была убедительна. — Я хочу покинуть больницу как можно скорее. Я хочу увидеть своего сына.

Медсестра прикатила кресло-каталку, чтобы помочь мне добраться до автомобиля.

— Едем быстрее, — торопил Абдель. — Надеюсь, доктор, ваша помощь нам больше не понадобится.

— Я на это тоже надеюсь, — ответил врач.

С помощью медсестры я села в салон.

— Если это повторится, — прошептала она на ухо, — немедленно сообщите нам. Мы вам поможем.

Когда мы остались в машине одни, муж проговорил:

— Надеюсь, ты им ничего не рассказывала!

В его голосе звучал и вопрос, и явная угроза.

— Ничего я не рассказывала. Да и рассказывать нечего.

— Вот это хороший ответ. Наконец-то ты начинаешь понимать. Жаль, что это произошло во Франции. В нашей стране ни перед кем не нужно отчитываться. Во Франции нас контролируют, потому что это их страна, и нам хотят помешать нормально жить с нашими женами. Мужчину, который избивает жену, ждет тюремное заключение. Французы хотят изменить данные Богом законы! За это они будут навсегда прокляты, ничтожества. Все, что я сейчас хочу, так это оказаться наедине с тобой и наслаждаться, как прежде.

— Как прежде не получится. Не забывай, что нужно заботиться об Амире.

— Завтра у тебя больше не будет ребенка! — восторженно воскликнул он.

-^ Как не будет ребенка?! — закричала я. — Где Амир?

— Никогда больше не повышай на меня голос, женщина, — с горячностью сказал муж. — Твой сын сейчас дома, но завтра он отправится с твоей матерью в Алжир.

Тревога охватила меня: моему малышу грозила опасность. Я чувствовала, как страх сжимает внутренности. У меня хотят отнять ребенка, мою кровь и плоть! Я оказалась на грани безумия и больше не понимала, что происходит. Я была готова зубами и ногтями защищать того, кто был частью меня. Это был мой ребенок, и никто не имел права забрать его у меня.

— Это невозможно. Я поговорю с ней. Она знает, что означает быть матерью. Ты лжешь! Никогда моя мать не поступит со мной так! Какой бы она ни была, но она мать! Она никогда не сделает плохо моему ребенку. Моя мать!

Я произносила эти фразы, но во мне поднималась волна сомнений. Что, если моя мать окажется неспособной понять чувства дочери и решит не обращать внимания на ее страдания? Что тогда? Постепенно я осознала всю призрачность ее поддержки, бесполезность ожидать многое — иллюзий я больше не питала.

Но можно было попробовать повлиять на решение мужа и надавить на его отцовские чувства.

— Ребенку всегда будет нужна мать. Она его кормит и заботится о нем. Еще ребенку нужен отец. Сможешь ли ты без него? Разве мы производили на свет ребенка, чтобы его отдать?

— Он не будет ни в чем нуждаться. Твои родители будут любить его и давать ему деньги.

Я была в отчаянии: мир вокруг меня рушился.

— У нас он тем более не будет ни в чем нуждаться. Я дам ему гораздо больше любви, чем кто-либо другой. В деньгах он тоже не будет нуждаться.

— Ему будет лучше у твоего отца, — настаивал Абдель, безучастный к моему горю. — Он получит большое наследство. Его доля будет даже больше, чем твоя. Вообрази, каким я стану богатым! Забудь о своем сыне. Твоя мать позаботится о нем. Она ему не чужая.

Его непостижимое безразличие к моему горю и к судьбе собственного ребенка шокировали меня. Продолжать спор было бессмысленно: супруг думал только о деньгах. Было больно осознавать, что в борьбе за сына у меня не было поддержки. Нужно поговорить с матерью. Я не могла

поверить Абделю и все-таки надеялась на понимание с ее стороны.

Оказавшись дома, я взбежала по лестнице настолько быстро, насколько это позволяло мое состояние. Я услышала, как где-то в глубине дома плачет мой ребенок, и поняла, что он находится не в той комнате, где стояла его кроватка.

— Я здесь, сейчас я пожалею тебя, мой малыш! — И поднялась на верхний этаж.

Амир был на руках моей матери и... о ужас! Она пыталась дать ему свою грудь! До сих пор я храню в памяти эту картину в деталях — настолько я была шокирована. Она хотела кормить его, как я! Она хотела занять мое место! Это было очевидно.

Мой приход ее нисколечко не обескуражил.

— Смотри, Амир, пришла Самия, — сказала она моему сыну.

— Иди к маме, мой любимый сынок, — позвала я, протянув руки к сыну, чтобы взять его себе.

— Нет, Самия! Не мама! — воскликнула она, вконец сбив меня с толку. — Ты еще слишком молода, чтобы заботиться и о ребенке, и о муже. Ты и о себе не можешь позаботиться. Амир будет несчастен с тобой.

— Отдай моего ребенка, мама! Он мой, его надо покормить. Позволь мне, я его мать. Я умру, но все сделаю для него. Вспомни, ты тоже была молода, но научилась нас воспитывать. Раз в жизни имей ко мне хоть каплю жалости! Ты же говорила, что теперь я стала матерью. Я понимаю, насколько это меня обязывает. Я не смогу жить без него. Он часть меня, как твои дети — часть тебя.

— Ты — худшая часть меня, — выпалила она со злобой. — Ты из той части, которой я до сих пор стыжусь, от которой всегда хотела избавиться, как от раковой опухо-

ли. Знаю, ты будешь позорить меня до конца і-юих дней. Твой муж, отец этого ребенка, решил отдать его мне. Решение принято. Нам с ребенком больше нечего тебе сказать.

Мать не оставила мне даже права говорить. Меня разрывали на части противоречивые чувства: страх, отчаяние, бешенство и бессилие, а из моей груди сочилось молоко.

— Можно я покормлю его? Пожалуйста!

Взгляд матери был полон презрения.

— Он не голоден. Я кормила его из соски. А свою грудь даю, чтобы он успокоился.

— У меня болит грудь. Ребенку нужно материнское молоко!

— Твое молоко, твое молоко! Да что там может быть полезного в твоих сиськах? Ребенок может вырасти на коровьем молоке, и ты ему для этого совсем не нужна. Успокойся или обратись к врачу, если у тебя что-то болит. Этой ночью ребенок останется со мной. Пусть привыкает к моему запаху. Он будет расти со мной. Я позабочусь о нем. Он забудет о своей матери. Не беспокойся, я буду относиться к нему, как к прочим своим сыновьям и даже лучше. Чего еще тебе желать?

Мало того что мать бросила меня в беде, она заняла мое место рядом с моим сыном. А я ведь рассчитывала на то, что она сможет повлиять на мужа. Вдруг я поняла, что именно она решила отобрать Амира. Она купила его у моего мужа, а тот с радостью продал сына. Вместо того чтобы поддержать меня и научить правильно ухаживать за ребенком, как поступили бы на ее месте большинство женщин, *моя мать* решила отнять мое сокровище, мой смысл жизни. Одинокая и беспомощная перед матерью и мужем, я плакала над утратой, плакала от бессилия и отчаяния, осознавая, насколько сильно моя мать ненавидит

меня. Спустившись вниз, я заплакала как дитя. Пришел муж, сел напротив и начал говорить, что это наилучшее решение для всех, в том числе для меня и для ребенка, попытался убедить в том, что если у меня родится еще один ребенок, я быстро забуду эту историю. Но сердце подсказывало мне, что один ребенок никогда не заменит другого.

— Очень важно, чтобы мать была довольна тобой! Она полюбит тебя еще больше, если ты согласишься доверить ей своего сына.

Эти слова разрывали мою душу в клочья — он нашел самую чувствительную точку. Абдель знал, что я тщетно искала способы угодить матери, заставить ее полюбить меня. Он пытался манипулировать мною, а была слишком молода и не понимала этого. Он ставил передо мной дилемму, в которой оба выхода меня не устраивали: либо я отказываюсь от сына, чтобы сделать приятное матери; либо оставляю его себе, но в этом случае я испорчу с ней отношения навсегда. Я оказалась в ловушке, из которой, учитывая мой возраст и воспитание, я не могла найти выхода.

— Все, дискуссия окончена. Эта чертова история начинает мне надоедать. Чувствую, что мое терпение скоро лопнет. Я бы хотел отдохнуть сегодня вечером и не слышать плача и причитаний, — сказал он, беря меня за руку.

Прикосновение человека, способного продать собственного сына, было мне омерзительно. Чувствуя необходимость побыть одной, я ушла в другую комнату.

Как я могла продолжать спокойно жить без своего малыша, которого произвела на свет? Ради него я пережила трудные месяцы беременности, с нетерпением ожидая его рождения. Теперь я жалела, что родила его. Жалела, что он уже не внутри меня: в тепле и безопасности. У меня не было сил сдерживать рыдания. Не было сил и смелости*

чтобы пойти наперекор семье. Я чувствовала себя слабой и беспомощной против них, особенно теперь, когда мой муж- перешел на их сторону. Бой предстоял жестокий и бескомпромиссный; я не уверена, что вышла бы из него невредимой. Я теряла своего ребенка, теряла любовь, теряла единственный смысл жизни. У меня не оставалось ни единого шанса жить со своим ребенком, видеть, как он растет, как делает успехи. Все было против того, чтобы я жила нормальной жизнью, как другие женщины. Я стала женщиной, у которой вырезали часть сердца. Я стала просто Самией для своего сына, а она, моя мать, стала *его матерью.* Жизнь так несправедлива, но у меня были связаны руки; Какой это был кошмар!

❧ ❧ ❧

Часть ночи я провела в гостиной, сцеживая молоко при помощи специального устройства. Это было очень непросто. Мать не поддавалась на мои уговоры разрешить мне покормить Амира. Потом пришел муж и потребовал вернуться в спальню, потому что ему стало скучно. Я не могла понять его поведения. Как можно быть таким бессердечным, слыша плач своего ребенка?

Я отказалась, поскольку не желала делить с ним что бы то ни было, и он ударил меня, обозвав сучкой и матерью ублюдка. После его слов мне захотелось выброситься из окна.

Сегодня я часто задаю себе вепрос, как я могла вынести столько страданий и не сойти с ума?

Муж, изрыгая проклятия и ругательства в мой адрес, пошел прочь. Амир снова заплакал, и я решила подняться и еще раз поговорить с матерью.

— Что тебе надо, Самия? Все уже было сказано вчера вечером. Иди спать.

— Я хочу накормить его в последний раз перед отъездом. У меня ужасно болит грудь.

В моих словах мать услышала нотки смирения и кивнула.

— Так и быть, корми. Пользуйся случаем этой ночью. Завтра пойдешь к врачу, пусть он сделает так, чтобы молоко не прибывало.

Как только Амир оказался у меня на руках, он успокоился и стал искать грудь. Казалось, он понимал, что происходит, и сжимал грудь своими маленькими пальчиками, словно не хотел расставаться. Наевшись, малыш уснул как ангелочек.

Мать поспешила прервать эту идиллию, отобрав у меня сына.

— Как бы там ни было, завтра ты его увидишь. Ну и два раза в год, когда будешь приезжать в гости в Алжир.

— Обещай мне заботиться о нем и никогда не заставлять его плакать или страдать.

— Он никогда не будет страдать, об этом не беспокойся. Обещаю заботиться о нем. Это маленький красивый мальчик, которого будут обожать и твой отец, и твои братья. Он станет нашим любимцем. Я регулярно буду посылать тебе фотографии, так чтобы ты ощущала его близость. Ты не будешь ссориться с мужем из-за детского плача, перестанешь вскакивать по ночам, чтобы покормить его и сменить подгузники. Видишь, в конечном счете выигрываешь ты. А я буду мучиться вместо тебя. Ты же, если захочешь, сможешь родить своему мужу еще одного малыша.

— Хватит, мама. Ты прекрасно знаешь, что один ребенок не заменит другого. Я люблю своего сына. Вы делаете мне очень больно. С детских лет я чувствую себя все несчастнее и несчастнее. Я не смогу вынести новых страданий.

— Страдания нам посылает Всевышний, каждому по широте его души. Значит, у тебя широкая душа, Самия. До сих пор твои страдания были не очень велики, поверь мне. В том, что я забираю у тебя сына, Господь посылает тебе новое испытание, вернее, он посылает тебе благословение, раз уж посоветовал мне взять ребенка, чтобы оградить тебя от еще больших страданий.

— Значит, Господь послал мне маленькое страдание в том, что я в шестнадцать лет оказалась замужем за неуравновешенным мужчиной? Абдель уничтожает меня у тебя на глазах, но никто не желает прийти мне на помощь. И вы пользуетесь этим, чтобы отнять у меня единственную отраду.

— Я вынуждена была согласиться на твое замужество* чтобы выжить. Твой отец постоянно сердился на меня за то, что ты становилась все более зрелой. Он считал, чем дольше ты живешь с нами, тем больше вероятность, что ты принесешь нашему роду позор и бесчестье. Расплачиваться за тебя приходилось мне. Я никогда не рожала бы девочку по собственной воле, ты это прекрасно знаешь. И не тебе меня учить! Я больше не хочу говорить об этом. Малыш спит, утро вечера мудренее. Спокойной ночи, Самия!

—Всю свою жизнь я только и слышу про эту мудрость...

Мать больше не желала меня слушать. Я ушла в гостиную и легла на софу, но сразу заснуть не получилось — я была слишком расстроена своим бессилием. Я рассматривала положение с разных сторон в поисках выхода, но напрасно: Только под утро, выплакав все слезы, я задремала, а через несколько часов мать разбудила меня.

— Как тебе не стыдно! Оставила мужа спать одного! Я бы не удивилась, если бы он пришел и убил тебя! Идем, поможешь мне собрать детские вещи.

Сил на дальнейшее сопротивление у меня не осталось. Сердце истекало кровью, когда я складывала одежду, которую в течение месяцев покупала для малыша вместе с подругой. Никогда я не увижу, как он играет игрушками, которые я выбирала для него; как хватает погремушку; как у него прорежется первый зубик; как он ползает, ходит на четвереньках, как пытается стоять, как произносит «ма-ма»... Это все будет знать моя мать. Самия — это пустышка, не нужная никому, даже себе самой.

Уровень моей самооценки опускался все ниже и ниже.

Мать торопилась уехать. Она вела себя настороженно, как вор, который желает поскорей исчезнуть с украденной добычей. Еще она напоминала мне львицу, готовую прыгнуть при первом неосторожном движении, чтобы защитить своего детеныша. Но разве не я должна была стать такой львицей? Почему *я* не защитила своего ребенка? Почему допустила такое бесстыдство? Почему не настояла на том, чтобы взять его на руки на несколько минут и ощутить его запах? Почему? Меня снова принуждали вернуться к роли маленькой забитой девочки, какой я была всю свою жизнь. Я чувствовала, что проиграла битву, даже не попытавшись начать ее.

— Я хочу поехать с вами в аэропорт, — сделала я последнюю попытку.

— Нет, Самия. Ты избавишь нас от многих проблем, если останешься здесь, — угрюмо ответил муж.

— Оставайся дома и настраивайся на правильный лад. Как только я приеду в Алжир, отец тебе позвонит. За малыша не беспокойся, я люблю его, как собственного сына, — поддакнула ему мать.

— Ты видишь, Самия, — опять подключился муж, «успокаивая» меня. — Мать любит тебя, как всякая мать любит своего ребенка.; Каждый месяц тебе будут сооб-

щать обо всем, что происходит с ребенком. Как тебе повезло! Иметь такую мать!

Последние слова Абделя обескуражили меня. Я опять засомневалась в себе. Я уже не знала, кто из нас сумасшедший — я или мои родственники. Перед отъездом отец предупредил, что видит меня везде, как бы далеко я ни находилась. И я верила, что он способен на такое! Я проклинала свою семью, потому что понимала: я не смогу помешать им совершить преступление.

Хлопанье дверцы автомобиля вернуло меня к действительности. Мать села в машину и посмотрела на меня своим излюбленным взглядом, исполненным презрения.

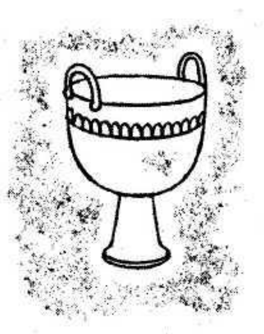
— Абдель, садись! — крикнула она. — Самолет ждать не будет!

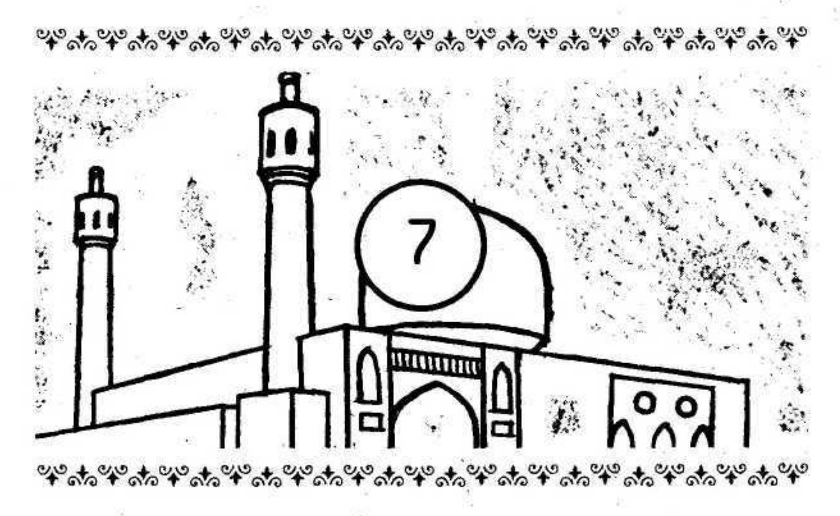
— Подождите, я хочу взглянуть на ребенка в последний раз.

— Хорошо, только быстро.

Амир спал, сжав кулачки. Я нежно погладила их, стараясь не разбудить малыша, с замирающим сердцем вернула его матери и со всех ног побежала в дом.

Глядя из окна вслед уезжающей машине, я теперь знала, какую боль испытывают матери, когда теряют ребенка из-за болезни или похищения. И оплакивала своего сына.

Жизнь без сына

Я не могла оставаться одна. Нужно было срочно поговорить с кем-то, и я вспомнила о подруге детства. Абделю не нравилось, что я общаюсь с ней, но сейчас я решила воспользоваться его отсутствием.

Трубку поднял муж Амины, и я услышала, как он сказал ей:

— Это твоя подруга Самия. Мне кажется, она плачет.

Амина быстро подошла к аппарату.

— Самия, что случилось?

— Приезжай, Амина! Ты нужна мне! Они забрали моего ребенка!

— Кто забрал твоего ребенка?

В двух словах я обрисовала ей ситуацию, и через пятнадцать минут она уже звонила в дверь.

К этому времени Амина вышла замуж за своего парня-француза, хотя ее родители были против. Она казалась счастливой и влюбленной, потому что вела такую

жизнь, какую хотела, — как свободная арабская женщина. Меня восхищали ее храбрость и способность противостоять мнению окружающих. Я всегда хотела быть похожей на нее, а в тот момент желала этого как никогда. В детстве Амина вдохновляла меня поступать так, как она, но когда мы выросли, я поняла, что мне недостает ее храбрости. Надо сказать, что воспитана она была совсем по-другому.

Амина обняла меня, и я почувствовала, что успокаиваюсь. Я рассказала ей все, что произошло.

— Я говорила тебе, что твоя мать — это дьявол во плоти. Если я не права, тогда почему она причинила тебе столько боли? Если сейчас же позвонить в полицию, твою мать перехватят раньше, чем взлетит лайнер.

Я остановила ее жестом. Реакция моей семьи могла быть непредсказуема для *цивилизованного, нормального* общества. Такие, как она, «во имя блага» могли убить: перерезать горло или утопить в реке. «Очищаясь кровью обидчика, можно попасть на небеса». Поэтому я не могла позволить Амине звонить в полицию. Боялась, что, если пойду наперекор их воле, подпишу себе смертный приговор. В то время я была запугана и глупо верила всем этим угрозам. Какой же наивной дурочкой я была!

— Амина, мы говорим о моей матери! Я не могу позволить ее арестовать! Даже не думай! Мой отец так рассердится, что решит меня убить!

— Главное сейчас — не мнение твоего отца, а успеть перехватить твоего сына, чтобы ты могла убежать вместе с ним. Полиция обязательно тебя защитит.

— Как долго она сможет меня защищать? Год или, может быть, два? А после? Пойми, я не могу так поступить. Это действительно так. Я очень переживаю, у меня перед глазами стоит мой сын, но я ничего не могу сделать. В моей груди продолжает прибывать молоко, и от этого тоже больно.

— Не понимаю, почему ты так боишься своей семьи? Как им удалось принудить тебя выйти замуж в шестнадцать лет? Как им удалось так быстро отобрать у тебя ребенка? На улице конец семидесятых! Это не начало века! Ты не в Алжире, ты во Франции, где все люди, независимо от пола, имеют равные права!

— Ты не понимаешь. Моей семье все равно, где они — в Алжире или во Франции. Родители уверены, что сохраняют свои права на меня, ведь у них с моим мужем полное взаимопонимание, как у ярмарочных воров.

— И все же я не понимаю, почему ты делаешь все, что они велят? Тебе почти семнадцать лет, к тому же ты сама мать. Я никому не позволила бы помыкать мною, даже мужу, которого очень люблю.

— Я завидую тому, что у тебя муж, которого ты любишь. Как бы мне хотелось тоже самой распоряжаться своей жизнью!

— Это зависит только от тебя, Самия! Ты можешь жить, как захочешь и с кем захочешь. Посмотри на себя! Ты красивая, женственная, милая, у тебя есть все качества, которые мужчины ищут в женщинах.

— Я не уверена в своих силах, ты же знаешь. Мой муж неустанно твердит мне, что я не такая красивая, как те, которых он знал раньше, и что во мне нет ничего привлекательного для мужчин. Если верить ему, то мне повезло с ним, поскольку ни один другой мужчина не захотел бы со мной жить.

— Твой муж ревнив. Он унижает тебя, потому что не хочет, чтобы другие мужчины засматривались на тебя. Тебе просто не хватает уверенности в себе, поэтому ты и уступаешь всем его требованиям. Удели чуточку

внимания своей прическе, макияжу и научись одеваться по-другому. Хочешь, я отведу тебя к своему парикмахеру и помогу выбрать одежду, которая подойдет такой симпатичной женщине, как ты?

— Не думаю, что Абдель согласится, потому что он сам выбирает, во что мне одеться и как следует укладывать волосы.

— Теперь он, раньше были твои родители! Когда же ты начнешь решать сама? Это уже надоедает. Я пытаюсь тебя понять, но правда не получается!

— Согласна, это понять непросто. Для этого надо вырасти с моими родителями! Я живу в надежде, что когда-нибудь вырвусь из этого, но пока не знаю, когда и каким образом.

Через два часа вернулся муж. Недовольный присутствием Амины, он молча прошел мимо.

— Мне надо бежать. Дай мне знать, когда захочешь пойти к врачу или за покупками, — сказала подруга на прощание.

— Ошибаешься, Амина! — заорал мой муж. — Самия не пойдет с тобой ни к врачу, ни по магазинам! Она пойдет туда со мной! Уходи! Быстрее! Вон из моего дома!

Я стояла, словно парализованная, и смотрела, как моя подруга молча выходит из дома. Через окно я увидела, как она сделала мне знак перезвонить ей.

— Значит, ты воспользовалась моим отсутствием, чтобы еще раз проявить непослушание! — заревел Абдель, хватая меня за плечо. — Сколько раз тебе повторять: я не хочу видеть в своем доме эту шлюху!

Ударив меня по лицу и отшвырнув к стене, он приказал приготовить ему кофе. Нужно ли говорить, что тем вечером мне не удалось избежать того, что давно уже стало обыденным в нашем доме: ударов, издевательств

и оскорблений. Он повторял, что вынужден был отдать своего сына моим родителям из-за моей беспомощности, называл меня отбросом, потому что я не могу удовлетворить мужчину. Под конец он заявил, что если бы не он, я бы так и сгнила со своими родителями.

Мне очень не хватало моего сына. Я постоянно звонила матери, чтобы справиться о нем, пока однажды под предлогом, что звонки беспокоят ребенка, она не сказав ла ждать, когда сама позвонит мне.

Тянулись скучные и угрюмые дни. Я обслуживала мужа, в благодарность за что он избивал и насиловал меня по нескольку раз в день, так что никому и не снилось. Моя жизнь зависела от его настроения, ия получала на всю катушку, безмолвно страдая. В конце концов я пришла к тому, что стала желать ему несчастья. Когда он уходил, я молилась, чтобы он больше не возвращался, но вечером он все равно приходил. Скрежет ключа в замочной скважине заставлял меня вздрагивать: я знала, что за этим последует.

Мое тело было сплошь в синяках. Выходя на улицу, я надевала темные очки и одежду, закрывавшую всю тело, чтобы избежать косых взглядов прохожих.

Если я хотела высунуть нос наружу, то должна была спрашивать у Абделя разрешения и объяснять причину. Случалось так, что он сначала разрешал, потом забывал об этом. Наказание в этом случае было суровее, чем обычно: ведь я не послушалась его и вышла без разрешения. Часто он будил меня посреди ночи, потому что ему вдруг хотелось заняться любовью или просто по какой-то причине избить меня. Он мог, например, обвинить меня в том, что я делаю вид, что сплю и увиливаю

от исполнения супружеского долга. Бывало, я думала, что не доживу до утра, потому что он принимался душить меня подушкой.

Несколько раз я пыталась убедить мать повлиять на Абделя, но все напрасно. Я могла сколько угодно говорить, что он может меня убить, что моя жизнь в опасности, но мать винила во всем меня и просила не беспокоить — я сама должна была сделать так, чтобы он меня не обижал. Она всегда повторяла мне, что я его жена, а он мой муж, и я должна его уважать.

Как-то утром, готовя завтрак, я увидела подписанный моим отцом чек на кругленькую суму, выданный на имя моего мужа. Этот был уже третьим, виденным мной за последние три месяца. Я попросила у мужа объяснений.

— Это в знак благодарности, — туманно ответил он.

— Благодарности за что?

— Во-первых, за то, что я избавил его от обузы, взвалив на себя ответственность за тебя. Во-вторых, за то, что Амир живет с ним.

— Если я правильно понимаю, мой отец платит тебе за то, что ты на мне женился, и за то, что ты отдал нашего сына? — переспросила я с замиранием сердца.

— В самую точку! Ты можешь быть умной, когда захочешь.

— Как долго они будут тебе платить? Если я умру, твои доходы уменьшатся?

Я высказала недвусмысленный намек на его постоянные угрозы убить меня.

— Не говори о несчастье! И потом, это твои проблемы. Ты просто не выносишь, когда все идет хорошо! Хочешь меня довести? Если будешь продолжать в том же духе, то доведешь! — вдруг заорал он, желая покончить со спором.

Частенько он говаривал:

— Я тебя убью и сбегу в Алжир. А твоим родителям скажу, что у тебя был любовник и я отомстил за свою поруганную честь.

Я чувствовала, что он способен исполнить эту угрозу, мало того — понимала, что родители ему поверят. Он унижал меня, позорил на глазах у всех так, чтобы в случае чего быть оправданным. Я жила в атмосфере террора, не в силах что-либо изменить.

В какой-то момент я стала чувствовать, как меня одолевает усталость и сонливость. Амина предположила, что я беременна.

— Тебе надо проконсультироваться с врачом! Но я уверена, что уже могу поздравить тебя, — весело заметила она.

— Я уже не знаю, что и думать, Амина. С одной стороны, я, конечно, рада, а с другой — я боюсь этой беременности, боюсь кошмаров, которые могут повториться.

— Желаю тебе девочку. Чтобы ты окружила ее той любовью, которой не было у тебя, — добавила подруга искренне.

Всем сердцем я желала девочку. Пусть даже моя семья станет презирать меня. Я думала о себе. Моя дочь никого не будет интересовать и поэтому останется со мной. Я клялась, что она никогда не узнает того, что испытала я.

Врач подтвердил беременность в четыре недели. Вечером я объявила новость супругу.

— Надеюсь, это тоже будет мальчик. Я уже начинаю скучать по моему сыну. Но этого я буду воспитывать сам, какую бы сумму мне за него ни предложили.

— Почему ты не хочешь вернуть сына, если тебе его не хватает?

— Ты это… не указывай, что я должен делать, а что нет. У меня есть две причины не забирать назад сына. Во-первых, нам дают хорошую сумму. Часть я посылаю своей матери, часть остается у нас. Во-вторых, ты еще не созрела для воспитания сына. В любом случае, я могу наделать столько пацанов, сколько захочу!

Мой муж даже представления не имел, чего стоит выносить и родить ребенка!

— Кто тебе сказал, что будет мальчик?

— Потому что я знаю это! Не в твоих интересах рожать девочку, такую же испорченную, как и ты! Я не хочу мучиться, как мучился из-за тебя твой отец!

В глубине души я знала, что родится дочь. Меня тянуло покупать одежду для девочек, которую я сразу прятала, чтобы не вызвать гнев у мужа. Когда я отправилась делать УЗИ, муж пошел со мной — «увидеть сына и удостовериться, что с ним все в порядке».

В тот день я дрожала от страха, боялась, что он вспыхнет от гнева прямо-в кабинете врача, когда увидит, что я ношу девочку. Он тоже волновался, как студент перед экзаменом. Я легла на смотровую кушетку.

— У вас ведь уже есть мальчик? — улыбаясь, спросил врач. — Вторым ребенком у вас будет девочка, такая же симпатичная, как ее мама.

Услышав новость, муж вышел из кабинета, не пророкнив ни слова.

— Кажется, ваш супруг не очень доволен результатом!

Зато была довольна я, несмотря на то что знала, какой прием ожидает меня дома. Муж уехал из больницы, не дождавшись меня. Плохой знак. Я позвонила матери объяснить ситуацию, но она с трудом дослушала меня до конца, проворчав, что я-де не даю ей спать своими историями и склонностью к преувеличениям.

— Возвращайся к мужу и скажи, что доктора не могут знать. Только Аллаху известно, кто в животе у матери. Скажи ему, что мне снилось, что у тебя родится второй мальчик.

— Как там Амир, мама?

Помолчав несколько секунд, которые показались мне вечностью, она ответила, что он уже лучше сидит на стульчике и ест с большим аппетитом. Матери не нравилось, что я интересуюсь сыном, но запретить мне это окончательно она не решалась. Как-никак, я тоже была частью семьи. Но я находилась далеко, запертая в доме мужа, и теперь, когда у них был мой сын, мои вопросы их раздражали. Счастлива я или нет, никого не волновало.

Домой я вернулась на такси. Вошла в дом на цыпочках, надеясь проскочить незаметно. Ожидавший меня муж с ненавидящими глазами походил на голодного медведя гризли. Я хотела сразу рассказать ему о сне, который видела моя мать, но только открыла рот, как его удар кулаком свалил меня с ног. Крича, что не хочет в доме еще одной маленькой ублюдочной твари, как ее мать, что он не уверен в своем отцовстве, он принялся пинать меня в живот. Устав, он потащил меня за волосы в спальню, чтобы надругаться.

Подобные сцены не раз повторялись до самых родов. Моя мать приехала помочь на несколько дней, но без Амира. Она не захотела беспокоить его..До последней минуты она надеялась, что будет второй мальчик.

Но Господь услышал мои молитвы — после семнадцати часов мучений я родила маленькую симпатичную девочку. Я была счастлива: никто не заберет ее у меня, пусть даже я буду единственной, кто будет ее любить. Я дала себе слово защищать ее и любить так, как я хотела, чтобы любили меня. Она не будет страдать, как страдала я!

Мать навестила меня вместе с моим мужем. Внимательно рассмотрела внучку.

— Стоило так мучиться, чтобы родить вот это, — проговорила она со злобой. — У нее лицо ангела — может быть, Господь быстро возьмет ее к себе?

— Господь дал мне ее, и не заберет назад. Господь добр, он знает, как я хотела дочку, чтобы любить ее и утешать.

— Ты увидишь, какой это адский труд — воспитывать дочь. Господь не мог выдумать худшего наказания.

— Моя дочь не наказание, а скорее награда за мое терпение. Сбылось мое желание.

Сбитая с толку ответом, мать повернулась к моему мужу.

— Слышишь, Абдель, как твоя жена разговаривает с матерью? Разве ты этому ее учил?

— Я ее этому не учил. Твоя дочь забыла все, чему ее учили. Придется напомнить. Когда она стала жить во Франции, она словно на крыльях летает.

— Послушай меня, Самия. Где бы ты ни жила, в Алжире или во Франции, это ничего не меняет. Мне стоит шепнуть только одно слово твоему отцу, и ты увидишь, что случится. И никто не будет тебя оплакивать. Даже твои дети.

Мать вернулась в Алжир еще до того, как я выписалась из больницы. На этот раз ей некого было увозить. Через пять дней я возвращалась домой с тяжелым сердцем. Я не хотела туда возвращаться. Мне страшно было показаться с дочерью на глаза супругу. Другие матери, покидая больницу со своими малышами, казались счастливыми, но я бы многое отдала, чтббы пробыть там как можно дольше — только там я чувствовала себя в безопасности.

Тогда мне казалось, что я единственная на земле женщина, которая несет подобный крест. Я не предполагала, что другие женщины тоже могут подвергаться насилию.

Муж увез меня из больницы на автомобиле.

— Надеюсь, на этот раз у тебя нет швов?

—Немного есть. Но меньше, чем после прошлых родов.

— Ты специально это подстроила. Тебя ведь это устраивает, не так ли? А мне что делать? Может, найти любовницу? Но я набожный и боюсь прогневить Всевышнего, поэтому не хочу допускать подобного греха.

Я знала, что он прибегает к услугам доступных женщин, но легко принимала это. Даже с радостью, потому что после таких случаев могла спать спокойно. Ревности не было.

Мы приехали домой, и муж бросил меня одну — с ребенком и кучей пакетов, которые я сама должна была один за другим перенести из машины в дом.

Дочь я назвала Норой, что в переводе с арабского означает *свет*. Долгие годы моя дочь являлась и является до сих пор светом, озарявшим мои слова и поступки, помогает мне двигаться вперед...

Малышка Нора росла. Я не могла нарадоваться ее красоте, ее подвижности, ее уму, ее доброте и многим другим качествам. Она была для меня всем: моим избавлением, первой в жизни победой, моими планами на будущее и моей тихой гаванью. Я делала все, чтобы она не испытывала на себе переменчивого настроения отца, старалась устроить все так, чтобы она не знала о насилии, жертвой которого я была, предпочитая страдать в одиночестве.

Редко, но случалось, что она становилась свидетелем издевательств, которым подвергал меня муж. Я вспоминаю один вечер, когда Абдель вернулся расстроенный проблемами на работе. Он был крайне напряжен.

Нора играла перед телевизором, а я готовила на кухне соус. Я взяла в руку стакан с водой, когда муж без пре-

дупреждения толкнул меня. Я упала на пол, стакан разбился, и кусок стекла вонзился мне в ладонь. Я закричала от боли, хлынула кровь, а муж, не обращая на это внимания, принялся меня насиловать и избивать! Я пыталась уворачиваться от ударов, как вдруг услышала испуганный крик дочери.

Малышка смотрела на нас и плакала, умоляя папу остановиться, потому что мама была вся в крови. Ничего не видя вокруг себя, Абдель продолжал меня колотить.

Я делала все возможное, чтобы мои дети не видели, как отец в бешенстве насилует и избивает мать. Абдель же не ведал, что творил: он забыл о ребенке, утратив контроль. И с каждым ударом я чувствовала, что следующего могу не пережить.

Наконец, почувствовав себя значительно лучше, он скатился с меня. Ни угрызений совести, ни жалости ко мне он не испытывал. Я была для него лишь средством для выброса накопившегося за день гнева.

Поехать со мной в больницу из-за раны на руке он отказался, боясь расспросов врача. Тогда я сама перевязала руку потуже, но больше всего меня беспокоило то, что дочь стала свидетелем ужасающей сцены. Она, которая уже боялась крови, видела кровь своей матери. Спала она очень беспокойно, и я всю ночь просидела у детской кроватки, что дало мужу повод обвинить меня в том, что я умышленно не легла с ним.

Я пыталась понять его поступки и его восприятие реальности, но не могла. Казалось, он был зациклен на сексе, а мнение партнера его не волновало.

Шли годы, я жила только для дочери. Издевательства со стороны мужа изливались на меня нескончаемым потоком. Когда я начинала думать о самоубийстве — несколько раз такое случалось, — я вспоминала о дочери, и это заставляло меня жить дальше. Что станется с ней без меня? Моя девочка, если меня не будет, превратится, в козла отпущения для этих изуверов.

Я выходила из дому только на прогулку с Норой в парк. Когда она пошла в школу, я встречала и провожала ее. Так я познакомилась с несколькими женщинами — они стали моими подругами. Благодаря им мне удалось узнать много нового.

Понемногу я начала делать макияж и ухаживать за волосами — это позволило мне почувствовать себяувереннее. Даже Абдель заметил изменения. Как-то утром, когда я, подкрашенная и причесанная, выходила из ванной, он остановился и посмотрел на меня.

— Ты для кого так прихорашиваешься? Кто он? Если я увижу тебя с любовником, я зарежу тебя, как овцу, у всех на глазах, пусть даже меня посадят в тюрьму. Или нет. Лучше я расскажу об этом твоему отцу и братьям, и они сами расправятся с тобой. Зарежут тебя на моих глазах, и ты не увидишь больше своих деточек.

Я была запугана, просто скована страхом. От этих угроз меня пробирала дрожь. Конечно, я знала, что таким образом он старается сделать меня покорной — каждую неделю я слышала это слово *зарезать*\ Даже сейчас, стоит его услышать, неважно в каком контексте, следующую ночь меня будут мучить кошмары. Удивительно, до какой степени простые угрозы могут влиять на нашу жизнь!

Ко мне в гости тайком от мужа приходили новые подруги, чаще других две. Как-то он вернулся домой раньше обычного, и подругам стало не по себе от того, как я-испугалась. Они хотели уйти, но, к моему удивлению,

муж повел себя с ними довольно вежливо и даже настоял, чтобы они посидели еще, потому что у него есть дела. Я спрашивала себя, что скрывается за всем этим. Слишком хорошо я знала его и не спешила радоваться раньше времени.

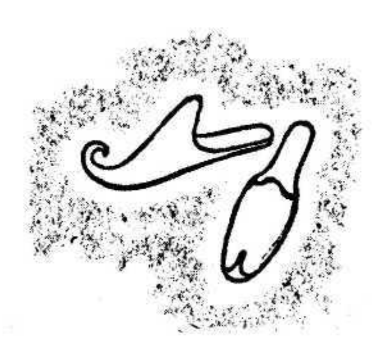
Я завидовала своим приятельницам, которые встречают мужей и детей без страха, завидовала их размеренной жизни. Вечером снова появился Абдель в хорошем, почти радостном настроении: он покачал Нору на коленях, что делал крайне редко, а когда подруги ушли, спросил меня, как их зовут.

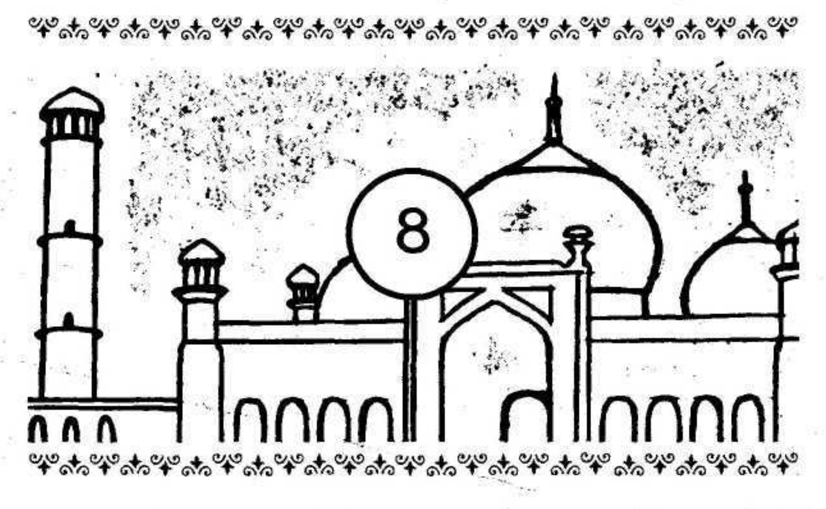
— Одну зовут Сорейя, другую Сальма, — ответила я с тревогой.

— Первая куда ни шло, а вот другая больше похожа на шлюху. Я не хочу, чтобы ты встречалась с женщиной, которая выглядит как проститутка. Поняла?

— Хорошо. Я больше не буду с ней видеться.

Как, не называя истинной причины, я должна была объяснить своей подруге, что муж запретил мне встречаться с ней?

Третья беременность

арактерные признаки усталости дали мне знак, что я забеременела в третий раз. Не дожидаясь, когда живот станет заметным, я рассказала об этом мужу, полагая, чем раньше он узнает, тем лучше. Его реакция была относительно спокойной, чего не скажешь о моей матери, которая снова разразилась потоком нравоучений.

— Надеюсь, на этот раз ты подаришь мужу сына. Что ты приобрела, родив дочь? Еще больше презрения с его стороны?

— Куда уж больше? Он презирал меня и до рождения Норы. Моя дочь ни в чем не виновата, — горячо возразила я. — Этот желанный ребенок озаряет мою жизнь. Я люблю дочь и не променяю ее на всех мальчиков в мире.

Мать обиделась.

— Что-то за последнее время твой язык стал слишком длинным. Слава Богу, мой внук Амир избавлен от твоего влияния. Я правильно сделала, что забрала его, ведь ты

просто ничтожество. Ты не заслуживаешь правоверного, который живет с тобой под одной крышей. Если ты носишь девочку, я желаю, чтобы вы обе не пережили родов.

Как всегда, моя мать видела в девочках лишь кучу проблем. Я никогда не могла переспорить ее. Что-то подсказывало мне, что я никогда не пойму ее отношения к жизни и способа наладить отношения не существует в принципе. Я привыкла, что мать действует согласно одному и тому же ритуалу: оскорбления, ненависть и унижения. Привыкла скорее потому, что ничего другого и не знала.

Родить я должна была зимой, после чего, как было условлено, поеду в Алжир навестить родных. Я хотела увидеть сына, познакомить его с сестрой и новорожденным ребенком. Я соскучилась по сестре и братьям, но предполагала, что сейчас, став взрослыми, они могут повести себя иначе. Подъем исламского фундаментализма в Алжире повлек за собой изменения как в стране в целом, так и в моей семье в частности. Выходить на улицу женщины должны были только в сопровождении мужчины, надев никаб *. Мои родные стали ярыми экстремистами, а отец — религиозным фанатиком. Он и раньше был жесток и суров со мной, а теперь я с тревогой думала о том, как повлияли на него эти изменения. И все равно я очень хотела увидеть страну, в которой выросла, но особенно рвалась увидеть сына.

Моя вторая дочь Мелисса была красивым ребенком с большими карими глазами, такими же, как у ее старшей сестры. После третьих родов муж стал еще грубее и жестче. Обращаясь ко мне, он все чаще называл меня *женщиной,* а не Самией.

— Ну, ты! Женщина, иди сюда! Ты, женщина, сделай это!

Стены нашего дома слышали только приказы, упреки, звуки ударов и оскорбления. Любовь и взаимопонимание царили лишь между мной и дочерьми.

Я мечтала о дне, когда мы станем свободными — мы трое подальше от свирепого Абделя. Эта призрачная надежда спасала меня от безысходности и помогала переносить жизненные трудности. Несколько раз мне снилось, что я живу в большом доме вместе с дочерьми без мужа и родственников. Мы смеялись, танцевали, никого не боясь. Проснувшись, я вспоминала, где я на самом деле, и плакала, пытаясь уснуть снова.

Отец прислал билеты для меня и дочерей, а я разрывалась между страхом ехать и желанием увидеть родных. Всю жизнь я должна была расплачиваться не зная за что, а за каждой хорошей новостью следовала плохая. Поэтому я стала бояться радостных событий. Однако сейчас я надеялась, что игра стоит свеч, потому что благодаря поездке я могла на некоторое время избежать общества Абделя, чтобы не слышать его непрекращающихся требований, могла навестить сына.

С нетерпением ожидая поездку, я безропотно выполняла все требования супруга, чтобы он не дай бог не изменил решения. Мать часто повторяла, что женщина должна слушать мужа, если хочет получить благословение от родителей. Это была моя плата за предстоящую маленькую порцию счастья. Я чувствовала себя ребенком, которому обещают конфетку за хорошее поведение. Хотя до отъезда было еще много времени, я уже была готова. Муж предупредил, что не желает долго оставаться один

* Никаб — накидка из темной ткани с прорезью для глаз, прикрывающая лицо женщины *(Примеч. авт.)*

и отпускает меня только на пятнадцать дней. Как дорого бы я заплатила за то, чтобы продлить пребывание в родительском доме! Обещая уложиться в срок, я заверила его, что родители проследят за тем, чтобы я не задерживалась. В этом я не сомневалась.

Как всегда, после двухчасового перелета мы приземлились в аэропорту Алжира. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, как все здесь изменилось. Невероятное количество женщин, носивших никаб, — теперь они одевались как иранские женщины, полностью закрывая лицо куском грубой ткани темного цвета. Мужчины одевались как афганцы: они носили длинные халаты-туники, белые или темные, покрывавшие широкие штаны в тон или контрастного цвета, а темная жилетка завершала наряд истинного мусульманина. Большинство мужчин носили бороды.

Что произошло с этой страной, с тех пор как я ее покинула, то есть вышла замуж? Я едва узнала старшего брата, который приехал меня встречать в своем алжирском одеянии. Когда-то он одевался, следуя последнему писку моды. Я была счастлива, что с ним приехал и наш кузен, вместе с которым я росла. Я протянула ему руку, но тот отказался ее пожать, сказав, что истинный верующий не должен прикасаться к руке женщины, потому что это все равно что поддаться дьявольскому искушению. Если он это сделает, то свернет с пути, начертанного Аллахом.

— Но ты же мне как родной брат! Не вижу, чем я прогневлю Господа!

— Самия, ты искажаешь слова Аллаха! — с обидой в голосе воскликнул старший брат. — Даже живя во

Франции, ты должна помнить нашу религию и не сворачивать с пути, предначертанного для правоверной мусульманки! И одеваться ты должна иначе. Отцу это может не понравиться.

То, что изменился отец, я понимала. Но что произошло с моим старшим братом? Когда-то он выступал за равенство полов, любил развлечения. Как он мог отказаться от радостей, которые дарит нам жизнь? А кузен, которого я знала, сколько себя помнила, отказался дотронуться до моей руки, потому что я являюсь дьявольским искушением? Уму непостижимо! Может быть, не стоило приезжать в Алжир? Я гнала эту мысль. Прежде всего я приехала повидаться со своим горячо любимым сыном.

Очутившись в доме моих родителей, Нора со всех ног побежала вверх по лестнице. Я вспомнила себя в ее возрасте на этой лестнице. Уже несчастную.

Нора бросилась в объятия своего старшего брата. Они были очень рады наконец-то познакомиться. Потом Амир подошел ко мне.

— Здравствуй, Самия, — сказал он.

Слышать, как мой сын называет меня по имени, было обидно.

— Не *Самия,* а *мама.*

— Вот еще, *мама*\ — вмешалась моя мать. — Тебе не кажется, что мама — это та, которая постоянно заботится о ребенке?

— Здравствуй, мама, — сказала я, чтобы не начинать спор при сыне.

— Здравствуй, дочь. Как доехала?

— Девочки были беспокойными. Они не привыкли к путешествиям.

— Ничего странного. Они ведь пошли в мать, — парировала она, явно стараясь подлить масла в огонь. —

Вот когда мы брали Амира в поездку по Италии, он всегда оставался спокойным. Верно, что мальчики более спокойные, более сообразительные и более ответственные, чем девочки.

Ее слова больно ранили меня, но начинать битву было не время. Как-никак, я находилась на вражеской территории, где результат сражения предрешен заранее. К нам вышла моя младшая сестра Амаль. Ей уже исполнилось двенадцать, и я с трудом ее узнала. Зато сразу обратила внимание на отблеск печали в ее глазах. Когда она родилась, я спросила мать, что значит ее имя. Ответ был вполне в ее духе.

— Это значит «надежда». Я назвала ее так в надежде не иметь больше девочек.

Я нежно обняла свою сестру, почувствовав, как она нуждается в этом. Так хотелось узнать, как ей живется! Я сказала, что могу спать в ее комнате, на что она с радостью согласилась.

Настало время поприветствовать отца. Он постарел, осунулся, черты его лица стали более резкими.

— Здравствуй, отец!

— Здравствуй, Самия, — сухо ответил он.

Я села, надеясь на большее внимание. Он как обычно смотрел телевизор.

— Почему ты не уходишь? Тебе надо денег?

— Мне ничего не надо. Просто хочу знать, все ли у тебя в порядке.

— Не беспокойся. Со здоровьем проблем нет. Чем дальше от меня ты с мужем и чем меньше я о вас слышу, тем лучше себя чувствую.

Я не настаивала. Понимание между нами, даже самое призрачное, было невозможно в принципе. Я поднялась, но отец велел мне задержаться.

— Надеюсь, ты совершаешь молитву пять раз в день * и слушаешься мужа!

Я не молилась, но признаться в этом не осмелилась.

— Как хорошая супруга, я слушаюсь мужа и делаю все, что он требует.

— Это хорошо. Сейчас ты в Алжире, дома, и одеваться ты должна соответственно. Пока ты живешь во Франции, я не вмешиваюсь, но здесь отвечаю за тебя перед Богом. Закрывай лицо, когда будешь выходить на улицу.

Я кивнула и поспешила в кухню, боясь, что он опять станет расспрашивать о молитве. В кухне при виде играющего с сестричкой Амира мое сердце согрелось! Я села на свое прежнее место за большим столом, и воспоминания нахлынули на меня.

Здесь, в отчем доме, я прошла через многие испытания, но все-таки не такие жестокие, как те, которые выпали мне с мужем. Жизнь казалась более спокойной и легкой вдали от Абделя. Каким бы ничтожеством ни считали меня родители, здесь я могла спокойно спать до утра.

Унижениям и насилию, которым подвергал меня Абдель, не было предела, а мать твердила, что тем самым он выполняет свои обязанности, и если я умная, то только выиграю, позволив ему это. В чем-то она и была права, но мое тело импульсивно вздрагивало, когда муж прикасался ко мне. Я не любила Абделя, а он требовал заниматься с ним сексом днем и ночью. Я не имела права заснуть первой и проснуться позже него. Я должна была догадываться, когда же мсье захочется заняться любовью, и оставаться в его распоряжении всю ночь

---

* Пятиразовая молитва, посвященная пяти устоям, поддерживающим религиозную жизнь у адептов ислама: символу веры, ритуальной пятиразовой молитве, посту в месяц Рамадан, паломничеству в Мекку хотя бы раз в жизни и ритуальной раздаче милостыни. *(Примеч. авт.)*

напролет. Поступая так, я получала право на титул *послушной жены* и на место в раю. Надо было свыкнуться с мыслью, что, обслуживая мужа и бегая перед ним на задних лапках, я попаду в рай! Но я не хотела бегать на задних лапках ни перед мужем, ни перед родителями, ни перед кем бы то ни было еще.

Мне так хотелось обладать силой воли и волевым характером, но максимум, что я могла сделать в данной ситуации, так это наблюдать. Мне не хватало духу. Я много думала, но мало делала, потому что много делать просто не могла.

Вечером моя сестра рассказала мне о своей несчастной жизни. Впрочем, родители относились к ней терпимее, чем ко мне, о чем я ей сказала. Например, ей позволяли приглашать в дом подруг, тогда как мне это было заказано.

— Даже если ты не согласна с их поступками, надо просто забыть о плохом и сделать вид, что во всем с ними согласна! — говорила моя сестра — более прагматичная, она избежала многих испытаний* выпавших на мою долю.

День пролетел быстро: я пользовалась каждой минутой, проведенной с моим сыном и семьей.

Теперь религиозные обряды исполнялись с особым рвением. По пятницам * отец с моими братьями облачались в белые джелабы и шли молиться. Каждый день, когда наступало время молитвы, отец собирал всю семью. Я присоединялась к родным, стараясь не привлекать внимания. По вечерам он читал нам проповеди, во время которых мужчины сидели впереди, а женщины сзади.

Отец говорил, что Аллах определил каждому свою роль в жизни. Лично я понимала это так: мужчина исполняет роль властелина женщины, а женщина — роль рабыни. Роли распределены Творцом, который решил, что отцы и мужья отвечают за дочерей и жен, часто за многих жен.

* Во многих мусульманских странах пятница считается официальным выходным днем. *(Примеч. пер.)*

Чтобы не надевать никаб, я предпочитала оставаться дома. Пятнадцать дней я не высовывала нос наружу, вела себя как маленькая послушная девочка, какой всегда и была. Сын называл меня Самией, и я принимала это, потому что не могла не принимать. По мнению моей матери, я не имела права решать, как воспитывать моего сына, то есть уже ее сына.

Мой отец — мог ли он повлиять на мужа, чтобы тот позволил мне спокойно спать по ночам? Я не решалась затевать подобный разговор, боясь его реакции. Впрочем, терять было особо нечего, и я осмелилась попробовать.

Отец занимался расчетами. Увидев меня, он отложил карандаш в сторону.

— Чего тебе?

Я ответила, что в моей семье есть проблемы и я хочу попросить его помощи в поисках решения. Он снял очки и велел подойти ближе. Говорила я легко. Рассказав, что происходит между мной и мужем, я смело закончила:

— Я бы хотела, отец, чтобы вы сказали моему мужу больше не бить меня ночью и позволить мне спать.

— Почему он тебя бьет? — серьезно спросил он.

— Чтобы разбудить. Он говорит, что я не должна засыпать раньше, чем будет выполнен мой супружеский долг.

— Да как ты смеешь говорить с отцом о ваших с мужем сексуальных проблемах! Ты опустилась дальше некуда! — И наотмашь ударил меня по лицу. — Можешь на меня не рассчитывать. Если я и вмешаюсь, то только для того, чтобы поощрить его к более решительным действиям относительно твоей дисциплины. Кажется,

я напрасно относился к тебе слишком мягко, — распалялся он, обзывая меня последними словами.

Настало время возвращаться во Францию. Исполненная печали, я выходила из родительского дома, ведя дочерей и таща чемоданы. Я покидала плохой сон ради кошмаров. Но я не могла ни радоваться, ни грустить. Был бы у меня выбор, я бы не выбрала ни то ни другое. Я мечтала об абсолютно другой жизни для меня и моих детей в мире без проблем и угнетения.

Реальность была иной. За время пребывания в семье я четко усвоила одно: чтобы справиться с ситуацией, я должна рассчитывать только на себя. Никто из моих близких меня не поддерживал.

Я часто думала о будущем своих девочек: хотела, чтобы они вышли замуж за мужчин, которых будут любить. Для этого я должна защитить их от дискриминации, которой подвергаются многие мусульманские женщины.

Муж встречал нас в аэропорту. В тот момент мне так хотелось испариться с моими дочерьми навсегда! Взяв Нору за руку, он склонился к моему уху и пробормотал:

— Я так по тебе соскучился, дорогая! Сегодня вечером будет праздник!

Я не скучала ни по чему. И в особенности по нему. Уложив детей спать, я распаковывала чемоданы в нашей комнате, как вдруг увидела по полу возле кровати гигиеническую прокладку. Предъявив доказательство, я обвинила Абделя в измене, а он, не в состоянии отрицать очевидное, приказал мне заткнуться и набросился на меня с обвинениями.

— Ты сама там встречалась с другим мужчиной! Это из-за него ты не хотела возвращаться? Ты там ноги кверху задирала, не так ли? Скажи мне, как вы это делали? У кого из нас член больше? У меня или у него?

Я сникла, а в нем закипала ревность. В таком состоянии он всегда становился агрессивным. Он накручивал себя, а потом взрывался, разрушая все, что его окружало.

— Ты просто извращенная шлюха, потому что встречаешься с другими мужчинами, — изрыгал ругательства он.

— Не разбуди детей, пожалуйста, — умоляла я. — Я никуда не выходила одна. Позвони моим родителям, если хочешь. Умоляю, не бей меня. Можешь делать со мной, что хочешь, но только не бей, ради Бога!

— Мне смешно: шлюха вспоминает о Боге! Хочешь посмотреть, как мужчины поступают с сучками вроде тебя?

И бросил меня на кровать. Раздев донага, он связал мне руки и ноги, а рот заткнул тряпкой. Всю ночь он проделывал со мной разные мерзости, беспрестанно избивая, и пил спиртное бутылку за бутылкой, пока не упал на пол пьяный и не заснул. Я так и лежала связанная — мне было холодно, а тело ныло от побоев. Среди ночи я услыхала плач Мелиссы, но не могла ее успокоить, и малышка, проплакав полчаса, уснула.

Абдель очнулся утром. Увидев меня связанную, он понял, что натворил, и с извинениями отвязал. Не поднимая на него глаз, я залезла под одеяло. Я не хотела ни его, ни той жизни, которой жила. Тогда я часто задавалась вопросом, почему мужчины так жестоки, почему так извращенно относятся к своим женам. Отвечая себе, я обвиняла в этом религию. Сегодня, слава Богу, я смотрю на вещи под другим углом. Со временем я поняла: религия тут ни при чем, просто многие мужчины видят в женах только продолжательницу рода и прислугу.

В то утро Абдель ушел раньше обычного, не сказав ни слова. «Может, осознал, что зашел слишком далеко? Может, это изменит его в лучшую сторону?» Я сомневалась. У его неистовства крепкие корни: он видел, как его отец избивает и унижает его мать.

История повторяется из поколения в поколение. Бедные мы: матери, сестры и дочери. Хорошо хоть в наши дни есть хотя бы надежда. Положение женщины улучшилось, но некоторые мужчины с этим не согласны и сейчас.

Час спустя я поднялась с постели, потому что Мелисса попросила есть. После ночных истязаний у меня возникла острая необходимость с кем-то поделиться. Разговаривать с матерью было бесполезно. Может быть, Амина? Но ее реакция тоже была известна. Она очень переживала за меня и поэтому принялась бы убеждать подать заявление на мужа и убежать с малышками, а я в очередной раз отказалась бы, боясь последствий. Когда я виделась с ней, мне было плохо — я завидовала ее энергии и ее размеренной жизни с любимым человеком, отчего моя жизнь казалась мне еще хуже.

Почему я не имела права на счастье, как все? Зачем звать на помощь? Чтобы в очередной раз мне прочитали мораль, которую я не понимала или, скорее, отказывалась понимать? Я пыталась убедить себя в том, что должна рассчитывать только на себя в поисках выхода. Но я бездействовала. И долгие годы принимала этого мужчину, думая о детях. Я слушала его обидные выпады. Его и своих родственников. Я смирилась с их требованиями. Мне приказывали — я повиновалась. Все вокруг меня зиждилось на одних и тех же принципах, и только я думала иначе. Но изолированный от мира человек не допускает мысли, что окружающие могут

ошибаться. Поэтому мне казалось, что я просто сошла с ума. Или в лучшем случае — имею неправильные суждения.

* * *

Я любила детей, поэтому открыла частный детский садик, которым сама стала заведовать. Ко времени, когда Норе исполнилось четырнадцать, мой садик посещало тридцать детей. Я почувствовала себя полезной и получила возможность общаться со взрослыми, родителями. Учреждение процветало, но все месячные поступления оказывались в карманах моего мужа, а если я протестовала, Абдель свирепел.

Я была убеждена в своем праве. Выполняя работу, я должна получать вознаграждение или хотя бы какую-то часть. Это было бы нормально. Муж же убеждал меня в том, что ему нужны деньги для инвестиций в Алжире. Мой отец был в курсе происходящего, поэтому, отстаивая свою точку зрения, я обратилась к нему.

— Твой муж вкладывает инвестиции в ваше же с ним будущее. Ты хочешь просто держать деньги в карманах только потому, что они твои? Твои деньги — это и его деньги: добропорядочная мусульманка должна отдавать свои деньги мужу, чтобы попасть в рай. Тебе что, так нужны эти деньги? Не хватает тех, которые я тебе посылаю?

— Я заработала эти деньги. Отдавать их Абделю, чтобы он вложил неизвестно во что, я не хочу.

— Но это же для будущего вашей семьи! Пройдет некоторое время, и вы вернетесь в Алжир, потому что ваше будущее тут, а не во Франции. У тебя две дочери, и поверь мне, Франция далеко не идеальная страна для их воспитания. Недавно у меня с твоим мужем и твоей

матерью был долгий разговор. Они отметили, как сильно изменились твои взгляды на мир, с тех пор как ты живешь во Франции. Я не хочу, чтобы эти взгляды пустили-корни в сознании твоих детей. Твой муж начинает крупное дело в Алжире, и как супруга ты должна поддержать его и воспитать девочек как благоверная мусульманка.

Сказать было нечего. В который раз мои родители и муж что-то затевали за моей спиной, не спросив меня. Как сообщить детям об отъезде? Как отреагирует Нора, моя старшая четырнадцатилетняя дочь, на известие о том, что нужно покинуть родину, школу и подружек ради жизни в Алжире, где для женщин нет ни свободы, ни будущего. Если здесь мы находились под неусыпным контролем, то что же ожидает нас там?

В последнее время муж сильно изменился: отпустил бороду и каждый день по пять раз читал молитву, запретил мне выходить одной — всегда возил меня на автомобиле. Он запретил мне носить джинсы, требуя надевать платья ниже колен. При этом продолжал издеваться надо мной, утверждая, что речь идет о послушании перед Богом. Сам он, однако, был не очень послушным, так как продолжал пить. Употребление алкоголя в исламе — один из самых тяжких грехов. Он напивался, а расплачивались мы.

Прошло несколько лет после моей поездки в Алжир, и нравы в стране еще больше ужесточились. Набирал обороты терроризм, отчего все больше местных жителей становилось ретроградами, а отец с братьями стали еще набожнее. Я не хотела, чтобы мои дочери вели такой образ жизни. Я поделилась с мужем своим желанием

остаться во Франции ради дочек, но у него на этот счет было свое мнение: он сказал, что убьет меня, если я откажусь следовать за ним, а сам с детьми убежит, и пожаловался отцу на то, что я потеряла религиозное чувство и уважение к нашим традициям.

Отец немедленно мне позвонил. Он был вне себя.

— Слушай меня, Самия! Если ты не поедешь с мужем в Алжир, я сам отправлюсь во Францию и зарежу тебя, даже если потом придется остаток лет провести в тюрьме. Когда Абдель будет готов, ты должна последовать за ним.

Я откладывала объявление новости детям, потому что боялась их реакции, особенно реакции старшей дочери. Я ненавидела себя за неспособность сопротивляться, неспособность помешать отъезду. А ведь я так хотела быть примером твердости духа для своих дочерей. Я предпочитала врать, чтобы не быть избитой. Узнав о решении отца, Нора разрыдалась и принялась уговаривать меня отпустить отца одного. Она была уверена/что мы сможем жить втроем. Боже, если бы я могла так поступить, я бы сделала это без колебаний, но я не чувствовала в себе сил. Порой я даже проклинала себя за то, что позволяла родителям и мужу растаптывать мои надежды, уничтожать меня и пытаться уничтожить детей.

В Алжире отец приобрел нам дом неподалеку от своего. Делать покупки во Франции было выгоднее, поэтому я решила прикупить кое-что из вещей, в том числе и предметы мебели, и отправить в Алжир. Это заняло много времени. За каждую покупку я расплачивалась своими собственными деньгами, но все равно товары

выписывала на имя мужа. Говорить с моими родителями было бесполезно, их ответ был известен заранее: деньги мусульманки принадлежат ее мужу, если она хочет попасть в рай. Несогласная с этим считается нечистой, и никто из мужчин не возьмет на себя ответственность за нее. Приближающийся отъезд я воспринимала очень болезненно. На что мы втроем могли надеяться, живя рядом с родственниками? На самом деле ни на что. Я просто боялась страданий, не имея сил к сопротивлению. Я покорилась, чтобы обрести покой!

Несколько раз у меня появлялись мысли обратиться за помощью к французским властям, но мой пресловутый страх перед последствиями не позволял этого сделать. Всепоглощающий страх перед родственниками и мужем мешал мне рассуждать здраво. Я никогда не принимала решений самостоятельно и до сих пор не считала себя способной на это. Я по-прежнему оставалась маленькой, контролируемой родителями девочкой.

Нора была очень обеспокоена предстоящим отъездом, она не желала покидать страну, которую по праву считала своей родиной. Она была привязана к подругам и не хотела отказываться ни от привычек, ни от спокойной жизни во Франции. Я ведь не посвящала ее в свои проблемы и делала все для того, чтобы ее жизнь как можно больше походила на жизнь ее сверстниц. По возможности я старалась не говорить мужу о том, что иногда позволяла дочери. Не без последствий для себя, потому что он винил меня в проступках дочерей.

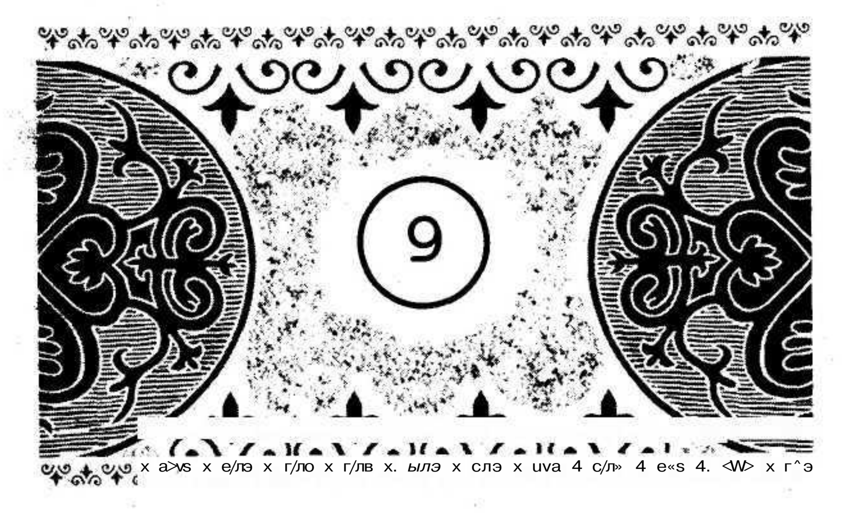
Теперь из школы Нора возвращалась в слезах. Ее подруги умоляли не уезжать, они не понимали, как девочку ее возраста могут принуждать следовать за семьей! Я видела, что Нора похожа на меня: даже если она была не согласна, все равно поступала так, как решили ее родители.

Восьмилетняя Мелисса не придавала большого значения переезду.

— Останемся мы здесь или будем жить там — какая разница. Все будет хорошо, — говорила она с улыбкой. — Мы одна семья, я заведу себе новых друзей. И там мы сможем чаще видеть дедушку и бабушку.

Самые близкие подруги обвиняли меня в том, что я не осознаю опасности терроризма в Алжире середины девяностых. Почему я была так безответственна? Когда я думаю об этом теперь, мне кажется, что террор, царивший в моей жизни, просто не позволял мне видеть того, что свирепствовал в стране.

Возвращение в Алжир

Тринадцатого июля, в пятницу, мы отправились из Франции в Алжир на пароме. Это была моя вторая поездка таким путем. Как и в прошлый раз, мне казалось, что я плыву прямо в ад!

— Пятница, тринадцатое, — повторяла Нора. —Это принесет нам несчастье, мама!

— Ничего с нами не случится, моя хорошая. Мы возвращаемся на землю наших предков, и я сделаю все возможное, чтобы ты была счастлива. Ты сможешь посещать респектабельную школу и жить той жизнью, о которой мечтала.

Я давала ей красивые обещания, не будучи уверена в их исполнении. Я была уверена лишь в одном — любой ценой я буду защищать свободу моих девочек.

Чтобы избежать лишних упреков, я как добропорядочная мусульманка на оставшиеся собственные деньги купила роскошное авто на имя мужа, которое он тут же назвал *машиной своей мечты*. Плавание длилось сутки.

Мы приближались, и от этого становилось страшнее. Дочерям я представляла картинку прекрасной жизни, но...

Я наблюдала, как они играли на палубе, когда со мной заговорила молодая женщина.

— Здравствуйте, меня зовут Амира, я еду в Алжир в отпуск. Кажется, что страна охвачена огнем и залита кровью. Стоимость жизни возросла вдвое. Да пребудет Господь с нашими братьями и сестрами! Надо быть очень смелым, чтобы жить там.

— Здравствуйте, Амира. Я — Самия. Очень скоро я сама узнаю эту жизнь. Если у вас есть время, могу рассказать, как можно в нее попасть.

— Вы останетесь в Алжире? — удивилась женщина.

— Увы, да, Амира! Мой муж решил вернуться, а я следую за ним. Вопреки своему желанию, должна вам признаться.

— Что значит вопреки желанию? В наши дни нас больше не принуждают делать что-то вопреки.

— У меня очень жестокий муж, отец еще хуже. Я живу в страхе. С самого рождения моя жизнь под постоянным контролем.

— Если вас так контролировали во Франции, в Алжире будет в тысячу раз хуже. Пока не поздно, возвращайтесь с дочерьми во Францию. В Алжире можно убить женщину, и никому не будет до этого дела. Во Франции власти придут вам на помощь, но только не в Алжире.

— Знаете, я не осознавала, что все стало настолько опасным. Как я могу быть уверена в безопасности моих девочек? Что теперь делать? Максимум через час мы прибудем. Теперь я начинаю понимать, как глупо было соглашаться на переезд, но чувствую себя такой беспомощной перед ними.

И я расплакалась. Благодаря собеседнице я поняла масштаб своей безответственности. Я следовала «за». Я на-

ходилась в капкане. Я жалела, что ничего не предприняла. Боже, какой же я была наивной и беспомощной перед семьей! Соглашаясь ступить на алжирскую землю, я оказывалась в-ответе за все, что случится с моими детьми!

— Оставьте мне свои координаты. После отпуска я вернусь во Францию и подумаю, что можно сделать для вас и ваших девочек. Меня взволновал ваш рассказ. А пока держитесь. Да поможет вам Бог.

Амира подарила мне крупицу надежды. Если будет совсем плохо, она нам поможет. Я ей оставила координаты моих родителей, потому что своего собственного адреса пока не знала, но обещала послать сразу же, как только он станет мне известен. Она тепло попрощалась со мной, и я поняла: моя история глубоко тронула ее.

Отступать было поздно. Я могла только идти вперед, но осторожно. А тем временем мой муж разыскивал меня повсюду, поскольку с минуты на минуту паром должен был пришвартоваться.

— Можешь походить в этой одежде еще день, — язвительно заметил он. — Скоро ты скажешь «прощай» джинсам и милым коротким платьицам.

Приятное начало! Добро пожаловать в Алжир — землю ислама, терпения и мира!

Я обожаю свою религию — ислам, — потому что это вера смирения, заслуживающая уважения. Я критикую лишь тех, кто по-своему толкует и искажает отдельные части сур Корана, касающиеся женщин. Бедные мы, бедные — мусульманские женщины!

Паром причалил, и можно было выгружать автомобиль. Абдель с гордым и важным видом сел за руль. Сначала мы заехали к моим родителям. Мелисса торопилась по-

скорее увидеть бабушку и старшего брата, а я с Норой шла позади. Отсутствие воодушевления у нас не осталось незамеченным Абделем.

— Чувствуешь себя не в своей тарелке, не так ли? — Проницательности ему было не занимать. — Ты теперь в стране справедливости, в которой действуют истинные исламские законы. Ты должна внимательно следить за своим поведением и особенно манерой говорить. Подвешенный язык может привести к большим проблемам.

Мы с Норой медленно поднимались по лестнице, держась за руки. Я улыбалась, чтобы успокоить ее, а заодно и себя. Она улыбалась в ответ, но я знала — за этой улыбкой скрыта печаль. Увидев нас, мать взяла на себя труд одарить нас дежурной улыбкой. Я приветливо улыбнулась ей и поздоровалась со своим пятнадцатилетним сыном, красивым послушным юношей. Он уже достиг возраста, когда можно было складывать впечатление о человеке. С гордостью показав свою комнату, он пригласил меня присесть. Что-то его волновало.

— Я принял решение, Самия, — решительно заявил он. — Я не пойду с тобой в ваш новый дом. Я хочу остаться с мамой Бардой.

— Слушай, Амир! Я твоя мать, а Барда — моя, то есть твоя бабушка, — в который раз уточнила я.

— Нет, Самия! Моя мать та, которая растила меня с рождения, а не та, которая просто носила меня в животе. Ты мать моих сестер, но я не испытываю к тебе никаких чувств.

Я поняла, что моему сыну промыли мозги. Он верил, что я оставила его на попечение бабушки с самого рождения, а теперь и слышать не хотел моих объяснений. В его глазах я была дискредитирована, и он не верил ни единому моему слову.

— Амир, я никогда не заставлю тебя делать что-то вопреки желанию. Просто знай: у тебя есть свой дом, в этом доме у тебя есть собственная комната, в которой ты всегда будешь чувствовать себя дома. Знай, что я тебя люблю не меньше, чем твоих сестер.

С сожалением я покинула его и вернулась в гостиную. Мать поглядела на меня как инквизитор, но я не собиралась сводить с ней счеты. Я видела, как она поцеловала Амира, после того как он что-то шепнул ей на ухо. Она могла гордиться собой: мать оказалась хорошей воспитательницей, ее ученик правильно усвоил урок послушного сына. В его сердце не было для меня места. Для него я была одной из женщин, не более. Отныне нас связывала только его привязанность к сестрам.

Муж тем временем разговаривал со своим тестем в соседней комнате. Мне не терпелось увидеть дом, в котором я буду жить, хотелось отдохнуть с дороги. Вдруг Абдель позвал меня, сказав, что надо кое-что прояснить. Должно быть, что-то важное, если мне позволили принять участие в беседе, что было исключением. Я ждала наихудшего. Отец выдержал паузу, пристально рассматривая меня, и продолжил:

— Самия, говорю тебе в присутствии твоего мужа, чтобы он слышал, чего именно я требую от тебя. Он должен будет следить, чтобы ты выполняла все требования. Забудь, как ты одевалась раньше. Я хочу, чтобы ты носила хиджаб * начиная с сегодняшнего дня. Твои дочери не должны носить ни броской одежды, ни слишком коротких платьев. Их спины не должны быть голыми. Я хочу, чтобы ты воспитала их согласно нашим обычаям и в уважении к нашим религиозным традициям. Если ты ослушаешься, наш закон позволяет мне и твоему мужу наказать тебя, и никто не станет за тебя заступаться. Вы не во Франции! Если не будешь знать, как поступить, мы рядом, чтобы направить тебя.

* Хиджаб — традиционный исламский широкий головной платок, скрывающий лицо женщины от чужих нескромных взглядов. В широком смысле может означать одежду мусульманки. *(Примеч. авт.)*

Я потеряла дар речи, а отец все говорил, говорил. Я стала узницей в замке без надежды на спасение. В этой стране — в моей стране — девушкам и женщинам не позволялось жить свободно. Абдель отвез нас в новый дом, который находился в зоне повышенного военного присутствия, рядом с кварталами, где свирепствовал терроризм. Дом, построенный в колониальном стиле, был потрясающим. Комфортабельный дом класса люкс, но его стены кричали о том, что теперь я живу в золотой клетке. Я знала, что родственники были настроены против меня. С каждым днем я чувствовала, как ужесточается их отношение: они полагали, что я несознательно ищу дурное, прокладывая себе дорогу в ад. А моего мужа считали набожным человеком, который все делал для того, чтобы я избежала Страшного суда. Мои родные предоставили мужу все полномочия направлять меня на путь истинный, вне зависимости от того, чего я заслуживала и добивалась. Если же мужу не удастся заставить меня, мы отправимся в ад вдвоем. Я — потому что этого заслуживаю, он — потому что не смог помешать мне делать ошибки.

Для Абделя все способы были хороши, чтобы показать мне свою власть. Как-то он проснулся в четыре часа утра и, схватив меня за грудь, вышвырнул из постели. Моя вина заключалась в том, что я уснула, не выполнив супружеский долг. Несколько дней у меня болели бок и грудь. Муж становился все суровее. Каждый вечер он возвращался домой пьяный. Насиловал и избивал меня. Когда

в замочной скважине поворачивался ключ, мне казалось, что голодный волк возвращается в свое логово. Каждый день я просила Бога сделать так, чтобы мужа арестовал патруль или чтобы в него попала шальная пуля. Мое воображение рисовало, как приходят военные и сообщают, что муж убит. Мы ужасно его боялись. Я была на грани нервного срыва: ведь теперь страдали и мои дочери. Больше не удавалось скрывать от них отношение их отца ко мне. Они хотели помочь мне, отчего стали неспокойно спать. По нескольку раз за ночь девочки вставали с постели и прохаживались мимо моей спальни, делая вид, что идут в ванную комнату, расположенную рядом. Услышав звуки ударов или мой плач, они вмешивались, усмиряли отца, насколько это было в их силах.

С каждым днем ситуация становилась все безвыходнее. Я предупредила мать, что моя жизнь находится в опасности.

Как-то раз муж связал меня и заклеил скотчем рот, чтобы я не кричала. Он смотрел на меня с ненавистью, и я решила, что пришел мой последний час.

— Я убью тебя, сука! Твои ублюдки не услышат и не смогут нам помешать. Надеюсь, ты поймешь, что я твой хозяин и здесь распоряжаюсь я!

Он бил меня, пока не обессилел.

— Ты усвоила урок? — спросил он как строгий ментор и грубо сорвал скотч с моих губ.

— Я усвоила все, развяжи меня, пожалуйста. Мне нужно в туалет.

Развязав меня, он последовал за мной. Когда я свернула к комнате девочек, он схватил меня за волосы и резко притянул к себе, но я успела ударить ногой по двери

детской. Разбуженные шумом дочери бросились на отца и повалили на пол, а затем схватили меня за руку, затащили в комнату и закрыли дверь на ключ.

— Откройте, ублюдки! — кричал их отец. — Вы трое, вы совершаете самую грубую ошибку в своей жизни: вы отправитесь в ад! Я помогу вам побыстрее туда попасть. Я оболью дом бензином и подожгу. Вы все сгорите! Я умываю руки перед Богом и людьми. Я не хочу нести ответственности. Порожденье дьявола к нему и отправится!

— Нора, позволь я выйду. Он может исполнить угрозу. Я боюсь за вас!

— Нет, мама. Ты останешься здесь. Ничего он не сделает. Это только сотрясающие воздух слова. Ты не одна, мы вместе, и у него нет права нападать на нас, иначе он ответит. Кстати, в округе полно военных, которые придут нам на помощь. Если бы ты была одна, он мог бы оклеветать тебя, сказать, что ты обесчестила его, но, к счастью, есть мы — свидетели. Никто не покинет этой комнаты.

Я гордилась своей дочерью. Она была такой смелой. Я была счастлива ошибиться: ведь я считала ее своей копией, склонной всегда уступать, и вдруг открыла в ней сильную женщину, способную преодолеть страх и противостоять произволу отца, способную на то, чего я никогда не решилась бы сделать.

Ночь прошла. Абдель так и не привел свою угрозу в исполнение — Нора оказалась права. Утром она осторожно вышла, чтобы убедиться, что отца нет. Путь был свободен, мы могли выходить.

На тот момент мои родители отправились путешествовать, и я рассказала о происшедшем своему старшему брату. Он отказал мне в помощи, уверенно заявив, что я сама во всем виновата — довела мужа до белого каления.

Что можно было сделать? Я боялась возвращения Абделя. Я не хотела, чтобы он снова появлялся в доме, я не хотела его видеть. Мои дочери были со мной заодно. Взвесив все «за» и «против», я решила просить защиты у полиции и, надев хиджаб, отправилась с дочерьми в ближайший комиссариат.

— Я хочу подать жалобу, — робко проговорила я полицейскому.

Не уверенная, что поступаю правильно, я должна была попытаться — в опасности были наши жизни.

— Еще одна, — насмешливо воскликнул он. — И что вам сделал ваш муж? Избил?

— Избил и изнасиловал. И еще грозился сжечь нас живьем.

— Госпожа, это только угрозы, слова, чтобы вас напугать. Это ерунда по сравнению с теми проблемами, которые обрушились на нашу страну. Если мы станем арестовывать мужей, которые бьют жен, все алжирские мужчины окажутся в тюрьме.

Он смотрел на меня с насмешкой;

— Я не думаю, что *все* мужья избивают своих жен. Я пришла к вам, потому что верю: вы защитите меня, потому что наша жизнь в опасности.

— Вы полагаете, что ваш муж террорист? — спросил полицейский более серьезно на этот раз.

— Он интегрист *, но вряд ли он замешан в терроризме.

— В таком случае, госпожа, вопрос исчерпан! Возвращайтесь домой и улаживайте супружеские недоразумения самостоятельно. Один маленький совет: в следующий раз, когда будете надевать хиджаб, надевайте правильно, так, чтобы волосы не выглядывали. Носите его достойно либо не носите вообще.

Я не привыкла носить хиджаб, поэтому он соскользнул, открыв волосы. Поправив его, я спросила:

— Значит, сначала вы подождете, когда меня убьют, и только тогда вмешаетесь?

— Когда вас убьют, пусть одна из ваших дочерей нас вызовет, — надменно ответил полицейский, и я еще раз убедилась, что ничего другого от него ждать не стоит.

Слабый лучик надежды погас. В очередной раз я почувствовала себя приговоренной. Идя по улице, я замечала, насколько все изменилось! Прохожие, догадываясь, что мы не местные, что мы эмигранты, чуждые им по мировоззрению, беспардонно глазели на нас.

Нам на пути повстречались два бородача в афганских одеждах, которые громко переговаривались, и я, расслышав слова: *французы, эмигранты...* чувствовала себя во все большей опасности.

Конечно, еще оставались люди, которые одевались на западный манер, но и они волей-неволей должны были приспосабливаться к мировоззрению соотечественников, одевавшихся иначе.

Мы ускорили шаг. Дома первым делом я избавилась от вуали, и теперь нам предстояло решить, как быть дальше.

— А если нам просто уехать из страны, как думаешь? — предложила Нора. — Я не хочу больше здесь оставаться.

— Хорошая мысль, но как это сделать?

— Возьмем с собой минимум вещей, только самое необходимое. Чтобы передвигаться быстро. У нас есть

* Интегрист — сторонник интегризма, т. е. безоговорочного, буквального соблюдения всех догматов учения; часто употребляется как синоним фундаментализма. *(Примеч. пер.)*

паспорта и деньги на дорогу. И прощай Алжир. Решайся, мама. Это самый лучший выход.

— Хорошо. Как бы там ни было» можем попробовать. Я закажу билеты на первый утренний рейс до Парижа по телефону.

— А если он опять начнет вечером, мама? — спросила Мелисса. — Если он подожжет нас, когда мы будем спать? Мне страшно!

— Не бойся, детка. Я буду с ним предупредительна и сделаю все, что он захочет. А завтра, когда он пойдет на работу, мы закончим приготовления и улетим.

Дочери исполнились решимости оставить все и как можно скорее уехать. Теперь меня тоже занимала лишь одна мысль — мысль о свободе. Ради нее я чувствовала себя готовой рискнуть жизнью. Я заказала билеты на одиннадцатичасовой рейс, и наш план обрел более конкретные черты. Целый день мы ждали возвращения Абделя с замиранием сердца. Он пришел как завоеватель. Его красные воспаленные глаза внушали страх. Ему нравилось производить на нас впечатление: это была его манера демонстрировать нам свою власть.

— Самия, зайди в комнату: нам надо поговорить. Вы, девочки, подождите. У меня есть важное дело к вашей матери.

Тон Абделя не допускал возражений. Да и возражений у меня не было. Я молча молилась.

— Послушай меня, — торжественно начал Абдель, — ты должна пойти к нотариусу и переписать дом на мое имя. Я не знаю ни одного мужчины, который жил бы у своей жены. Какой же я мужчина, если так долго мирился с подобным порядком вещей!

Абдель давал отличный повод для отсрочки до следующего дня. В первый раз за нашу совместную жизнь он

хоть в чем-то зависел от меня. Довольно мягко он просил отдать ему мой дом, чтобы господин чувствовал себя в нем полноправным хозяином, как другие мужчины. Я с облегчением вздохнула.

— Я не говорю «нет», но предпочла бы подождать возвращения моих родителей, чтобы попросить у них разрешения. Вспомни, дом мне подарил мой отец.

— Ты права. Подождем, когда они вернутся. Но ты действительно согласна с моей идеей?

— Да, согласна. Ведь всякая женщина принадлежит мужчине, — ответила я как можно смиреннее, неожиданно открыв в себе способности к актерской игре.

Мой ответ его удивил и обрадовал одновременно, ведь я полностью разделила его мнение.

— Ты права, — сказал он, удовлетворенно кивая головой, — все, что твое — мое. В глубине души ты все-таки хорошая супруга, и я больше не жалею, что на тебе женился.

Он вышел, а я присоединилась к дочерям, которым не терпелось узнать, как все прошло. Я рассказала о намерениях Абделя касательно дома. Нора возмутилась, что отец, вместо того чтобы извиниться за вчерашнее поведение, думает о материальных благах.

— Давайте лучше осуществлять наш план. Собирайте вещи, но только необходимое: спальные и туалетные принадлежности.

— Я бы хотела взять своего медвежонка Балу, — с мольбой в голосе проговорила Мелисса.

Мне стало грустно: я вспомнила, как мать вырвала у меня из рук Лапулю.

— Конечно, дорогая. Балу обязательно поедет с нами.

Услышав, как к кухне подходит муж, я жестом попросила девочек молчать и сменила тему разговора.

— Завтра начинаются занятия. Надеюсь, вы с удовольствием пойдете в школу в вашей новой стране? Как и во Франции, вы будете готовиться к будущему. Вы научитесь любить Бога, научитесь хорошим манерам, которые должны иметь все хорошие девочки.

— Я хочу завтра гордиться вами! — входя, добавил муж. — Я хочу, чтобы, показывая на вас, люди говорили: «Эти хорошо воспитанные девочки — дочери господина Абделя Адиба».

Моим детям повторяли те же слова, которые в свое время говорили мне. Как ужасно слышать то же самое, только в другую эпоху и адресованное моим дочерям! Нет, я не хотела, чтобы все повторилось снова! Мы должны бежать! Я хочу покинуть эту угрюмую страну вместе с детьми. К чертям семейную честь, страх мужа и отца! К чертям эту страну! Больше я ничего не боюсь!

. С надеждой в сердце мы разошлись по комнатам, чтобы выспаться. Мой муж был так удовлетворен перспективой получить дом, что не приставал ко мне ночью.

Утром Нора разбудила меня.

— Мама, вставай. Он уехал.

Улыбка играла на ее губах. Придя на кухню, я увидела, что завтрак накрыт. Приятный сюрприз.

— Спасибо, девочки! Это чтобы отпраздновать нашу победу?

— Нет, наша победа еще впереди. Если будет угодно Господу.

— Ты права, праздновать преждевременно, Нора. Попросим у Господа помощи в нашем деле.

После завтрака мы собрали все вещи в один рюкзак и поехали в аэропорт на такси. Когда подошла наша очередь на таможенном досмотре, чиновник спросил нас устало:

— Мадам, покажите документы, пожалуйста.

Пролистав паспорта, он внимательно посмотрел на меня, так что я едва не упала в обморок.

— Мадам, покажите подписанное отцом девочек разрешение на выезд из страны..

— У меня его нет. Их отец сейчас во Франции. Наш отпуск закончился, поэтому мы возвращаемся к нему.

— Вам обязательно нужно иметь разрешение на выезд, подписанное отцом детей. Если он не в стране, вы можете связаться с ним через посольство.

Это был провал! Мелисса заплакала и прижалась к моей груди.

— Не плачь, Мелисса, — успокаивала ее Нора, — это нам не поможет. Теперь надо искать другой выход.

Мелисса расплакалась еще сильнее. Ничто не могло успокоить ее. Нора обняла сестру, а я лихорадочно соображала. Какой-то служащий таможни обратил на нас внимание и, скромно став рядом и не глядя на меня, тихо сказал:

— Вот мой номер телефона, мадам. Думаю, я могу вам помочь. Позвоните мне. Сейчас не говорите ничего. Не надо, чтобы нас заметили. Завтра жду вашего звонка.

И удалился. Не медля более ни минуты, мы вернулись домой. Никто так и не узнал, что мы едва не уехали. Вещи были разобраны, следы неудавшегося побега уничтожены. Кроме номера телефона. Звонком постороннему мужчине я рисковала испортить свою репутацию. Как же поступить? Бесполезно сейчас ломать голову, надо было подождать, чтобы знать больше. Мой муж вернулся домой в дурном расположении духа — настроение этого человека всегда было непредсказуемо и могло меняться каждую минуту, я никогда не знала, чего от него ожидать в тот или иной момент.

— Меня сегодня чуть не подстрелили, — заявил он расстроенно.

— Что случилось?

— Я ехал по дороге, как вдруг увидел патруль. Хотел остановиться, но в последнюю минуту понял, что это не солдаты, а террористы. Я проскочил на полной скорости, а они стреляли по машине, но не попали. Я ушел. Да... здесь в самом деле стало очень опасно.

— Так давай вернемся во Францию.

— Значит, вы хотите вернуться во Францию, вот как! Получить свободу и жить как француженки, забыв свою религию и корни. Даже и не думайте! Мы останемся здесь навсегда! В любом случае убийц скоро поймают, религия победит терроризм, а мы мирно заживем в своей стране по исламским законам.

Ну что ж, мой муж решил остаться в Алжире! Тем хуже для него. Я с дочерьми приняла другое решение и была готова на все, чтобы бороться за свою свободу.

Ложась в постель, Абдель еще раз спросил меня, попрежнему ли я согласна отдать ему дом. Я напомнила, что мы должны дождаться возвращения родителей, потом уступила всем его прихотям, потому что не хотела, чтобы таможенник увидел синяки на моем теле, и думала только о предстоящем телефонном разговоре.

Как только муж ушел, я сразу позвонила тому человеку.

— Здравствуйте! Вы помните меня? — спросила я.

— Конечно. Вам нужна помощи чтобы покинуть страну?

— Разумеется. Любой ценой!

— Тогда мы договоримся. За двадцать тысяч французских франков я смогу вам добыть разрешение, которое поможет вам уехать.

— Хорошо. Где и во сколько?

— Сегодня, если возможно. Деньги принесете в кафе на углу площади Одэн. Сможете быть там в два часа дня?

— Время меня устраивает. Когда я получу бумаги?

— Я передам деньги знакомому комиссару полиции, который подготовит документ. Он будет у вас через два дня.

— Спасибо, господин. Я буду в кафе к двум часам.

Я сообщила дочерям, куда направляюсь, и попросила их отправиться со мной. Встречаться одной с незнакомцем в кафе было рискованно: моя жизнь подвергалась опасности.

В указанное время, надев вуаль (это был тот случай, когда это было необходимо), я вызвала такси. Таможенник ждал меня за столиком, дымя сигаретой.

— Сразу к делу. Я должна быть уверена, что разрешение, которое вы мне сделаете, действительно отвечает всем требованиям. Я хочу гарантий, что мы сможем покинуть страну.

— Не беспокойтесь. Я не в первый раз занимаюсь этим. Мне нужны имена, даты рождения ваших детей, данные их отца, и через два дня все будет готово.

Я сообщила все, что требовалось, и мы договорились созвониться в понедельник, чтобы условиться о месте встречи, где он передаст мне фальшивый документ.

— Я доверяю вам. В любом случае выбора у меня нет. Вы моя последняя надежда.

Я дала ему двадцать тысяч франков, что составляло около пяти тысяч канадских долларов *. Я отдавала ему большую часть денег, которые хотела увезти во Фран-

---

* В середине 90-х около 3500 долларов США. *(Примеч. пер.)*

цию. Но, даже если у меня останется мало средств, я не собиралась отступать, ведь для меня свобода цены не имела. Я заберу с собой все драгоценности, чтобы выжить.

Исполненные надежды, мы вернулись домой. Однако я напомнила дочерям, что радоваться еще рано. Мои родители как раз вернулись домой, и Абдель счел необходимым сразу же отправить меня поговорить с ними о дарственной на дом. Я не могла откладывать, чтобы не вызвать либо подозрения, либо гнева. Родители ждали меня на следующий день. Каждый раз, надевая хиджаб, я чувствовала, что мне не хватает воздуха. Похожее чувство я испытывала, находясь рядом с матерью: у нее был дар душить людей. Я имею в виду — морально. Она всегда находила такие слова, от которых сжималось сердце.

— Как дела у твоей семейки? — иронически поинтересовалась она. — О каких еще несчастьях ты пришла рассказать, чтобы тебя пожалели?

— Ни, о каких. Абдель послал меня спросить о моем доме.

— Твоем доме или вашем? — уточнила она, не давая мне объяснить.

— В том-то и дело. Это и есть причина моего визита. Он хочет, чтобы я переписала дом на его имя. Сделала ему дарственную.

-- Зачем это? Ты ему причинила какое-то зло? Он что, чувствует себя гостем в этом доме? Если это так, отец не очень-то обрадуется, узнав об этом.

— Я не делала ничего плохого, мама. Просто три дня назад он попросил переписать дом на его имя. И каждый день об этом напоминает. Я сказала, что спрошу у вас. Что ты думаешь?

— Скажи ему, что дом и так принадлежит вам обоим и кусок бумаги здесь ничего не изменит. Ты должна вести хозяйство так, чтобы Абдель чувствовал себя полноправным хозяином, — если нет, отец будет суров с тобой.

— Я бы предпочла, чтобы вы сами об этом сказали вашему зятю. Если это скажу я, он разнервничается и потеряет контроль над собой.

— Прекрати свою истерику! Абдель хороший муж и отец. Он хорошо относится к дочерям и никогда тебя не упрекал за то, что ты родила ему двух дочерей, как мог бы на его месте поступить любой другой. Научись ценить свое счастье и живи с ним. Ты просто не способна оценить то, что дарит'тебе Господь. Успокой своего мужа! Скажи ему, что все твое — его и все, что его — его. Хорошая, добропорядочная мусульманка не имеет ничего, когда сама принадлежит мужу.

Что осталось нам, мусульманкам? Ничего! Кроме глаз, чтобы плакать!

Я вернулась домой в замешательстве, не зная, как повторить все это супругу. Сняла ужасную вуаль, под которой в сорокапятиградусную жару просто задыхалась. Как поведет себя Абдель? Я боялась его, потому что знала, на что он способен. Скрежет ключа возвестил о возвращении мужа: момент истины близился!

— Самия, я хочу с тобой поговорить тет-а-тет, без твоих соглядатаев, — приказал он вместо приветствия и втолкнул меня в комнату.

Я поняла: что-то произошло, и забилась в угол, как маленькая перепуганная девочка.

— Я знаю, что твои родители не одобрили мою просьбу отдать мне дом. Они думают, что все эти годы я терплю тебя только за красивые глаза? Слушай меня, грязная

шлюха! Если ты оставишь дом себе, я с тобой разведусь. Я брошу тебя к порогу твоих родителей, и ты будешь как годая в пустыне. Думай и делай выбор! Или ты отдаешь мне дом и я остаюсь с тобой, или слушаешься их, и тогда мразь вернется к мрази.

-Услышав это, я вспыхнула и вскочила на ноги. Кровь прилила к лицу. Впервые я почувствовала храбрость и способность свернуть горы! Я могла противостоять мужу!

— Я не мразь! И мои родители никогда не были мразью! — заявила я, глядя прямо ему в глаза. — Хочешь уйти — скатертью дорога! Лучшего и не придумать, чем развод с тобой.

Его глаза налились кровью, и он ударил меня так сильно, что я не удержалась на ногах, а потом схватил за шею и принялся душить. Я отбивалась, безуспешно пытаясь позвать на помощь. Задыхаясь, я чувствовала, что силы покидают меня. Вдруг в комнату ворвалась Нора и бросилась на отца, стараясь оттащить его, но ей это не удалось. Тогда она побежала в кухню и вернулась с большим ножом в руках.

— Вставай или я убью тебя! — потребовала она сквозь слезы.

Хватка на моей шее ослабла, и я закашлялась. Трудно было восстановить дыхание; двигаться сил не было.

— Послушай меня в последний раз, — произнес он голосом, исполненным злобы, — я не в силах больше тебя контролировать. А твоих девок тем более. Ты дочь сатаны, и мой долг бросить тебя. Но сначала я должен очиститься от скверны! Все эти годы ты заставляла меня верить в то, что я прихожусь отцом твоим двум ублюдкам. Я снимаю с себя всякую ответственность за них и трижды отрекаюсь от тебя. Я отрекаюсь от тебя, я отрекаюсь от тебя, я отрекаюсь от тебя! С этого момента ты мне больше не жена. Ты мне больше не принадлежишь. А если хочешь получить официальный развод, твои родители должны выплатить мне компенсацию за все испорченные годы, проведенные с тобой.

В странах ислама, когда муж хочет избавиться от жены, ему стоит лишь три раза произнести «отрекаюсь». С этого момента она считается разведенной и он не несет за нее ответственности.

В считанные минуты Абдель собрал в большой рюкзак одежду, личные вещи, деньги, драгоценности, словом, все, что было ценного в доме. С порога он посмотрел на Нору в последний раз и зло прошипел:

— Ты и твоя сестра больше не дочери мне. Вы — ублюдки!

Он уже выходил из дому, когда Нора крикнула ему вслед:

— Я рада быть байстрючкой! Только бы не твоей дочерью! Уверена, Мелисса согласна со мной! — И разрыдалась от переполнявшей ее ненависти.

Он вышел. Я горячо надеялась, что никогда больше его не увижу.

Нора успокоила меня и помогла прийти в себя. Куда девалась моя храбрость? Теперь мне стало стыдно. В нашей стране жена, проклятая мужем, — конченая женщина. Она больше ничья, ее словно не существует.

Немного отдышавшись, я позвонила родителям и сообщила о происшедшем. Они поспешили ко мне. Отец выглядел огорченным и злым на меня. Он приказал

детям выйти, потому что не хотел, чтобы они слышали наш разговор.

— Такого явления, как развод, для Шариффов не существует, — заявил он. — Не позорь мои седины своими ошибками. Я не желаю, чтобы ты позорила род! Ты найдешь Абделя и попросишь его вернуться. Отдашь ему дом, если понадобится. Я хочу, чтобы он принял вас всех.

— Он сказал, что мы мразь, и вы с мамой тоже. Я не хочу отдавать ему дом. Рано или поздно он все равно нас бросит, потому что не любит и считает своих детей ублюдками.

— Нет дыма без огня! — прервал меня отец.— Может, он знает вещи, о которых мы не догадываемся! Если это так, мы зарежем тебя, и пусть воздух очистится твоей кровью. Куда пошел Абдель?

— Не знаю, отец. Может, к родителям?

— Я сам позвоню ему и все улажу. Будь уверена, ты проведешь свою жизнь с этим человеком в горе или в радости.

Снова на кону стояла честь рода Шариффов! Вернее, честь господина Шариффа. Но впервые я не собиралась уступать этому решению. Я не хотела позволять им решать за меня. Я знала: задача будет нелегкой, риск высоким, но я была готова. Однако мне следовало скрыть свои намерения от родителей. И снова их отношение ранило и разочаровывало меня.

Я поделилась мыслями с дочерьми.

— Я полностью с тобой согласна, — сказала Нора, — тем более что завтра у тебя будет разрешение. Мы сможем покинуть эту страну и наших родственников. Все останется в прошлом, как давно забытый кошмар.

— Всем сердцем на это надеюсь.

С нетерпением я ждала следующего дня. Время подгоняло. Мы должны были уехать до того, как мой муж согласится вернуться. Я не желала больше его видеть. Я хотела стать свободной. Свободной от унижений, которые сносила целых семнадцать лет. Больше я не могла.

На следующий день начинались занятия в школе. Тем лучше для девочек. Школа развеет их страхи, а они займутся тем, чем свойственно заниматься детям в их возрасте. В первом часу я позвонила таможеннику, но он не ответил. После нескольких попыток я наконец услышала, как на том конце провода подняли трубку.

— Здравствуйте, мадам, как дела? — спросил равнодушный голос.

— Будут лучше, когда у меня окажется разрешение.

— Дело в том, что я не смог его получить. Мой человек в комиссариате не хочет рисковать за двадцать тысяч франков. Он требует больше.

— Как больше?! Вы сами назвали цену! Я не хочу вам платить больше. Мой муж забрал все деньги и ушел из дома.

— Попросите у вашего отца. Он богат.

— Не могу. Мы в ссоре. Если я попрошу у него денег, он догадается о моих планах.

— Я вам еще раз повторяю: хотите получить разрешение — доплатите!

— Я вам уже дала двадцать тысяч франков! Мы должны покинуть страну как можно скорее. Пожалуйста, помогите нам!

— Комиссар хочет больше, мадам. Найдите деньги, и вы получите ваш документ через два дня, — снова пообещал он.

— Тогда верните мне мои деньги. Они мне понадобятся.

— Смеетесь, мадам? Я вам ничего не должен. Эти деньги — компенсация за беспокойство комиссара.

— За беспокойство комиссара! Он ничего не сделал! Мне нужны мои деньги. Если нет...

— То что? Вы мне угрожаете? Я сам могу вас выдать, — парировал он. — Если вы что-нибудь предпримете против меня, я сообщу вашему отцу и мужу о вашем намерении бежать.

Он дал отбой. Какой наивной я была! Дать такие деньги без всякой гарантии! Какую глупость я совершила! Я осталась без средств к существованию. Бежать было не на что. Кроме того, вернется мой муж, и все начнется сначала. В это время позвонил отец.

— Какой стыд! — выпалил он вместо приветствия. — Твой муж поставил меня перед неприемлемым выбором. Чтобы вернуться, он просит десять миллионов алжирских динаров *. Если я откажусь, он заберет детей себе, а ты будешь жить со мной. Я в тупике, потому что не хочу, чтобы ты возвращалась ко мне. В то же время я не хочу ему платить. Поговори с ним сама, если, конечно, хочешь жить с дочерьми. О том, чтобы я дал ему денег, и речи быть не может. Ищи другое решение.

Он бросил трубку, не дожидаясь ответа. Я оказалась перед неразрешимым выбором: не хотела, чтобы он возвращался, но и не хотела расставаться с дочерьми. Как решить эту головоломку? Денег, чтобы уехать из страны, у меня больше не было. Девочки сейчас придут

* Около 140 тысяч долларов США. *(Примеч. пер.)*

из школы, наверное, думая, что к их приходу у меня уже будет разрешение. Но реальность так жестока, намного хуже, чем они рассчитывали. Я была очень расстроена, когда девочки пришли из школы, и Нора сразу это заметила. Рассказав им обо всех свалившихся на нас неприятностях, добавила:

— Я никогда с вами не расстанусь. Лучше умереть!

— Мы тоже хотим остаться с тобой. Не сдавайся, мама; Это твоя жизнь, — подбодрила меня Нора.

— Я готова бороться.

Эти слова придали мне храбрости, необходимой, чтобы противостоять трудностям.

— Я не хочу, чтобы мне навязывали свою волю, за что я буду расплачиваться всю жизнь! Я хочу развестись и спокойно жить с вами без чьего-либо давления и контроля. Я не позволю раздавить себя. Мне больше тридцати лет, и я уже достаточно взрослая, чтобы ни перед кем не отчитываться.

— Ты можешь всегда рассчитывать на нас. Правда, Мелисса?

— Конечно, — подтвердила младшая дочь. — Я боюсь, что с тобой что-то случится и нас заставят жить с отцом.

— Я буду очень осторожна, дорогая! Никто нас не разлучит.

Мы пошли спать. Я пыталась заснуть, но одна мысль не покидала меня: способен ли мой отец отдать моих дочерей зятю?

Следующим вечером отец по телефону сообщил об изменении ситуации. Абдель по-прежнему требовал десять миллионов динаров за свое возвращение, а в случае отказа теперь не хотел забирать дочерей, поскольку не верил в свое отцовство.

— Что мне теперь делать с вами тремя?! — кричал отец. — Я не позволю вам жить со мной до конца моих дней! Лучше уж заплатить.

— Мы не станем для тебя обузой! — заверила я. — Я сама буду заниматься дочерьми и никогда не запятнаю твоей репутации. Ты никогда не пожалеешь, поверь мне.

— Никогда! Ни за что! Что подумают люди, узнав, что моя дочь одна воспитывает детей? Что я не следую канонам нашей почитаемой веры? Лучше убить вас троих, чем пережить такой позор!

— Я уважаю вас, отец, но послушайте меня: даже если вы дадите Абделю деньги, которые он требует, жить с ним я не буду. Отец, не забывайте, что он три раза от меня отрекся. По исламским законам я больше не жена ему!

— Так вот как ты теперь отвечаешь! Мадам решает сама! — не без доли сарказма сказал отец. — А что думают о твоем решении дети?

— Дочери хотят остаться со мной. С отцом они несчастны.

— Хорошо, — сказал отец, закрывая спор, — больше я не хочу тратить свое время на тебя и твоих детей. Я не могу содержать вас до конца своих дней! Не для того я выдал тебя в шестнадцать лет замуж, чтобы снова забрать через семнадцать. Я не должен тебя воспитывать. И твоих дочерей тем более. Вы больше не входите в круг моих обязанностей. Я слишком стар, чтобы начинать все сначала.

— Не хочу быть для вас обузой, но Абдель трижды отрекся от меня, перед тем как уйти. Перед Всевышним я больше ему не жена. Я сама в состоянии достойно воспитать дочерей так, чтобы вы ими гордились! Позвольте нам жить возле вас. Я могу работать, если понадобится.

Я слышала, как голос отца становится все более напряженным.

— Никому не рассказывай, что от тебя отреклись. Повторяю: в роду Шариффов не разводятся. Мы с твоей матерью отправляемся в Испанию. За время нашего отсутствия ты должна уладить проблему со своим мужем. К нашему возвращению все должно быть как прежде. Это все, что я могу тебе сказать.

Он закончил разговор. Я не смогла убедить отца, но сумела отстоять свою точку зрения и гордилась собой. Его слова больше не имели надо мной прежней силы. Я начала самоутверждаться перед семьей, твердо решив покинуть свою тюрьму, в которой находилась с рождения. Надо было испробовать все средства, чтобы уехать из страны вместе с дочерьми. Я хотела, чтобы они жили как свободные женщины, свободные от страха и насилия.

Мои родители едут в Испанию. До их возвращения у меня было время, чтобы найти выход.

* * *

В то время в Алжире одинокая женщина с двумя молоденькими девочками без сопровождения мужчины вызывала интерес и желание показывать на нее пальцем.

— Вот она! Вот она! — бормотали, видя нас на улице.

Напряжение возрастало.

— Двери по-прежнему открыты? — спросил меня незнакомый молодой человек, явно решивший покрасоваться перед своим приятелем.

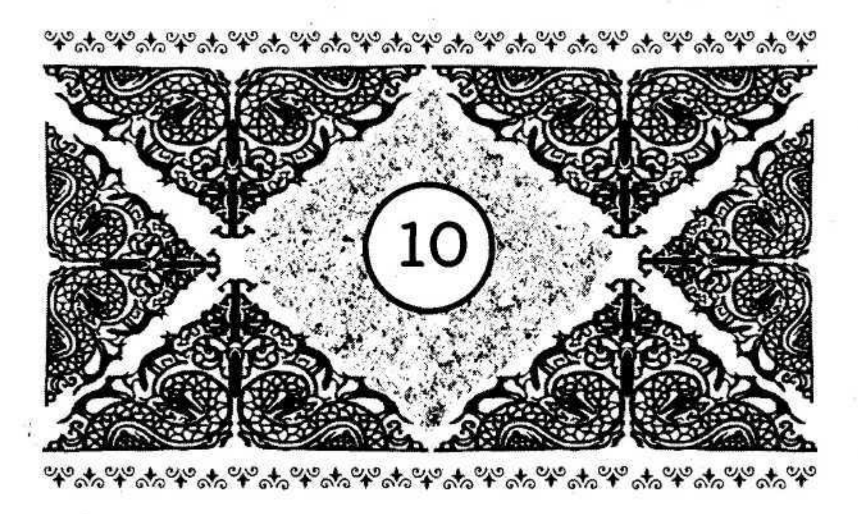
— Не понимаю. В каком смысле? — спросила я с любопытством.

— В то смысле, что проход открыт. Я могу зайти к тебе в гости, и никто не набросится на меня[1], защищая свою честь.

— Предупреждаю: по соседству живут четверо моих братьев, и не советую тебе приближаться ни ко мне, ни к моим детям.

Я знала, что он не единственный, кто рассуждает подобным образом. В Алжире женщину, живущую без мужчины, не воспринимают. Быть одинокой значит быть доступной. На такую всегда будут показывать пальцем. Значит, теперь, выходя из дому, мы должны быть очень осмотрительны. К тому же город кишел террористами, которые охотились за красивыми целомудренными девочками. Я запретила Норе и Мелиссе выходить из дому одним, потому что каждый день на улицах Алжира похищали девушек. Одной, без защиты, девушке на улице находиться было опасно.

Встреча

Как-то после обеда, когда я вместе с дочерьми пошла за покупками, к нам подошел молодой военный.

— Вы местные? — спросил он.

— Нет, мы из Франции, — ответила я.

— Здесь неспокойно. Вам лучше обойти это место по другой улице, — предупредил он. — Так будет безопаснее для вас и ваших сестер.

Мы рассмеялись, чем сильно озадачили его.

— Ничего смешного. Это ради безопасности, — настаивал он.

— Вы не поняли. Вы развеселили нас тем, что приняли моих дочек за сестер.

Он очаровательно улыбнулся.

— Тогда прошу прощения. Но вы так молодо выглядите. Слишком молодо, чтобы быть матерью таких взрослых девушек.

Мы хотели идти дальше, но он снова задержал нас.

— Можно мне угостить вас кофе?

Теперь он озадачил меня.

— Я не могу. Если меня увидят в вашем обществе, пойдут слухи. Мои родные живут в этом квартале.

— Понимаю. Тогда давайте я оставлю вам номер своего телефона, а вы мне позвоните, если захотите. И никто не узнает о наших отношениях. Что скажете?

Краем глаза я взглянула на девочек. Нора улыбалась, показывая жестом, чтобы я соглашалась.

— Хорошо, только быстрее.

Офицер протянул мне визитку и, улыбнувшись, пожелал счастливого пути. Удаляясь, он несколько раз оглянулся. У него была приятная улыбка. Звали его Хусейн. Вечером я позвонила ему, и мы проболтали до рассвета. Спать совсем не хотелось, а разговаривать с ним было одно удовольствие. Перед тем как проститься, мы договорились созвониться следующим вечером. Перебирая в памяти сказанное, я вспоминала его улыбку и думала, какой будет наша следующая встреча.

Хусейн был стройным, хорошо сложенным молодым мужчиной. Он сразу заинтересовал меня. Мне понравилось его лицо, его многозначительный приятный взгляд с озорными искорками, появлявшимися всякий раз, когда он улыбался, его густые с рыжинкой усы. Подобное я чувствовала впервые и, может быть, поэтому не понимала толком природу этого влечения. Может, это было следствием юношеских воспоминаний о том военном в окне напротив, а может, просто потому, что Хусейн не был похож на Абделя. Так или иначе, но я летала в облаках.

Приготовив завтрак, Нора пришла ко мне. Я лежала с закрытыми глазами, когда почувствовала, как она коснулась меня рукой.

— Вижу, ты долго вчера говорила по телефону, — предположила она насмешливо.

— Не стоит разговаривать с матерью подобным тоном, — улыбаясь, ответила я.

— Он тебе нравится?

— А как ты думаешь?

— Думаю, он симпатичный. Ну ладно, хватит говорить о нем. Давай, поднимайся с постели.

Я размышляла, стоит ли продолжать отношения. Что со мной будет, если об этом узнает моя семья? Ведь официально я оставалась замужней женщиной. Но даже страх перед отцом не мог вынудить меня отказаться от приятного общения с молодым человеком. Для меня он стал идеальным мужчиной. Вечером во время очередного телефонного разговора он назначил мне свидание, предупредительно выбрав место за несколько километров от моего квартала. Нора и Мелисса радовались за меня и охотно согласились сопровождать. Хусейн ждал нас в назначенное время в своем автомобиле. Мы поехали на прогулку на уютный пляж, который находился на территории военной части и поэтому хорошо охранялся.

Наши отношения развивались сами собой. Рядом с ним я испытывала влечение, и это было так приятно. Впервые в жизни я смотрела мужчине прямо в глаза, и нежность, которую я в них видела, кружила мне голову. Он был таким обходительным, таким деликатным. Раньше я думала, что все мужчины грубы и властны, а любовь существует только в кинофильмах или во сне. Ах, если бы я познала это счастье до того, как вышла замуж, и жила бы этой любовью. Сколько времени потеряно! Тогда я видела в Хусейне человека, с которым хотела жить вместе. На прощанье он признался, что

я первая женщина, к которой он испытывает подобное чувство, и высказал страстное желание увидеть меня снова.

Мы стали встречаться тайком. Выходя из дома и отправляясь на свидание, я каждый раз умирала от страха. Во-первых, я боялась своей родни, во-вторых, боялась нарваться на засаду террористов, тем более что Хусейн был военным, а всех военных террористы считали безбожниками и предателями. Себя же террористы называли спасителями веры. Схватив военного, они убивали его на месте и нападали на его семью. Я знала, чем рискую, но зов любви был сильнее страха умереть.

Теперь я понимаю, насколько эта любовь ослепила меня. Я наивно полагала, что все будет просто, верила, что когда мои родные, узнав о претенденте на мою руку и сердце, который хочет взять на себя ответственность и за моих дочерей, успокоятся. Как плохо я знала своего отца!

Однажды один из соседей увидел, как Хусейн сажает нас в машину возле нашего дома. Он остановился и внимательно посмотрел на нас, отчего девочки испугались, а я запаниковала. По дороге мы с Хусейном обсудили сложившуюся ситуацию. Он сказал, что нужно все рассказать моему отцу, когда тот вернется из отпуска, и что он сам придет к нему просить моей руки.

— Позвони мне вечером и ничего не бойся. Я с тобой. Мы будем жить долго и счастливо. Я никому не позволю обижать тебя и твоих дочерей. Поняла?

— Да, Хусейн. Я позвоню тебе вечером. Пожелай мне удачи!

От страха сердце выпрыгивало из груди — я была уверена, что соседи обязательно расскажут об этом моим родителям. Никто не умел хранить секреты. Новости распространялись быстро, люди почему-то радовались

несчастью других, словно видели в этом свое собственное превосходство.

Когда мы вернулись с прогулки, мне показалось, что в курсе была вся округа. Наши загорелые лица вызывали подозрение и выдавали нас с головой, поскольку женщине не разрешалось выходить одной из дома; легко было предположить, что на пляже с нами был мужчина. Этого было достаточно, чтобы мне перерезали горло. Я сама уже поверила, что перешла границы дозволенного. Родные никогда не простят мне подобного. Я вообразила самый худший сценарий развития событий, и только дома я почувствовала себя в относительной безопасности. Нора предложила мне самой все рассказать отцу, опередив соседей.

— Я сделаю это, как только они вернутся! По телефону как-то неловко вести подобные разговоры.

В тот вечер я долго разговаривала по телефону с любимым. Старалась объяснить ему причины страха перед своим отцом. Когда я заговорила о религиозных принципах, Хусейн успокоил меня, сказав, что он практикующий мусульманин, а значит, у моего отца нет причин ему отказывать.

— Ты военнослужащий, Хусейн, то есть грешник с точки зрения экстремистски настроенных *«правоверных»* мусульман. Сотрудничая с правительством, ты попираешь веру. Мой отец — экстремист, и он, уверена, откажет нам.

— У меня дар убеждать людей. Поскольку я хочу тебя перед Богом и людьми, то буду еще убедительнее. Не вижу ничего предосудительного в нашем браке.

— Моя семья считает позорным все, что я делаю. Их гнев не знает границ.

Хусейн успокаивал меня, повторяя, что любит меня и будет заботиться обо мне и моих детях. Что еще было нужно?

Меня любили, я больше не была одинока. Я что-то значила для другого мужчины, поэтому чувствовала себя в безопасности. Эта любовь, так или иначе, стала мне наградой за потерянные годы. Если бы это могло длиться вечно!

В полдень к нам пришел мой младший брат и сказал, что отец прервал отпуск и хочет меня видеть как можно быстрее вместе с дочерьми. Что-то произошло. Девочки только что вернулись из школы, поэтому я сказала, что пойду одна.

— Отец уточнил: «ты и твои дочери»!

— Хорошо. Тогда мы придем через полчаса. Возвращайся домой и предупреди отца.

— Нет. Папа сказал, чтобы я без вас троих не возвращался.

— Тогда присаживайся. Пусть дети пообедают, а мне надо кое-что сделать.

Я воспользовалась моментом и предупредила Хусейна по телефону о предстоящей встрече с отцом.

— Не волнуйся,' — успокоил он меня. — Позвони мне вечером. Если ты не вернешься, я сам пойду к ним.

Я попросила девочек взять с собой школьные ранцы и надела вуаль. Мы были готовы, но когда мы садились в машину, Мелиссу стошнило: она была впечатлительным ребенком, и даже испуг вызывал у нее приступ тошноты. Я вытерла ей рот, а она схватила меня на шею.

— Мама, я боюсь, — прошептала она мне на ухо. — Я боюсь бабушки с дедушкой. Я чувствую, случится что-то ужасное. Я боюсь за тебя, потому что знаю: они не любят тебя.

— Не беспокойся, дорогая. Это же твои дедушка с бабушкой. Они никогда не сделают ничего плохого своим внучкам.

Пока мы ехали в машине, я гладила Мелиссу по волосам, чтобы успокоить ее. Я осознавала, что ситуация складывается серьезная. Этот непредвиденный визит не сулил ничего доброго. Я уже придумала, что скажу им насчет моих отношений с Хусейном, и еще раз проговаривала про себя все слова. Когда-то я должна сказать им все.

Выходя из автомобиля, я посмотрела на дом — тот выглядел мрачно как никогда. По телу пробежала дрожь, но я не хотела показывать свой страх дочерям. Держа их за руки и молясь Богу про себя, я переступила порог.

В гостиной, где собралась вся семья, стояла напряженная и опасная тишина. Все молча глядели на нас. Мелисса бросилась в объятия к своей бабушке, но та резко оттолкнула ее. Мелисса упала. Это было слишком. Гнев охватил меня, и я решила, что сейчас же скажу все, что о них думаю. Но сначала нужно помочь дочери подняться. Я нагнулась, и в этот момент меня схватили за волосы и быстро потащили в небольшую кладовую, в которой хранились продукты. Словно скотину, меня и моих дочерей по очереди затолкали внутрь. Я упала на пол, не понимая, что происходит. Мелисса громко плакала и звала меня. Нора застыла в углу как статуя. Инстинктивно мы потянулись друг к другу, помогая прийти в себя. Что могла означать эта агрессия? Зачем надо было запирать со мной девочек? Мать, словно верховный главнокомандующий, подбоченясь стояла в дверном проеме. Рядом с ней застыли двое моих братьев.

— Вынесите отсюда морозильную камеру, мальчики, — приказала она. — Мясо, которое там хранится, может испортиться рядом с этой падалью! С самого рождения, дочь, ты была падалью и родила падаль — таких же двух шлюшек, как ты сама! Точные копии тебя! Ну, хорошо! Они разделят твою судьбу. Шлюхи погибнут, как шлюхи!

Двери закрылись. Мы остались одни в сырой прохладной кладовой. Обычно чем богаче семья, тем больше подобная комната, тем больше продуктов в ней можно поместить. Но в доме моего отца кладовая для хранения продуктов была относительно небольшой. Посреди комнаты стоял круглый столик. На полу лежали три тюфяка. В комнате было темно, лишь под потолком тускло горела лампочка; окна здесь не было, поэтому она должна была гореть постоянно: если ее выключат, мы окажемся в кромешной тьме.

Мелисса, прижавшись ко мне, продолжала плакать, а Нора, сохраняя спокойствие, о чем-то думала. Я с ужасом понимала, что мы оказались на краю пропасти. А Мелисса своими вопросами нагоняла на меня еще большего страху, который я не должна была показывать.

— Что случилось? Почему мы стали пленницами и не должны никого видеть? Почему они так поступают с нами?

— Я не знаю, моя дорогая, но скоро мы узнаем.

— Бабушка так злилась на меня. Я всего лишь хотела ее поцеловать, — продолжила Мелисса с грустью.

— Знаю, дорогая. Бабушка, наверное, устала. Она нервничала, вот и потеряла терпение. Не огорчайся, моя маленькая. Я здесь и буду защищать вас до последнего вздоха. Клянусь. Не забудьте, Хусейн знает, где мы. Он придет на помощь, я уверена.

Дверь распахнулась, отчего у меня перехватило дыхание. Мне показалось, что настала моя последняя минута. Словно сеющее ужас чудовище, появился мой отец.

— Встань, несчастная. Ты замарала честное имя своего отца грязью, теперь надо мной все потешаются. Из-за тебя моя честь запятнана. Ты еще не развелась, а уже гуляешь по пляжу с военным. Да еще осмелилась взять с собой двух маленьких сучек, которых называешь дочерьми. Где, по-твоему, ты находишься? Во Франции, где бабы творят, что хотят, на глазах у честных людей? Напоминаю, если ты забыла: здесь Алжир, страна мусульман с прочными традициями и верой. Мы заставим тебя уважать наши обычаи. Я убью тебя, и твоя кровь очистит меня.

Он двинулся вперед, но Нора преградила ему путь, защищая меня. Оттолкнув ее к стене, он схватил меня за руку и потянул вверх. Мелисса вцепилась в мое платье, но отец грубо ударил ее по рукам, и она испуганно отступила назад. Он сначала поднял, а потом ударом ноги в живот припечатал меня к полу и стал снимать ремень. Он не в первый раз избивал меня ремнем, но никогда раньше в его глазах не было столько жестокости. В голове промелькнула мысль: это конец, отец не сможет себя сдержать.

Он принялся меня избивать. Удары сыпались один за другим. Вымещая на мне свой гнев, отец только распалялся. На смену ремню пришли ноги — он бил без разбору по всему телу. Я уже не чувствовала боли.

В комнату вошла мать.

— Не утруждай себя, Али. Она не стоит того, чтобы ты пачкал руки. Ее братья с удовольствием заменят тебя, они только и ждут возможности отомстить за свою честь. Идем со мной, а их оставим гнить в собственных нечистотах.

Нора попыталась затащить меня на матрас, но поняла, что я никак не реагирую.

— Воды! — что есть силы закричала она. — Мама потеряла сознание! Срочно!

Мой сын, ее родной брат, вошел в комнату и, не глядя в мою сторону, протянул ей бутыль с водой.

— И как тебе не стыдно, — с отвращением выпалила Нора.

— Это тебе должно быть стыдно. Наш род опозорен!

— Пошел вон, предатель! Ты мне больше не брат, я не хочу тебя видеть!

Вода привела меня в чувство. Положив мою голову себе на колени, Нора стала слегка покачивать меня, как мать качает своего ребенка.

— Все будет хорошо. Хусейн придет на помощь. Не беспокойся, мама!

Боль пронзала все тело. Последний удар ногой пришелся по голове. Я старалась сконцентрировать взгляд на потолке, но не получалось. Мысли тоже растекались, как вода. Когда я была маленькой, мать посылала меня сюда за продуктами, лежавшими на полках, а теперь я находилась здесь как пленница и с трудом верила в реальность происходящего, настолько все было ужасно. Семья решила нас наказать, решила усложнить нам жизнь. Они считали, что я стала для них источником бесчестья. Разве любовь — это преступление? Мои мысли вернулись к Хусейну, который теперь стал нашей единственной надеждой на спасение.

Вечером мать огласила нам условия.

— Ты собиралась уничтожить нас, но не смогла. Мы заставим тебя заплатить за все зло, что ты нам причинила, — начала она голосом, исполненным ярости и презрения. — С сегодняшнего дня вы будете находиться здесь постоянно. Выходить будете только в туалет. Для этого вы должны постучать в дверь, и вас проведут. Вам нельзя мыться — вы все равно грязные, такими и оставайтесь. Амир будет приносить вам еду, но только одну тарелку на троих. Чтобы выйти отсюда, вам нужно всего-то позвонить главе вашей семьи и согласиться на все его требования. Уйти вы сможете только с ним. О посещении школы девочками не может быть и речи. Вы будете смотреть, как ваша мать получает свое возмездие. Если хотите помочь ей, уговорите ее позвонить вашему отцу, чтобы он пришел за вами!

Мать вышла так же быстро, как вошла.

В голове не укладывалось, как родители могли причинить столько горя своему собственному ребенку — ни угрызений совести, ни чувства вины. Пусть я буду грешницей, если они так решили, но я не заслуживала подобного обращения.

Отсутствие родительской любви и скверное отношение могли заставить меня решиться на самоубийство или свести меня с ума, но мои дочери привязывали меня к жизни. Они были моим лучиком надежды, моей путеводной звездой. Они не давали мне опустить руки. До последнего вздоха я должна была отвечать за них. Что будет с ними, если со мной случится несчастье? Они нуждались во мне, так же как я нуждалась в них. Ни в коем случае я не должна была позволить этим людям уничтожить себя. Людям, которых не считала больше своей родней. Во имя дочерей я должна была найти в себе смелость и стать сильной как никогда.

Несколько часов спустя в полной тишине Амир поставил тарелку с пищей и бутылку воды и, ни на кого не глядя, удалился. Мы бросились к тарелке, словно не ели несколько дней.

— Мама, я тут подумала, — вдруг сказала Мелисса. — Будет лучше, если сначала поем я, потом Нора и только тогда ты. Они могли положить снотворное в еду, чтобы отнять нас с Норой у тебя и отдать папе. Я не хочу, чтобы нас разлучили. Я хочу все время быть рядом с тобой.

Мелисса едва не плакала.

— Возможно, она права, надо быть осторожнее, — поддержала Нора.

— Хорошо, девочки. Я буду есть последней, только оставляйте мне поменьше.

Мы рассмеялись. Это разрядило обстановку и на несколько секунд заставило нас позабыть о наших бедах. Должна ли я буду заплатить и за этот смех? Счастье всегда доставалось мне по капле, и всегда я расплачивалась за него.

В тот день я поклялась вырвать дочерей из порочного круга несчастий. С рождения они следовали за матерью в страданиях и бедах. Разве они заслужили разделять эту темную, мрачную жизнь со мной? Вместо того чтобы быть пленницами в гнусной каморке, они должны были сидеть за школьной партой. Я единственная взрослая, так или иначе ответственная за все это, и должна была положить конец кошмару. Я пообещала им начать новую жизнь в другом месте, подальше от этих безжалостных людей. Но как это сделать? Мне — беззащитному существу без денег и без поддержки? Мне, которая всю жизнь повиновалась приказам, нужно было стать взрослой и принимать решения самостоятельно. Я сделаю все, чтобы выйти оттуда, но хватит ли мне сил?

Время тянулось медленно, а мы все лежали, вытянувшись на тюфяках, и только по приносимой тарелке с едой ориентировались во времени. Дневной свет мы видели, когда шли в туалетную комнату, разумеется, если это случалось не в темное время суток.

Два или три дня спустя, когда мы с Норой разговаривали, а Мелисса спала, скрежет ключа раздался в неурочный час. Что-то происходило. Мы насторожились. Дверь распахнулась — на пороге стояли мои родители. В руках они держали какие-то предметы, но рассмотреть, что это и для чего предназначено, я не смогла из-за плохого освещения.

Испуганно посмотрев на меня, Нора уселась рядом. Теперь мы представляли единый фронт перед пришедшими.

— Я слышала, как вы недавно смеялись, — проговорила мать. — Что ж, вам будет не до смеха. Приступаем к серьезным наказаниям. Самия, подойди ко мне и стань на колени! Пора кончать с этим!

Нора встала между мною и матерью.

— Только через мой труп вы сделаете больно моей матери! — крикнула она.

Мелисса тут же проснулась. Увидев моих родителей, она с плачем бросилась ко мне.

— Оставьте нас в покое! Когда-нибудь Господь накажет вас за все зло, которое вы нам причинили! Отпустите нас, пожалуйста, — со слезами просила Нора.

Мы даже не догадывались об истинных намерениях моих родителей, но понимали, что происходит что-то ужасное. Непроизвольно я стала вздрагивать от пронзавших тело нервных спазмов.

Мать подходила все ближе. Растолкав девочек по углам, она схватила меня за запястье и швырнула к ногам отца. Скомандовала:

— Сиди смирно!

— Уведите меня в другое место, умоляю вас. Я не хочу, чтобы мои дети видели все, — попросила я сквозь слезы.

Дочери тоже плакали и умоляли остановиться. Нора предлагала взять ее вместо меня, Мелисса обращалась к деду, но тот, казалось, был глух к ее мольбам. Я не хотела, чтобы в это вмешивались дети, и просила их оставаться на местах. Какое наказание было уготовано мне? Наконец я разглядела в руках у отца ножницы и опасную бритву, а у матери — флакон с коричневатой жидкостью. Неужели они хотят привести в исполнение угрозу убить меня? Осмелятся ли они проделать это на глазах у детей?

Только не это! Не перед девочками! Я запаниковала и стоя на коленях стала жалобно просить родителей:

— Если пришел мой последний час, умоляю, не заставляйте моих детей видеть это! И позвольте мне приготовиться.

Мать ответила насмешливо.

— Ну, до этого еще не дошло. Пока мы хотим лишить тебя возможности соблазнять других мужчин. Ты позабудешь о роскошных волосах, которыми так гордилась и которые помогали тебе быть соблазнительной. Наклони голову, мы будем тебя брить!

— Остановитесь, остановитесь!— просили девочки.

— Вы, двое, замолчите! — зло крикнула мать.

— Не плачьте, дорогие, успокойтесь. Это всего лишь волосы! Это не страшно! — приговаривала я.

Мать схватила меня за голову и крепко зажала ее руками, словно тисками. Я не могла даже пошевелиться, а только вращала глазами и плакала. Я слышала, как щелкают ножницы в руках отца, и видела, как один за другим падают на пол отрезанные локоны. Длинные черные волосы всегда были моей гордостью, я знала, как лучше расчесывать их, чтобы подчеркнуть свою привлекательность. Они были частью меня, моей личности и истории моей жизни. Чем больше становилась куча волос на полу, тем ущербнее и униженнее я себя чувствовала. Девочки плакали, и я знала, как они понимали меня, мои чувства, потому что сами были маленькими женщинами.

Отложив ножницы, отец принялся сбривать остатки волос. Неловко обращаясь с бритвой, он несколько раз порезал мне голову под наш с девочками плач.

Когда с бритьем было покончено, я хотела подняться, но мать, удержав меня, вылила на голову коричневатую жидкость. Я решила, что меня подожгли. Боль была не-

выносимая, казалось, еще немного, и голова взорвется. Я выла и качалась по полу, но родители не делали ничего, чтобы облегчить мои страдания. Уходя, мать удосужилась объяснить:

— Отныне ты не сможешь соблазнить ни единого мужчину. Ожог скоро заживет, об этом можешь не беспокоиться, но твои волосы не отрастут никогда.

Нора с Мелиссой дули на обожженную голову, чтобы облегчить мои страдания.

— Мама, у тебя вся голова красная, — с сочувствием проговорила Нора. — Мне так тебя жалко!

— Не обращай внимания. Главное, что мы вместе, все трое, — говорила я, хотя в душе чувствовала себя оскверненной.

Мои родители проделали со мной такое на глазах у детей! Я отказывалась верить в происходящее, в то, что они были способны на такую низость, на такую жестокость. Хотелось убедить себя в том, что это просто ночной кошмар, который закончится, как только я проснусь, но жуткая боль не позволяла окунуться в мечты.

Ночью я спала очень плохо. Никак не удавалось выбрать положение, в котором голова не болела бы. Мелиссу, казалось, тоже мучили кошмары. Утром я проснулась от легкого прикосновения к моей голове. Мелисса протянула мне небольшую косынку, которую имела привычку носить на шее и которая оказалась в ее школьном рюкзаке.

— Спасибо, моя взрослая, — поблагодарила я ее позже. — Голова больше не болит, я чувствую себя лучше. С помощью твоей косынки я смогу спрятать свою уродливую лысину!

— Они все равно не победят нас, — добавила Нора.

— Нет, малышка! Не победят. Мы найдем способ бежать, обещаю.

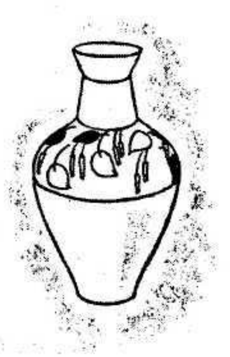
Прошло еще несколько суток. Мои родители продолжали унижать и избивать меня, приговаривая своим внучкам:

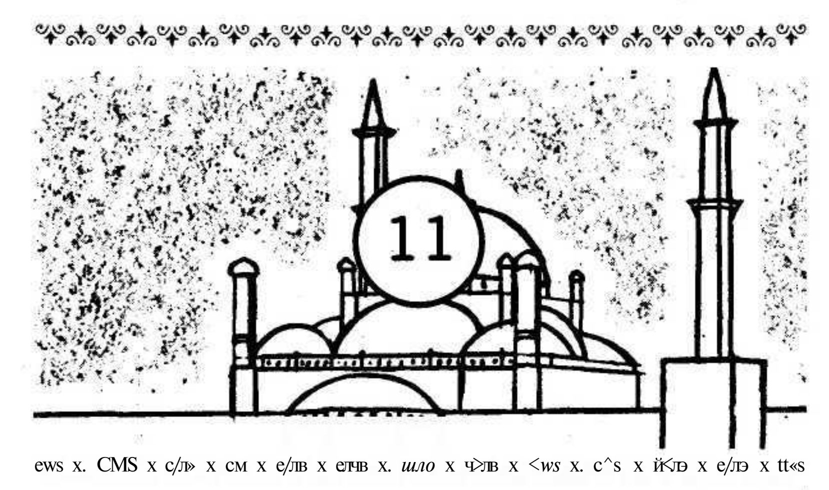
— Если хотите избавить вашу мать от страданий, потребуйте, чтобы она вернулась с вами к вашему отцу. В противном случае пощады не ждите.

А я без устали умоляла девочек быть терпеливыми, уверенная в том, что найду способ выбраться на волю. Нора держалась прекрасно, чего не скажешь о Мелиссе: она скучала по сладостям, по школе, хотела побегать. Чтобы ее развлечь, мы играли в игры: ходили друг за другом вокруг стола. Я выдумывала развлечения, но идей оставалось все меньше и меньше.

Многого нам не требовалось. Подышать свежим воздухом, полюбоваться небом в течение нескольких минут было достаточно, чтобы воспрянуть духом. Я восхищалась своими дочерьми. Чем дольше мы находились в заточении, тем прочнее становилась их решимость. Они поддерживали меня, не позволяли опустить руки и выбросить белый флаг перед родителями. Они были со мной заодно — мы были как пальцы одной руки.

Я часто вспоминала о Хусейне, который обещал не оставлять нас. Где он был все это время?

Побег на короткую дистанцию

Прошел месяц. Хорошенько обдумав пути к бегству, я наконец приняла решение. Надо действовать. О своем плане я рассказала девочкам. Они слушали меня с раскрытыми от удивления ртами. Мелисса еще не пришла в себя от жестоких выходок, свидетелем которых она была, поэтому первой высказала опасения:

— Но, мама, мы сидим взаперти, за нами постоянно следят. Твои братья и Амир сильнее нас. Они не дадут нам уйти. Даже если мы сможем открыть двери, они сразу же схватят нас. Страшно подумать о последствиях. Уверена, бабушка заставит нас дорого заплатить за попытку бежать.

На последней фразе ее голос задрожал, и она заплакала. Я нежно погладила ее по спине, стараясь успокоить, и посвятила ее в детали своего плана.

— Ты совершенно права, моя дорогая. Поэтому мы воспользуемся моментом, когда бабушка останется одна в доме, и попросимся в туалет. Нужно собрать воедино все наши силы, чтобы выйти наконец из этой проклятой комнаты и бежать со всех ног. Что скажешь, Мелисса?

— Мне страшно, но я согласна. Я пойду за вами. Ты знаешь, я умею бегать очень быстро.

— А ты почему молчишь, Нора? Скажи, что ты думаешь?

— Меня поразила твоя уверенность, твои слова... Хотя, когда я тебя слушала, думала, что сбежать отсюда невозможно... — она замолчала, но через несколько секунд продолжила: — Так или иначе, но терять нам нечего. Может, что-то и выйдет. Рассчитывайте на меня.

Сам факт принятия решения — любой ценой попытаться добыть свободу — придавал мне уверенности.

— Приготовь свой школьный ранец, Мелисса. И не забудь положить туда свой талисман — медвежонка. Он был твоим верным товарищем в неволе. Теперь надо обдумать каждую мелочь.

Возбужденность и волнение витали в воздухе. Казалось, их можно потрогать руками. Несколько раз прорепетировав побег, мы были готовы перейти к его осуществлению, хотя меня до сих пор одолевали сомнения. Приближался момент истины, и я обратилась к детям:

— Держитесь возле меня и не отставайте ни на шаг.

Вид у нас был жалкий: грязные, в одежде, которую не меняли в течение месяца. К тому же я была лысая, а мое лицо, по словам девочек, напоминало лицо мертвеца. К счастью, при мне была вуаль. Я закрыла лицо, и, встав с девочками перед дверью, постучала, крикнув, что хочу в туалет. Как только мать появилась в проеме, я изо всех сил толкнула ее и, схватив Мелиссу за руку, побежала. Нора последовала за нами. Мать попыталась перехватить ее, но девочка вырвалась. Мы как на крыльях спустились по лестнице и выскочили на улицу. Солнечный свет ослепил нас, но мы бежали не останавливаясь, как беглые каторжники.

Мелисса стала замедлять шаг, потому что не чувствовала ног.

— Все в порядке, Мелисса. Это нормально. Наши ноги слабы, потому что мы долго ими не пользовались. Не переживай и беги. Надо уйти как можно дальше и как можно быстрее.

Люди на улице оглядывались на нас, словно мы были свалившимися с неба пришельцами. Но их взгляды ничего для нас не значили. Интересовало только одно — насколько увеличилось расстояние, отделявшее нас от «тюрьмы» и от кошмара, с нею связанного.

— Куда мы теперь? — на бегу спросила Нора.

— К Лейле. Только ей я могу довериться. Смелее, девочки. Все у нас получится.

С Лейлой, матерью одной из школьных подружек Мелиссы, я познакомилась в школе, и она сама предложила мне помощь в случае чего. Благодаря Всевышнему всегда найдутся великодушные люди, на которых можно положиться.

Она была моей последней надеждой. Мои родные ничего не знали о ней, а значит, у нее мы будем в безопасности. Только бы она была дома.

Я позвонила в дверь. Уф! Дверь открылась!

— Самия! Какая неожиданность! — воскликнула она, с трудом узнав нас. — Где вы были? Боже, откуда вы в таком виде?

— Расскажу позже. Это долгая история, Лейла. Позволь нам войти. Никто не должен нас видеть, — прошептала я, оглядываясь по сторонам.

Понимая, что дело серьезное, Лейла впустила нас.

— Присаживайтесь. Отдышитесь сначала. Мелисса, подойди ко мне, пожалуйста.

Мелисса была рада увидеть мать своей подруги. Чувство, что тебе рады, доставляло удовольствие.

— Лейла, можно мне посмотреть в зеркало?

— Да что случилось, Самия? Расскажи мне. Мелисса не посещала школу, дома вас не было, и я пошла к твоим родителям, чтобы узнать, где вы. Твоя мать сказала, что ты с девочками отправилась к мужу в Европу. Я была разочарована: ты уехала, даже не попрощавшись, от тебя не было никаких известий, — рассказывала Лейла со слезами на глазах.

Тронутая подобной заботой, я обняла ее и расплакалась.

— Знала бы ты, Лейла, через что нам пришлось пройти. Но сначала хочу увидеть, как я выгляжу.

Лейла провела меня в ванную комнату. То, что я увидела в большом зеркале, ошеломило меня — лысая голова, на которой брови смотрелись как нечто чужеродное. Девочки правы: у меня было болезненно бледное лицо. Долго же мне придется носить платочек на голове! Подруга, понимая мое отчаяние, сочувственно потрепала меня по щеке.

— Рассказывай, что случилось, Самия! Я хочу знать все, — мягко потребовала она.

— Да. Мне так надо высказаться, — согласилась я.

И начала. Лейла слушала внимательно, рассказ мне давался легко, несмотря на то что из глаз беспрестанно лились слезы. Когда я закончила, плакали все четверо.

— Я восхищаюсь твоей физической и духовной силой, — сказала подруга. — На твоем месте я давно бы сошла с ума. Теперь самое главное — подать заявление

в полицию. Ты должна отвоевать свой дом, крышу над головой. Не останешься же ты на улице!

— Я боюсь жаловаться на своих родных! Ты не знаешь их, Лейла! В этой стране они имеют влияние, силу — они известные люди.

— Не беспокойся, Самия! Я тоже не последний человек. Комиссар полиции — мой друг. Я пойду с тобой, а твои дочери останутся здесь с моими детьми. В моем доме они будут в безопасности. Не надо им вмешиваться в разбирательства взрослых. Мы пойдем сейчас же, — заявила Лейла тоном, не требующим возражений, и взяла меня за руку.

В комиссариате мы столкнулись с моим старшим братом Фаридом.

— Вот она, шлюха, которая напала на мою мать! — воскликнул он с ненавистью. — Помогите мне схватить ее!

Он бросился ко мне, но моя подруга грубо оттолкнула его.

— Ага! Одна шлюха помогает другой! — заревел брат, забыв о приличиях.

— Хватит! — прогремел голос комиссара, слышавшего нашу перепалку из своего кабинета.

Окинув меня взглядом, он повернулся к моему брату.

— Вы, двое, зайдите!

Я встревожилась: ведь раньше я слышала от *брала,* что в Алжире все мужчины заодно, когда дело касается конфликтов с женщинами. Я до сих пор смотрела на вещи глазами своих родственников.

— Садитесь! Сначала, господин, я выслушаю вашу версию, потом поговорим с вашей сестрой.

— Господин комиссар, моя сестра шлюха, которая живет так, как жила во Франции.

— Все, хватит! Хватит оскорблений! Если вы не уважаете вашу сестру, то я требую уважения к себе! Поверьте, шлюху я узнаю сразу, стоит ей переступить порог моего кабинета. Ваша сестра ничуть не похожа на женщин этого сорта.

— Господин комиссар, эта женщина развелась и выставила мужа на улицу. Она толкнула мать, так что та упала на пол, и. сбежала с двумя дочерьми. Как еще назвать женщину, которая стала неуправляемой, господин комиссар?

— Хотелось бы знать больше, прежде чем ответить. Однако я изменил решение. Выйдите за дверь. Сначала послушаем мадам. Без вас. Потом наступит ваша очередь.

Брат рассердился.

— Господин комиссар, моя сестра непревзойденная лгунья. Она в состоянии продать моих племянниц за кусок хлеба. Закрыв ее в доме, мы старались удержать ее от дурных поступков. Она убежала с дочерьми, которых тоже приучает творить зло. Мадам хочет жить как француженка! — закончил он, с отвращением глядя на меня.

Перед тем как выйти, пользуясь тем, что комиссар отвернулся в поисках авторучки, брат показал жестом, как мне перережут горло.

Комиссар внимательно меня выслушал. Его интересовали все подробности: он осмотрел мою обритую и обожженную голову. Я была приятно удивлена вниманием, уделенным мне алжирским полицейским.

— Я смогу вам помочь забрать дом. Он вам нужен для вашей же безопасности и безопасности ваших детей.

— Боюсь, мой брат заставит меня пойти с ним.

— Не бойтесь. Я задержу его у себя. А вы пока возвращайтесь в дом вашей подруги. Оттуда мне позвоните. Только тогда я отпущу вашего брата. Из дома вашей подруги ни на шаг!

— Не думала, что встречу в этой стране людей, похожих на вас, готовых, как вы, помочь! Я искренне вам благодарна!

— Спасибо скажете, когда я вручу вам ключи от дома. А пока возвращайтесь и не забудьте мне позвонить.

Выходя из кабинета, я старалась избежать встречи с исполненным ненависти и жажды мести взглядом брата. Я слышала, как комиссар приглашает его к себе, и не мешкая вместе с подругой вернулась к ней домой, откуда позвонила в комиссариат. Я представляла, как разъярился брат, увидев, что я исчезла. Мне казалось, что я даже слышу ругательства, принятые в кругу родных, когда он вернулся и рассказал обо мне дома. Но сейчас я в безопасности, и это самое главное.

В тот день подруга показала мне статью в газете за прошлую неделю. К своему большому удивлению, я увидела фотографию, на которой в полный рост были изображены мой бывший муж и его племянник. В статье, сопровождавшей фото, говорилось об их террористической деятельности.

— Поверить не могу! Я знала, что Абдель фундаменталист, но подозрения в терроризме — это уж слишком!

— Хорошо, что ты отделалась от него! — добавила Лейла. — Господь вовремя вас разлучил.

— Мои родные знали об этом, газета ведь старая. Но почему же они пытались заставить меня вернуться к мужу вместе с дочерьми? Это все равно что отправить нас в волчью пасть!

Я знала, что родные будут искать меня в квартале, в котором я жила, и там, где имела обыкновение бывать. Наверняка устроили засаду и возле дома, чтобы поймать

меня и отомстить, но я гнала подобные мысли. У меня было два важных союзника: подруга Лейла и сочувствующий комиссар. До сих пор не получив ни единой весточки от Хусейна, я решила, что он отказался от меня. Но хотелось знать это наверняка, и дрожа от волнения я набрала его номер. Я так хотела услышать его голос! Он сразу меня узнал.

— Самия, что случилось?! Почему ты мне ничего не сообщила?!

— Но ведь ты сам обещал прийти к моим родителям! Почему ты этого не сделал?

— Я приходил! Через три дня, как договаривались, я пришел к ним домой. Твой брат сказал мне, что ты решила вернуться к мужу и уехала вместе с детьми. Я только о тебе и думаю, Самия. Я очень переживал, когда узнал, что твоего мужа разыскивают по подозрению в терроризме.

Коротко я пересказала ему последние события.

— Мне страшно оставаться одной, Хусейн. Семья желает моей смерти, а я не знаю, как защитить себя и дочерей.

— Я не собираюсь отказываться от своих намерений, — успокоил Хусейн. — Я буду защищать вас и попрежнему хочу взять тебя в жены, как только ты получишь официальный развод.

— Но как отыскать Абделя? Даже если это получится, за развод он потребует огромную сумму. К тому же он в розыске как опасный'террорист.

К старым проблемам прибавилась новая: мои родители, мой бывший муж, а теперь еще и банда террористов.

В который раз я оказывалась перед неразрешимой дилеммой. С одной стороны, оставшись одна, я подвергала себя опасности; с другой стороны, религия запрещала жить с мужчиной-вне брака. Непростая головоломка! Ситуация казалась безвыходной. Все равно что пытаться усидеть на двух стульях.

Как я уже говорила, в мусульманских странах женщина не имеет собственного, личного статуса. Она целиком и полностью зависит от мужчины, который за нее отвечает: сначала от отца, потом от мужа. В случае смерти супруга или развода женщина может получить статус вдовы или разведенной, то есть получить право жить одной и самостоятельно принимать решения (если, конечно, другие родственники позволят ей это). Алжир от других мусульманских стран отличается еще и тем, что здесь не существует статуса *одинокой женщины,* равно как и определения *одинокая.*

* * *

Единственный выход из ситуации — найти бывшего супруга и его слабые точки, чтобы заставить его развестись.

За нашу безопасность теперь отвечал Хусейн, правда, не афишируя этого, чтобы меня не обвинили в адюльтере. В Алжире это тяжкое преступление, за которое могут даже отправить на эшафот. Время от времени Хусейн наведывался к нам. Однажды он принес новости об Абделе. Оказывается, тот сдался властям и теперь находится под их защитой. По его версии, он присоединился к террористам против своей воли, потому что те угрожали убить его племянника и кузена. Я не верила ни единому его слову. Уж слишком хорошо я его знала. Это был выдумщик и лжец, готовый продать родную мать, чтобы только спасти шкуру. Но полиция ему поверила и предоставила защиту. В Алжире полиция может взять

под защиту опасного индивида, но одинокую женщину, решившую жить со своими с детьми самостоятельно, никто защищать не станет. Если она сама приняла такое решение, пусть сама себя и защищает.

Через несколько дней со мной связался комиссар полиции.

— Здравствуйте, мадам Самия! Я получил ключи от вашего дома! Хочу поехать туда с вами, чтобы проверить, все ли в порядке.

Я была ему очень благодарна. Так хотелось поскорее оказаться дома! Но мысль о том, как я буду жить там одна вместе с детьми, не давала мне покоя. Я поделилась своими опасениями с комиссаром.

— Я строжайшим образом запретил вашим родственникам создавать вам проблемы. Если что, звоните, и я сразу приду к вам на помощь и сделаю все, что от меня зависит, чтобы защитить вас. Одно условие: пока вы официально не разведены, вы не должны видеться с вашим военным. Зачем вам лишние проблемы — вы ведь прекрасно знаете, какие нравы царят в нашей стране!

К трем часам дня вместе с Лейлой я отправилась к своему дому. Комиссар уже поджидал нас у двери. Вокруг было тихо, но мое сердце едва не выпрыгивало из груди.

После обычных приветствий комиссар отпер двери. Мрачная сцена предстала перед нашими глазами: все перевернуто вверх дном, большинство предметов мебели исчезли, внутренние двери и окна были выбиты. Дом превратился в руины. И я разрыдалась. Подруга попыталась меня успокоить, а комиссар, сохраняя хладнокровие, приказал не входить в дом и заверил, что сам все уладит с моими родственниками.

— Мебель вам вернут и все отремонтируют. Уверяю вас, это в их интересах. Возвращайтесь к Лейле, а сюда вернетесь, когда здесь наведут порядок. Доверьтесь мне, — добавил он и с видом защитника пожал мне руку.

Когда мы шли к автомобилю, я заметила своего младшего брата — тот стоял, прислонившись к стене, с сигаретой в зубах. Увидев меня, он провел пальцем по шее, словно говорил: *мы тебя зарежем*. Я запаниковала, а Лейла сохранила спокойствие. Пока мы ехали к ее дому, она несколько раз оглядывалась назад, проверяя, не следят ли за нами.

Почувствовав себя в безопасности лишь в доме Лейлы, я позвонила Хусейну. Теперь, лишившись возможности встречаться, мы общались по телефону.

Дочери скучали по школе, по подругам. Уже больше месяца они жили моей взрослой жизнью, и я очень рассчитывала на их поддержку, особенно на поддержку Норы. Но девочкам нужна жизнь детей их возраста. Новость, что скоро они пойдут в школу и смогут приглашать домой приятельниц, заставила Мелиссу улыбнуться. Нора же не спешила разделять энтузиазм сестры.

— Ты знаешь мое мнение, мама. Кошмар закончится только тогда, когда мы уедем из страны. Я не чувствую себя дома ни в этом доме, ни в этой стране. Мне не по душе здешние нравы. Я хочу жить свободно. Я не хочу бояться ни своего отца, ни деда, ни дядей, ни всех здешних мужчин вместе взятых. Я хочу во Францию — там у меня есть настоящие друзья, там я буду чувствовать себя по-настоящему дома.

— Я понимаю тебя, Нора, только не все сразу. Всему свое время. Обещаю, настанет день, когда мы уедем отсюда.

— Чем скорее, тем лучше. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из нас здесь умер.

— Сделаю все, что смогу, чтобы с нами ничего не случилось.

Я пожала Норе руку, демонстрируя, что понимаю и сочувствую ей и так же, как и дети, хочу, чтобы все плохое закончилось.

Время, которое мы провели у подруги, пошло нам впрок — мы сытно ели и спокойно спали. Лейла предложила нам кое-что из одежды, но из-за разницы в размерах мы ограничились тем, что выстирали свои платья.

Я стала думать, на что мы будем жить. Денег у меня не было, я не работала и не могла более рассчитывать на поддержку родственников. На что кормить детей? Лейла могла-ломогать какое-то время, а что потом?

Как могла неработающая женщина с двумя детьми выжить в Алжире? Заниматься проституцией или просить милостыню? Я молила Бога о помощи и наслаждалась каждым мгновением, проведенным у подруги.

Как-то утром комиссар сообщил, что договорился с моим отцом: все улажено и через два дня я смогу вернуться домой. Новость меня взбудоражила. Теперь я должна буду самостоятельно растить детей и заботиться об их безопасности. Я даже не представляла, смогут ли они спокойно посещать школу? Подруга пришла мне на помощь в планировании нашей будущей жизни, отметив, что после школы мои дети должны сразу возвращаться

домой без опозданий, чтобы меня не обвинили в безответственном к ним отношении.

Через два дня мы вернулись домой. В доме был беспорядок, возвращенная мебель стояла как попало, частично в разобранном виде. Мы не знали, как ее собрать, могли только худо-бедно расставить все по местам. Многих предметов все равно не хватало, но я не думала об этом, лишь бы мы были живы и здоровы.

Несколько часов спустя Мелисса попросила есть. Холодильник работал, но был пуст. Телефон еще не подключили, поэтому связаться с Хусейном я не смогла. Можно было одолжить еду у соседей, но гордость не позволяла мне опуститься до этого. Но и другого выхода не было. Я объяснила соседке свою ситуацию, чтобы она поняла, почему я прошу ее помощи. До сих пор помню, что она мне дала: полную тарелку пирожков и огромный кусок хлеба. Когда я благодарила ее, она сказала, что всегда готова мне помочь.

С соседкой мне повезло. Господь словно умышленно сталкивал меня с великодушными людьми, и те помогали мне в нужде. Девочки уплетали за обе щеки, я же ограничилась ломтиком хлеба, сославшись на отсутствие аппетита. Во время трапезы в дверь позвонили. Когда я пошла открывать, дочери не сговариваясь отправились следом. Не открывая двери, я громко спросила:

— Кто там?

— Это Малика, соседка напротив. Надо поговорить.

Я впустила ее и прежде чем закрыть дверь, осмотрелась.

— Мне кажется, вы чего-то опасаетесь, — проницательно заметила она.

Я коротко ввела ее в курс моих дел, поскольку увидела в ней союзницу.

— Рассчитывайте на меня. Мы, женщины, должны поддерживать друг друга. Можете пользоваться моим

телефоном, если понадобится. Мне будет приятно быть полезной.

Заметив разобранную мебель, она сообщила, что один из соседей — мастер на все руки — поможет мне.

— Я бы с удовольствием, только у меня нет денег, чтобы заплатить ему за работу.

— Он мой хороший знакомый и поможет вам совершенно бесплатно.

— Это так великодушно. Мы не справимся сами, и я бы хотела позвонить, если вы не против.

— Нисколечко. Идемте.

Я попросила Хусейна принести еды завтра утром, но соседка, слышавшая разговор, предостерегла меня:

— Завтра утром я сама накормлю вас. Твой мужчина не должен здесь появляться.

Я поблагодарила Малику —теперь мы могли есть без риска. Малика относилась к тем добрым людям, которых Господь поместил на моем пути!

Утром она принесла нам три круассана и три порции кофе с молоком. Мои девочки плотно позавтракали и были готовы отправляться в школу. Я с опаской ожидала момента, когда придется с ними расстаться. То, что мы были неразлучны в течение долгого времени и вместе прошли через столькие испытания, еще сильнее сблизило нас. Мне становилось тоскливо при мысли, что они уйдут из дома, но удерживать их возле себя было бы с моей стороны эгоистично. Я обняла Нору, напомнив об осторожности, а Мелиссу отвела в школу сама.

Чем мне кормить детей в будущем, я не знала. Моя сердобольная соседка Малика была вдовой и жила на небольшую пенсию покойного мужа. В эти трудные времена еда в Алжире стоила дорого, и соседка не могла помогать мне постоянно. Надо было искать другие пути.

Вдруг зазвонил телефон, и агент телефонной службы сообщил, что связь восстановлена, поскольку мой муж оплатил чтет. Я сначала даже не поняла, о каком муже шла речь, но через десять минут позвонил Хусейн.

— Привет, Самия! Как тебе мой сюрприз? Теперь мы сможем общаться без посредников.

Я была тронута его вниманием и почувствовала себя спокойнее оттого, что теперь могла связаться с ним в любое время.

Тогда я была далека от мысли, что телефон может стать источником постоянного беспокойства. Через несколько дней позвонил Абдель и потребовал большую сумму в обмен на его официальное согласие на развод. Я поклялась ему, что у меня нет денег, но он мне не поверил. Разговор, конечно же, начался с его обычных оскорблений и угроз.

— Грязная потаскуха, хочешь быть свободна — придется раскошелиться! Иначе я перережу вас всех. У меня есть люди, которые помогут мне в этом. А когда ты подохнешь, твое имущество перейдет ко мне, потому что я по-прежнему считаюсь твоим мужем.

Испугавшись, я бросила трубку.

Подобные звонки скоро стали обыденными, но каждый раз я все равно дрожала от страха. Абдель терроризировал меня. Я знала, что он способен на все, но чтобы не травмировать дочерей, не говорила об этих звонках.

Примерно через неделю после нашего возвращения домой пришел человек, о котором говорила соседка, чтобы собрать мебель. Мы помогали ему, чем могли.

Было интересно, хотя мы и устали. Наконец-то мы могли хорошо устроиться. Спасибо доброму самаритянину!

Ночью нас разбудил телефонный звонок. Когда я пришла в гостиную, Мелисса уже держала трубку. «Только бы не ее отец!» — молила я. Увидев выражение лица дочери, я поняла, что молитва не услышана.

— Да, папа, это я, — отвечала дочь дрожащим голосом.

Вдруг ее глаза округлились от ужаса, она была настолько потрясена, что бросила трубку и побежала ко мне, дрожа как осенний лист под дождем.

— Он здесь, мама, он здесь! Под моей кроватью! — закричала она в истерике.

— Не бойся. Твой отец далеко. Что он сказал тебе, чем так напугал?

— Я помню только, что он сказал: «Я всегда с вами. Я везде, куда бы ты ни пошла. Сейчас я у тебя под кроватью с большим ножом. Я сейчас перережу вам глотки, всем троим. Бог приказывает мне очиститься вашей кровью».

Удостоверившись, что он положил трубку, я стала успокаивать Мелиссу.

— Не верь ему. Его здесь нет и не может быть. Это он сказал, чтобы напугать тебя. Никогда не верь твоему отцу, моя крошка.

Дочь меня не слушала.

— Я знаю, что он под кроватью и хочет нас зарезать. Он сказал мне это, — снова и снова повторяла она.

Разбуженная шумом Нора вошла в гостиную.

— Что происходит?

— Звонил твой отец. Он…

Нора, не дав мне закончить, выпалила с отвращением:

— Никогда не называй его *моим отцом*. У меня больше нет отца. Он умер!

Вместе с Мелиссой мы заглянули под все кровати, чтобы дочь удостоверилась, что там никого нет. Я разрешила ей лечь со мной. Но этой ночью она спала очень беспокойно.

В следующее утро отец через одного из моих братьев послал мне сообщение.

— Отец велел передать: если еще хоть один мужчина старше пяти лет придет в твой дом, тебя убьют.

— Сюда не ходят мужчины.

— Здесь был один из твоих соседей, — уточнил он.

— Это правда. Он помогал мне привести в порядок мебель, которую вы разобрали на части. Это была обычная услуга.

— Услуга или нет, но ни один мужчина не должен приходить к тебе. Иначе пожалеешь.

Он исчез с тем же каменным выражением на лице, с каким и явился. Я отступила от двери, чувствуя, как меня покидают остатки надежды когда-нибудь выбраться отсюда. Наступило время обеда, и Мелисса попросила поесть. Соседок дома не было, а Хусейна послали в командировку. Сначала Мелисса молча смотрела телевизор, но к трем часам не выдержала и стала плакать. Аромат тушеного блюда щекотал ноздри, но идти и еще раз просить кого-то я не решилась.

— Теперь моя очередь, — сказала Нора. — Надо помочь сестренке.

Решительным шагом она вышла из дому и пошла на запах, а через несколько минут вернулась с тарелкой кускуса и с улыбкой до ушей. На запах тут же пришла Мелисса.

— Не так быстро, Мелисса, пережевывай лучше, — говорила я. — Мы съедим только половину, остальное — на ужин.

Дети съели, сколько хотели, а я лишь притронулась, чтобы побольше осталось на ужин. Это оказалось неплохой идеей. Хорошо, что я была такая предусмотрительная. В тот день впервые я и мои дети поняли, что значит быть по-настоящему голодными. Как же низко мы опустились! Я даже предположить не могла, что настанет день, когда мои дети будут нуждаться в пище. Плохая из меня мать: я не способна удовлетворить элементарные потребности своих дочерей! Я не контролировала ситуацию, а лишь наблюдала, вместо того чтобы действовать. На следующее утро я познакомилась с женщиной, которая накормила нас кускусом. Она дала мне галеты с маслом и кофе с молоком. Как это было мило с ее стороны! Увидев поднос с едой, Мелисса подскочила к нему так, словно целый месяц не ела. Подобное поведение дочери я наблюдала уже не в первый раз, и это заставляло задуматься.

Я от всего сердца поблагодарила женщину, потому что знала: Господь, пославший ее, по-прежнему не оставляет нас в беде.

В следующий выходной, в пятницу, когда мы смотрели телевизор, с улицы донесся пронзительный мужской голос. Я узнала голос моего старшего брата, который кричал всем, кто хотел его слышать:

— Слушайте меня, все соседи Самии, которая больше мне не сестра перед Богом и перед людьми! Эта женщина — исчадие зла! Не кормите ее и ее детей! Если вы будете помогать этой порочной женщине, настанет день, когда она ляжет в постель с вашими мужьями! Она не заслуживает ни вашего уважения, ни вашей жалости! Не идите ее дорогой, и Бог воздаст вам! Каждый из вас волен убить ее, чтобы очиститься самому и очистить всех нас! Сделавший это по ее крови попадет прямо в рай!

Несколько соседей, в основном мужчин, собрались вокруг него и внимательно слушали. Я могла только догадываться, какие гнусности он им рассказывал обо мне. Я отослала детей в их комнаты, чтобы они не слышали его жестоких слов.

Так я стала добычей для фанатиков, алчущих в поисках легкого пути в рай. Меня мог убить любой, кто был убежден, что я проклятая и нечистая, чтобы доставить удовольствие моим родственникам или чтобы очиститься самому. Я стала входным билетом в рай для каждого, кто считал себя в чем-то согрешившим перед Богом. Став живой мишенью, я вынуждена была сидеть дома и ни на минуту не оставаться одна. Я нуждалась в помощи, и той ночью мне в голову пришла идея, за осуществление которой я принялась прямо с утра.

В тот день Нора осталась дома, поскольку занятий у нее не было, а я, проводив Мелиссу в школу, навестила близкого друга отца, которому еще доверяла. Я надеялась, что он сможет убедить отца выдать нам немного денег на жизнь. Внимательно меня выслушав, он сказал, что подумает и даст мне знать. Поможет ли это, я не знала, но по крайней мере, я попыталась.

Я спешила рассказать об этом Норе, но когда пришла домой, увидела, что моя дочь находится в плохом настроении.

— Что случилось? Опять Абдель? Он звонил? Рассказывай!

Я не могла понять, что означает выражение ее лица: с одной стороны, Нора была очень напряжена, с другой — на ее губах я увидела подобие улыбки.

— Да рассказывай же! Что случилось? — повторила я.

— Все хорошо, мама, не беспокойся. Он больше не будет нам угрожать. Скоро он позвонит тебе и сообщит

дату судебного заседания, на котором рассмотрят вопрос о вашем разводе.

Ее слова меня ошарашили. Я не верила своим ушам. Я не знала, что думать! Неужели Абдель изменил решение? Вдруг Нора обняла меня и крепко прижала к себе.

— Нора, расскажи мне все, не держи меня в неведении, — настаивала я.

— Он оставит нас в покое. Наконец мы избавимся от него навсегда. А сейчас я пойду с тобой встречать Мелиссу из школы. — И последовала за мной к двери.

«Что же заставило Абделя изменить решение? Может, он заключил с моей дочерью некую сделку?» — гадала я. Я так желала развода, что уже верила, что это произойдет.

Рано утром соседка Малика принесла еду. Я была очень рада ее видеть, хотя не смогла скрыть удивления: почему она не прислушалась к «проникновенным» речам моего брата, и спросила ее об этом.

— Я слышала, что произошло, от соседки. Здешние люди любят почесать языками да посплетничать, особенно о нас, о бедных одиноких женщинах. Но ведь я вдова, и не очень-то опасаюсь, что ты будешь спать с моим мужем.

Мы рассмеялись, чего со мной уже давно не случалось.

— Я знаю, как трудно приходится одинокой женщине, окруженной самцами, у которых комплекс превосходства дополняет дубовая голова. Я всегда буду на твоей стороне, и никто из твоих родственников не убедит меня в обратном.

Вечером позвонил Хусейн. Сумбурно я рассказала ему о согласии Абделя на развод, об ужасных словах брата и визите к другу отца.

— Теперь главное — направить все усилия на предстоящий развод. Чем быстрее ты его получишь, тем раньше я смогу начать жить с тобой и защищать тебя.

— Надеюсь, Абдель сдержит слово, все формальности по разводу выполнят быстро. Что станет с моими детьми, если со мной случится несчастье? Эта мысль убивает меня. Ты нужен мне, Хусейн!

Позвонил Абдель и сообщил о дате заседания. Его назначили на десять часов утра седьмого октября. Верный себе, он потребовал уступить ему всю мебель, которую я покупала на его имя. Ну и пусть забирает. Свобода стоила дороже.

Возможность развестись и выйти замуж за Хусейна давала мне второй шанс. Господь посылал мне защитника.

Сейчас, когда пишу эти строки, я понимаю, до какой степени мусульманский менталитет проник в мое сознание. Я искала защитника и даже не рассматривала варианта жить самостоятельно. Ситуация, складывавшаяся в Алжире, становилась все опаснее для меня и моих детей. По утрам, когда мои девочки уходили в школу, я не находила себе места от волнения и впадала в панику, стоило им опоздать домой хоть на минуту. Как-то Нора вернулась домой запыхавшаяся и сообщила, что ее преследовал какой-то странный человек.

— Я пошла быстро, но он тоже ускорил шаг. Когда я побежала, он побежал за мной. Я решила, что он хочет похитить меня и отвести в горы к террористам. Хорошо, что до дома было недалеко.

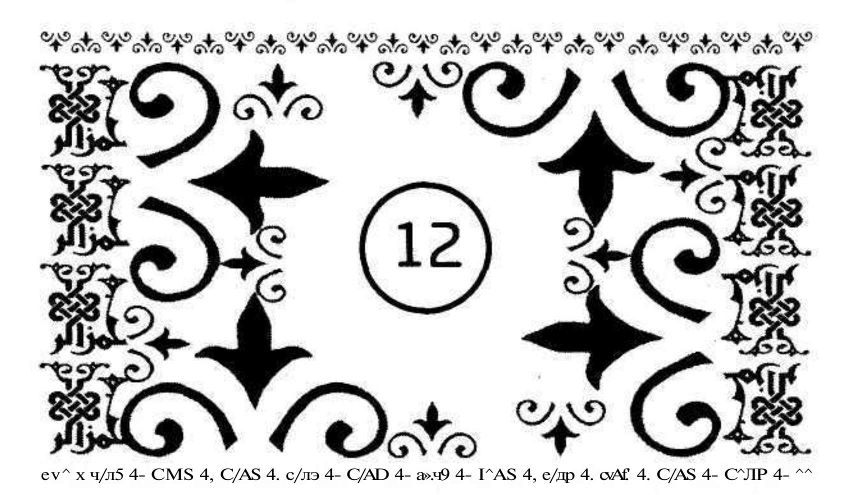
— Думаю, будет лучше, если вы посидите дома, пока к нам не переедет Хусейн. Он сможет отводить тебя в школу. Что скажешь?

— Скажу, что хочу уехать из этой страны. Мне страшно находиться здесь.

— Пока это невозможно, Нора. Сама знаешь, мы пытались. Как только представится случай, мы уедем без малейших колебаний, поверь!

Некоторое время мы сидели, прижавшись друг к другу. Как же я хотела, чтобы поскорее наступило седьмое октября — день, когда я и девочки освободимся от моего гнусного прошлого, хотя бы его части. Так хотелось перевернуть страницу этого жуткого брака, этих лет, наполненных ненавистью и страхом, побоями и насилием. Я должна была навсегда освободиться от человека, который разрушал меня как личность и столько лет насиловал мое тело.

Долгожданный развод

Маконец настало благословенное седьмое октября 1994 года. Я с детьми находилась в зале ожидания, когда вошел Абдель. С его появлением нахлынули те ужасные воспоминания, которые он олицетворял. Бросая на нас ненавидящие взгляды, он старался смутить нас, но цели так и не достиг. Я едва сдерживала себя от гнева и отвращения, которые он во мне вызывал. Нора стояла опустив глаза, а Мелисса вцепилась мне в руку. Хусейна не было. Мы решили, что его присутствие могут счесть предосудительным. Заседание началось ровно в десять. Я хотела, чтобы все поскорее закончилось. Наконец настала наша очередь.

Не церемонясь, Абдель наговорил судье кучу непристойностей обо мне и о моей родне.

— Я хочу, чтобы мне отдали всю мебель, которую я сам покупал, господин судья. Вот счета на мое имя.

Нора подняла голову и посмотрела отцу в глаза.

— Извините, господин судья, — сразу произнес он, — но я передумал. Я хочу взять только машину. Все остальное пусть забирает моя супруга, в том числе и детей.

Я была ошеломлена — я не понимала его поведения. Что означала эта быстрая смена решения, после того как он обменялся взглядом с Норой? Менять свои решения в чужую пользу было не в правилах Абделя. Чего он боялся? Вряд ли это можно назвать запоздалым раскаянием. Я знала, что совести у Абделя не было и не будет. Его поведение объяснялось чем-то другим, и я решила, что рано или поздно узнаю это от Норы. Главное, что все нужные бумаги были подписаны, — развод состоялся.

Ко мне возвращалось второе дыхание. Ко мне и к моим дочерям. Абдель — мой уже и юридически бывший супруг — покидал зал. Чем дальше он отходил от меня, тем чище становилось вокруг. Внезапно он обернулся и сделал уже знакомый жест: провел пальцем по шее. Эта угроза оставила меня совершенно равнодушной, настолько была велика радость, чтобы обращать на это внимание. Теперь я официально разведена и стала единственной, полной опекуншей своих детей. Экс-супруг подписал официальный отказ от права навещать их, и я наивно полагала, что эта бумага позволит моим девочкам в случае необходимости беспрепятственно выехать из страны. Несколько позже я узнала, что они навсегда остались детьми своего отца, несмотря на то что он отказался от своих прав. Какая ужасная страна!

Домой я летела словно на крыльях, спеша позвонить Хусейну, чтобы поделиться радостной новостью.

— Я так счастлив, Самия! Наконец-то ты сможешь вздохнуть свободно. Теперь никто не помешает нам пожениться.

— И чем скорее, тем лучше! — ответила я, как никогда осознав, что влюблена.

— Что ты скажешь насчет конца этой недели?

— Я готова, Хусейн. Я так хочу быть рядом с тобой!

* * *

Мы решили заключить религиозный брак в следующую пятницу, а через неделю зарегистрировать его в мэрии.

В Алжире брак заключается дважды: религиозный и гражданский. Церемонии проходят не одновременно. Религиозный брак освящается имамом * либо в мечети, либо дома в присутствии двух благочестивых мусульман, соблюдающих религиозную практику, один из которых выполняет роль свидетеля, — как правило, это человек, достигший почтенного возраста. Юридический брак фиксируется в мэрии путем записи, которая позволяет мужчине вписывать своих будущих детей в семейный реестр. Женщина должна представить свидетеля, которой носит туже фамилию, что и она, или же дать письменное разрешение отца.

В пятницу Хусейн явился в сопровождении имама и троих друзей. Пожилой человек представлял моего отца. Я ждала начала церемонии в присутствии дочерей и соседки. Только в момент благословения я окончательно поверила своему счастью. Когда имам прочитал необходимые стихи из Корана, соединил руки Хусейна и моего свидетеля, я стала женой перед Богом и людьми. Больше я не была одинока в борьбе с жизненными трудностями.

Та ночь стала для меня первой ночью любви. Первый раз в жизни присутствие рядом мужчины переполняло

---

* Имам — мусульманский религиозный глава. *(Примеч. авт.)*

меня страстью и трепетом. Я училась любить и быть любимой с мужчиной, которого не надо бояться. Какое это было счастье — засыпать и просыпаться с человеком, который любит и любим!

Моя жизнь значительно улучшилась. Я ждала Хусейна со службы и больше не вздрагивала, когда в замочной скважине поворачивался ключ. Меньше я стала беспокоиться и за Нору — теперь Хусейн отвозил ее в школу.

В следующую пятницу мы с Хусейном пошли в мэрию, чтобы заключить юридический брак, однако служащий отказался это делать.

— Госпожа, вас должен сопровождать отец либо вы должны предоставить подписанную им доверенность, разрешающую вам вступить в брак.

— Почему? — недоумевал Хусейн. — Ей уже больше тридцати лет, она официально разведена.

Служащий равнодушно вернулся к чтению газеты, бросив напоследок:

— Да хоть шестьдесят. Женщина не может представлять себя сама! Госпожа, вам требуется опекун. Идите за вашим отцом и без него не возвращайтесь.

Хусейн взял меня за руку.

— Идем из этого проклятого места, пока я не потерял терпение, — воскликнул он гневно.

Этот закон ограничивал права женщин, но он же затрагивал права мужчин. Хусейн не мог жениться на той, которую любил. Только теперь он осознал полное бесправие женщины в Алжире. Даже немолодая женщина не могла принимать решения самостоятельно. Родившаяся женщиной страдает от этого всю жизнь!

— Понимаешь ли ты теперь, как нам жить в этой стране? — спрашивала я.

— Все больше и больше. И что теперь делать?

— Может, поговорить с кем-то другим? С начальником, который мог бы приказать этому служащему?

— Точно! Как я мог забыть! У меня же есть друг, который работает в мэрии небольшого городка в ста километрах отсюда. Поедем туда. Бог с ним, с расстоянием.

— Да хоть за границу, если понадобится, — с улыбкой добавила я.

Хусейн связался с другом, и тот согласился зарегистрировать наш брак, сказав, что будет ждать нас завтра. Мелисса и Нора отправились с нами, и мы прибыли на место в праздничном настроении. Так я и стала мадам Рафик и снова получила законное право на существование, равно как и мои девочки.

Однако небу не суждено было оставаться чистым долго: вскоре на горизонте появились тучи. Впрочем, меня это не удивило, ведь я по-прежнему оставалась проклятым родными ребенком и такой должна быть всегда, пока жила в окружении фанатиков.

Угрозы по телефону продолжались, правда, теперь голоса были мне не знакомы. Вот несколько примеров:

«Грязная шлюха, ты опозорила род. Ты прогнала мужчину, чтобы променять его на грязное животное. Будь ты навеки проклята! Мы доберемся до тебя! И до того предателя, который женился на тебе!»

«Ты сдохнешь, проклятая! Мы зарежем тебя и выпьем твою кровь. По твоей крови мы придем в рай».

«Мы те, кто очищает землю от нечистых женщин, таких, как ты и твои дочери. Мы убьем тебя! А перед тем как убить твоих детей, мы будем развлекаться с ними в горах. Они так молоды и красивы!»

Звонившие вульгарно хихикали. Я бросала трубку, но звонки не прекращались. Несколько раз мы меняли телефонный номер, но через время все начиналось сначала.

❧ ❧ ❧

Фундаментализм в стране набирал силу. Раньше ислам позволял женщинам работать, поэтому многие из них стали парикмахерами. С подъемом фундаментализма они потеряли право на эту профессию. Как-то вечером по телевизору рассказали о женщине, которую террористы убили только за то, что она, не вняв их угрозам, не закрыла свой салон красоты. Перерезав несчастной горло, убийцы зашили ей рот колючей проволокой. Так они хотели показать, что будет с женщинами, которые осмелятся возражать, то есть с теми, у которых *слишком большая пасть.* Смотреть на это было ужасно, душа уходила в пятки.

Эта страна перестала быть моей. Я все больше утверждалась в мысли уехать вместе с детьми. Стоило девочкам выйти за порог — и я не находила себе места, пока они обе не возвращались домой.

На следующий день после телепередачи я получила очередную порцию телефонных угроз.

— Видела, что показывали по телевизору вчера вечером? Правда, интересно?

— Я не боюсь. Плевать я на вас хотела! — ответила я.

— Значит, не боишься, большая пасть?! А знаешь, что происходит с такими большими пастями? Такие пасти зашивают колючей проволокой, а уже после этого режут горло.

Испуг заставил меня бросить трубку. Я начинала воспринимать эти угрозы всерьез. В отличие от Хусейна. Для него это были просто слова, и он посоветовал класть трубку на первом же слове.

Несмотря на поддержку мужа, я жила с непроходящим чувством беспокойства. Когда Нора уходила из дому, я начинала нервничать. Как-то вечером Хусейн

поехал забирать Нору из школы, но ее там не оказалось. Переговорив с директором, он узнал о частом беспричинном отсутствии Норы на занятиях. Прочесывая улицы в поисках падчерицы, он обнаружил ее в компании подружек. Дома он поставил меня перед фактом.

Я была шокирована. Оказывается, Нора прогуливала уроки! И это в то время, когда ей угрожала опасность! Какая безответственность! Я не могла ни понять, ни принять такого поведения и потребовала от Норы объяснений.

— О чем ты думала?! — на грани истерики выкрикивала я. — Почему ты так поступаешь? Я и так рискую, отправляя тебя в школу. Хусейн отвозит и привозит тебя ради твоей безопасности, а ты, ты бездумно шатаешься с приятельницами по улицам! Назови мне хоть одну причину, которая может оправдать подобное поведение. Я слушаю.

— Мама, это выше моих сил. Пропуски уроков — единственный для меня способ найти новых подруг в Алжире. Мне ведь не столько лет, как тебе! У тебя есть муж, которого ты любишь, а у меня никого. Я совсем одна. — Нора перевела дыхание, буравя меня взглядом, и продолжила нервно, срываясь на плач: — Это ты виновата в том, что мы застряли в Алжире, а я хочу во Францию, к своим друзьям. Ты относишься ко мне как к пленнице со своими дурацкими страхами!

Услышав подобные обвинения, я потеряла контроль над собой и вспылила. Я говорила не думая, чего раньше себе не позволяла.

— Ты врала мне. Я больше не могу тебе верить. Ты прогуливаешь школу, и я вообще не знаю, где ты шатаешься! Я не могу себе представить, что со мной будет, если ты попадешь в беду. А если ты находишь мои стра-

хи дурацкими, то, может, твой отец будет с тобой более лояльным. А как же: он обязательно предоставит тебе желанную свободу. Я могу навести справки и разыскать его, чтобы ты отправилась жить к нему.

И вдруг Нора расплакалась. В ее рыданиях отчетливо слышалось отчаяние, но меня это не трогало — я все еще была зла на нее.

— Только не это! Если ты отправишь меня к нему, я убью себя! Я не хочу, чтобы он снова подвергал меня всему тому, что было раньше!

— Ты хотела сказать «подвергал меня». А не тебя. Не забывай об этом, — поправила я.

— В том-то и дело, что не только тебя, мама! Не одна ты была жертвой насилия! — в отчаянии кричала Нора. — И все это длилось несколько лет!

Мой гнев улетучился — настолько услышанное потрясло меня. Это происходило у меня под носом, а я ни о чем не догадывалась! Я, конечно, знала, что Абдель чудовище, но не предполагала, что до такой степени. В правдивости слов дочери я не сомневалась. Так стало ее жалко, что хоть умирай. Как мне хотелось в тот момент вернуться в прошлое и оказаться на ее месте, чтобы оградить от всех ужасов!

Я прижала Нору к себе. Так, обнявшись, мы сидели некоторое время. Потом я потребовала, чтобы она мне все рассказала.

Нора призналась, что Абдель начал домогаться ее, когда девочке было пять лет, и продолжалось это вплоть до нашего разрыва. Она говорила срывающимся от переполнявших эмоций голосом, голосом маленькой перепуганной девочки, который мне было больно слышать. Она хранила свои страхи, свою беспомощность, и не забудет этого никогда. Отец грозился убить меня, если

Нора расскажет об этом. Долгие годы она вынуждена была скрывать свой постыдный секрет, чтобы не заставлять меня страдать еще больше, и чувствовала себя виноватой, хотя не понимала почему. Немногим облегчением было то, что теперь всю вину она возлагала на своего отца. Он зашел слишком далеко, говоря ей, что все послушные детки должны ублажать своих отцов, чтобы заслужить их любовь.

С тех пор ей всегда неловко было слушать рассказы подруг о своих парнях. Она чувствовала себя оскверненной.

Как мне было стыдно! Моя маленькая девочка подвергалась сексуальной тирании в течение восьми лет, а я ничего не замечала и не подозревала! Какая же я мать после этого! Она меня защищала, но я не смогла защитить ее! Я зациклилась на своих собственных страхах и знать не знала о тех унижениях, которым она подвергалась у меня под носом. Насиловать собственного ребенка показалось мне чудовищным преступлением, которое чем не искупить. Дочь — это не жена, насилие по отношению к собственному ребенку нельзя ни понять, ни оправдать.

Я винила себя в случившемся, как вдруг почувствовала, что меня накрывает волна ярости по отношению к этому человеку. Если бы в тот момент он оказался рядом, я убила бы его собственными руками за то, что он сделал с моей дочерью. Такой моральный урод заслуживал немедленной смерти. Я хотела отомстить за дочь, а заодно и за себя. Моя бедная маленькая Нора! Понадобилось время, чтобы осознать, что сильная девочка, зрелая и рассудительная в душе, — просто перепутанный и уязвимый ребенок.

Тогда же Нора призналась, что именно она заставила отца развестись со мной, заключив с ним сделку. В тот

памятный вечер, когда они говорили по телефону, Нора пригрозила, что выдаст его — расскажет всем, что он с ней проделывал, если он не согласится на развод и не исчезнет из нашей жизни навсегда.

Это обстоятельство озадачило меня. Годами моя дочь хранила свой ужасный секрет о пороках отца, страдая в одиночку.

Я заверила Нору, что она в любое время может рассказывать мне о своих проблемах; я твердила, что буду ей помогать, буду всегда рядом, буду стараться найти решение и защитить ее. Пусть моя жизнь будет наполнена невзгодами, но моя дочь не должна защищать меня — взрослую и более опытную женщину. Она может доверять мне, делиться своими проблемами.

Внимательно меня выслушав, она наградила меня счастливой улыбкой и бросилась на шею. Реакция дочери сгладила мое чувство вины. Но если бы боль, которую причинили ей, можно было просто стереть ластиком!

В тот день я дала себе слово быть более внимательной к ней и ее потребностям, какой бы сильной ни казалась мне моя девочка.

Раскрыв свою тайну, Нора заметно повеселела. Она перестала прогуливать уроки, а я старалась не выказывать явного беспокойства, когда она выходила из дома. Отчим был внимателен к ней, как мог. Когда позволяла служба, он провожал ее в школу и домой, и Нора с доверием относилась к моему новому мужу.

Через некоторое время я обратила внимание на появление уже подзабытых, но все же знакомых признаков: тошноты, усталости, сонливости и поняла, что нахожусь в положении. Хусейн обрадовался перспективе стать

отцом. Я же надеялась, что это будет в последний раз. Моя хорошая знакомая, гинеколог, сделала УЗИ.

— Милая Самия, — с улыбкой произнесла она, — у тебя двойня. Ты родишь двух мальчиков.

— Ты уверена?

— Еще бы!

Хусейн был горд, что станет дважды отцом.

— Отец сразу двух сыновей! Благодаря тебе я смогу ходить с высоко поднятой головой перед своими родными и друзьями! Спасибо тебе, Самия!

Решительно все мужчины в этой стране были зациклены на одном — на чести стать отцом первенца мужского пола. Раньше, когда мы говорили о будущих детях, Хусейн сказал, Что хочет иметь двоих — мальчика и девочку! Тогда я подумала, что он не такой, как остальные мужчины.

Дочери были рады новости, но Нора предостерегла:

— Как же теперь бежать из страны с двумя младенцами на руках? Все так усложнилось.

— Ты права, но даже не будь я беременна, все равно не смогу выехать из страны. С ребенком или без — проблем меньше не станет. Мы обязательно найдем выход и покинем страну рано или поздно, обещаю!

Говорила я уверенно, в глубине души понимая справедливость слов дочери. Я с трудом представляла себя скитающейся по свету с четырьмя детьми. Казалось, положение становилось все более безвыходным. Лучше об этом не думать. Когда придет время, тогда и будем решать. Каждому овощу свой сезон.

Между тем обстановка накалялась с каждым днем. Несколько раз, возвращаясь домой без Хусейна, Нора замечала, что за ней следят. Всякий раз, когда такое случалось,

она отсиживалась дома по несколько дней. В конце концов учителя Норы сочли причины отсутствия на занятиях неуважительными и исключили ее из школы.

С одной стороны, я расстроилась, что она не сможет продолжить обучение, с другой — я не могла не обрадоваться тому, что теперь дочь все время будет рядом. Возможно, это проявление эгоизма, но и вопрос безопасности не казался мне второстепенным.

Мелисса ходила в школу, расположенную рядом с домом, поэтому в окно я могла видеть, как она заходит или выходит из дверей заведения.

Шли месяцы, моя беременность близилась к завершению. Я стала большой и малоподвижной, у меня, казалось, не осталось сил. Я пыталась не нервничать, как советовал врач, но не очень-то это получалось. Врачи сказали, что плоды расположены неправильно, и мне назначили операцию — кесарево сечение.

Я этого не хотела — боялась умереть на операционном столе. Особенно я боялась общего наркоза и даже умоляла врачей обойтись без него, но по-другому они не оперировали.

Тогда я подумала, не поехать ли рожать во Францию, а дочерей оставить на попечение Хусейна. Однако из-за большого срока беременности авиакомпании отказывались продать мне билеты, не желая принимать на себя ответственность за возможные роды во время полета. В общем, я разделяла их мнение.

Однажды, когда я была на последнем месяце, мы решили с Норой пойти погулять.

— Хочется выйти, а то я совсем задыхаюсь в четырех стенах. Пойдешь со мной?

— Еще бы. Мне тоже кажется, что здесь я медленно умираю.

— Не переживай, здесь ты не умрешь. И не забывай, что когда-нибудь мы уедем. А пока просто пойдем погуляем.

Надев вуаль, вместе с дочерью я вышла на улицу. Идти было трудно и непривычно — как правило, Хусейн возил меня в автомобиле. Я еле передвигала ноги.

— Хорошо вот так пройтись по улице!

— И это ты называешь пройтись по улице, мама! Мы просто вдохнули немного воздуха, не более.

— Я понимаю, это не та свобода, которой ты жаждешь. Это лишь небольшой глоток, подаренный нам Господом. Когда-нибудь мы станем свободными и пойдем туда, куда пожелаем.

— Я больше не верю в этот твой день. Он удаляется и удаляется, а не приближается. Мне кажется, что мы так и сдохнем в этой проклятой стране! — выпалила Нора в слезах.

Вдруг нас нагнал незнакомый мужчина и, посмотрев с презрением, плюнул нам под ноги и крикнул:

— К дьяволу нечистых!

Большего Норе не требовалось — она сразу убежала домой. Политическая ситуация не изменилась: по-прежнему царила атмосфера террора и отчаяния. Сколько еще так могло продолжаться? К счастью, Мелисса еще не сталкивалась с подобным. Она была младше и, в отличие от сестры, лучше приспосабливалась к жизни здесь.

Поздно вечером раздался телефонный звонок. Уверенная, что это Хусейн звонит предупредить, что опаздывает, я взяла трубку. Это был не он.

— Значит, ты ждешь радостного события? А знаешь ли ты, каким оно будет? Мы вспорем тебе живот, вырвем твоего ублюдка и убьем, а вместо него засунем голову твоего мужа. — И говоривший зашелся демоническим смехом.

Я быстро отошла от аппарата.

От пережитого волнения сон как рукой сняло. Да и Хусейн до сих пор не вернулся. Я молила Бога, чтобы с ним ничего не случилось, и, не в силах усидеть на месте, ходила по комнате из угла в угол.

— Кто звонил? — поинтересовалась Мелисса.

— Хусейн. Сказал, что задерживается. Спи, моя хорошая, — соврала я, чтобы успокоить ее.

Хусейн вернулся поздно ночью. Стоило ему переступить порог, как я сорвалась на крик. Мой гнев пронесся по дому подобно урагану. Я договорилась до того, что обвинила его во всех своих бедах. Конечно, это было несправедливо, но я никак не могла себя сдержать. Сохраняя спокойствие, Хусейн пытался меня успокоить, но тщетно.

Вдруг я почувствовала, как по ногам потекла теплая жидкость — начали отходить воды! Но ведь до родов еще три недели! Я не хотела кесарева сечения! Я отказывалась рожать, потому что была убеждена, что анестезиолог воспользуется случаем и убьет меня. Постепенно я становилась параноиком, все больше впадала в панику.

По-прежнему сохраняя хладнокровие, Хусейн пошел за машиной. Я воспользовалась моментом, чтобы прийти в себя, Дети дремали, я лихорадочно соображала. Они не должны были оставаться одни дома, пока не вернется Хусейн. Моя соседка Малика могла бы за ними присмотреть, и я позвонила ей.

— Малика, прости, что разбудила. Я вот-вот рожу. Сможешь присмотреть за девочками, пока не вернется муж?

— Уже одеваюсь и бегу, Самия.

Я вздохнула: одна проблема решена. В коридоре я увидела Нору.

— Что случилось?

— Воды отходят, мне нужно в больницу. Твои братья спешат с тобой познакомиться. Сейчас к вам придет соседка. Если вдруг со мной что-то случится, обещай заботиться о сестре. Не позволяй, чтобы вас разлучали. Я хочу, чтобы вы всегда были вместе. Не забывай — я люблю вас обеих.

— О чем ты, мама? Ты говоришь так, словно покидаешь нас навсегда!

— Я сделаю все, чтобы вернуться. Успокойся. Это так, на всякий случай. Роды все-таки.

Вошел Хусейн с Маликой. Я обняла старшую дочь и вышла с Хусейном, который одной рукой поддерживал меня, а в другой держал сумку. Я покидала семью с неспокойным сердцем.

Бригаду медиков предупредили о нашем приезде, и меня сразу же уложили на операционный стол.

— Неужели необходимо меня резать? Может, я смогу родить сама? — спросила я.

— Необходимо, мадам. В противном случае мы рискуем потерять ваших детей.

Пока готовились к операции, я увидела, что Хусейн куда-то уходит.

— Куда ты, Хусейн?! — закричала я. — Вернись, ты мне нужен!

— Буду через минуту. Позвонили со службы. Что-то важное. Я тебе потом объясню.

Вскоре медсестра сообщила, что мужа срочно вызвали, но он вернется, как только освободится. Анестезиолог был готов.

— Я отказываюсь, чтобы меня усыпляли в отсутствие моего мужа, — твердила я без умолку, еще больше пугая себя.

— Мадам, успокойтесь. От этого зависит жизнь ваших детей, — пытался успокоить меня врач, постепенно теряя терпение.

Я не доверяла никому. Мне казалось, что весь медицинский персонал состоит из террористов, которые причинят мне зло. Чтобы ввести мне наркоз, пристегнули руки и ноги ремнями. Анестезия подействовала сразу, и я отключилась.

Я не реагировала, хотя находилась в полусознательном состоянии. Так, словно я беспомощно качалась в лодке по волнам. Акушер и анестезиолог переговаривались между собой, не обращая на меня внимания. Потом чей-то голос провозгласил о рождении первого ребенка:

— Два килограмма сто граммов.

Мне становилось все хуже, и я решила подать знак, что я здесь, наполовину в сознании. Сконцентрировав всю силу на пальце, я подвигала им, чем привлекла внимание анестезиолога. Тот предупредил своего коллегу:

— Надо срочно усыпить ее до конца. Хотя, учитывая ее возбужденное состояние, я вкатил ей дозу, от которой уснула бы и лошадь. Впервые в моей практике происходит нечто подобное.

После повторной инъекции я заснула, но опять ненадолго и вскоре снова пребывала в полусне. В тот момент, когда врачи доставали второго ребенка, было очень больно, и я снова пошевелила пальцем.

— Мой Бог! Она снова проснулась! Ты уверен, что вколол ей двойную дозу?

— Только без паники. Сейчас дам еще! Она в самом деле отказывается спать! — ответил анестезиолог обеспокоенному акушеру.

Я уснула в третий раз и очнулась, когда мне накладывали швы.

— Все хорошо, мадам, не беспокойтесь! Остался еще один маленький стежочек. Знаю, вам было больно, больно и сейчас. Все, конец!

Анестезиолог погладил меня по лбу.

— Я работаю анестезиологом с двадцати семи лет. Это первый случай, когда пациент не смог заснуть после стольких уколов. Вы упрямая, мадам. Сказали, что не будете спать, — и не спали! — сказал он смеясь.

— Ваши дети абсолютно здоровы, — добавил акушер вежливо.

Только теперь, когда я поняла, что врачам можно полностью доверять, я смогла расслабиться. После трех часов глубокого сна я услышала голос Хусейна. Я отвернулась от него, потому что сердилась за то, что он оставил меня одну в столь критический момент.

— Что делать, — оправдывался он, — я обязан подчиняться приказам начальства. По-другому никак.

— Смог бы и по-другому, если бы захотел. Ты знал, что я не доверяю здешним врачам, и все-таки оставил меня одну. Никогда тебе этого не прощу.

Хусейна мои слова огорчили. Он взял меня за руку.

— Здесь ты в полной безопасности. Я знал, в чьих руках тебя оставляю. Это военный госпиталь.

— Военный или нет, но при желании меня могли убить, без тебя я беззащитна. Я боюсь умереть, потому что тогда мои дети останутся одни.

Последняя фраза была моей коронной, Хусейн знал ее наизусть.

— Самия, напоминаю тебе свое обещание: я позабочусь о тебе и твоих детях. В который раз клянусь тебе.

Хусейну не терпелось увидеть своих близнецов, а вернувшись, он рассыпался комплиментами в их адрес.

— Какие они хорошенькие оба! Они так лежат рядышком: старший, Риан, как мы с тобой договорились его назвать, положил руку на щеку брата Элиаса. Они прекрасны. Спасибо, Самия! Я так тебе обязан.

И поцеловал меня в лоб.

— Ты не обязан меня благодарить, Хусейн. Мальчики — это дар Божий. Я здесь ни при чем.

Произнеся слова из своего далекого прошлого, я вспомнила свое детство и мать, для которой я была отравленным даром дьявола.

Мне хотелось объяснить мужу, отчего я умолкла, но момент казался неподходящим, да и вины Хусейна в моем несчастном детстве не было. Он буквально искрился от счастья. Мы условились, что в следующий раз он придет меня проведать вместе с девочками. И муж вернулся домой, предоставляя мне возможность отдохнуть. Я осознавала, что не стоило сердиться на него, но и он должен был понять степень отчаяния, которое я испытала. В глубине души я так и не смогла простить ему, хотя никогда больше вслух об этом не вспоминала.

Меня клонило в сон, необходимо было выспаться, но, засыпая, я спросила себя, смогу ли защитить четверых детей и уехать из этой страны. Усталость раздувала опасения.

Утром с Хусейном приехали Нора и Мелисса, чтобы проведать меня и познакомиться с братиками.

— Какие они маленькие! Какие они крошечные! — восклицала Нора.

— Это Риан, а это Элиас, верно? — догадалась Мелисса.

— Верно. Можно сказать, что ты уже с ними знакома, — улыбнулась я и повернулась к Норе. — Дома все в порядке?

Я успела увидеть, как Нора с Хусейном обменялись взглядами, и настояла на том, чтобы мне сказали правду.

— Было несколько звонков с угрозами. Всякие глупости, как обычно.

— Что именно говорили?

— Что твоя радость не будет длиться долго. Я ответила, что у тебя двойная радость, потому что у тебя два ребенка и ты счастлива. Тогда звонивший сказал, что счастье скоро закончится, как и твоя жизнь.

Я взяла ее за руку и погладила.

— Не позволяй, чтобы это выводило тебя из равновесия. Нам угрожают давно. Но за этим ничего не стоит. Нас просто хотят запугать. Только и всего. Они агрессивны только на словах, на самом деле они ничего нам не сделают.

— Не надо было тебе все это рассказывать, мама. Не хотелось омрачать твою радость.

— Ты не омрачила мою радость, Нора. Меня это меньше всего трогает. С каждым днем я становлюсь более толстокожей. Хусейн, спроси у доктора, когда меня выпишут. Так хочется вернуться домой вместе с вами!

— Не рано ли? Кто поможет тебе с малышами, если мы заберем тебя сейчас?

— Нора поможет мне. Соседка придет, когда у нее будет свободное время. Я хочу домой, пожалуйста.

Мой муж отправился на поиски врача, а я стала кормить малышей.

Мне позволили поехать домой при условии, что через три дня я вернусь, чтобы снять швы. Как хорошо было оказаться дома! Я чувствовала себя легко. И не только физически, но и морально. Я была готова встретиться лицом к лицу с проблемами, готова активно действовать.

* * *

Последующие месяцы 1996 года я посвятила все свои силы семье и близнецам. К счастью, старшие дети не отказывались мне помогать, когда у них появлялась такая возможность. Когда я занималась Рианом, а Элиас начи-

нал плакать, они спешили к нему, не дожидаясь просьбы. Благодаря дочерям и Хусейну заботиться о близнецах было легче, чем восстановить силы после родов. И хотя мы жили в Алжире, в нашей семье царил мир.

Я не выходила из дома и чувствовала себя вполне нормально. Как-то раз ко мне с визитом зашла младшая сестра Амаль. Это стало большим сюрпризом для меня! Родители не знали и не должны были знать, что она пришла к нам. Иначе она могла пожалеть. Ее визит взволновал меня. Она пришла, узнав о рождении племянников, а я решила спросить у нее о семье.

— Мать знает о рождении близнецов?

— Да. Я сама ей об этом сказала.

— Как она отреагировала? Должно быть, довольна. Два мальчика сразу.

— Не хочу тебя расстраивать, но она не считает их своими внуками. Для нее они незаконнорожденные. Ты ведь знаешь мать. Она сначала говорит, а потом думает.

— Еще бы. Ну и пусть. Мнение матери для меня уже ничего не значит. Я даже счастлива, что моим детям не придется общаться с ней. Знать ничего не хочу о своих родителях. Сколько зла они мне причинили! Моя семья — это мои дочери, близнецы и мой муж Хусейн. Я думаю только о том, чтобы уехать отсюда и жить спокойно.

— Я люблю тебя, — со слезами на глазах заверила меня Амаль, перед тем как проститься. — Береги себя!

Визит сестры стал для меня символичным: впервые я проговорила вслух, что сжигаю все мосты, связывающие меня с семьей, и беру на себя ответственность за свои поступки.

Семейные узы для меня означали связь с моими детьми, а моя новая семья стала самой главной. Мы сами строили свою жизнь. Наконец-то я выросла.

Нора не посещала школу в течение многих месяцев, всю себя отдавая младшим братьям. Она сама стала им как мать. Однако меня беспокоило то, что она перестала следить за своей внешностью, потеряла к этому интерес. Я была признательна ей за помощь, но все же не хотела делать собственную дочь несчастной. В таком возрасте у подростков совсем другая жизнь.

Как-то утром в дверь постучали. Вежливо, но требовательно. Это была соседка. Она была чем-то взволнована.

— Позови своего мужа, Самия! Быстрее!

Хусейн сразу прибежал на мой зов. Он был крайне удивлен, ведь прежде Малика никогда не обращалась непосредственно к нему.

— Пойдемте со мной, господин Рафик. Кто-то исписал все стены вашего дома!

Осмотрев дом снаружи, Хусейн вернулся за краской, чтобы стереть угрозы. Он попросил нас не выходить из дома до тех пор, пока не закончит. Но я стала надевать вуаль.

— Не выходи, мама, пожалуйста! — просили девочки.

— Не могу. Это сильнее меня! Я должна знать, что осмелились написать эти негодяи.

Вот что там было: *УБЕЙТЕ ЕЕ И ОЧИСТИТЕСЬ ЕЕ КРОВЬЮ*.

Эти слова, написанные красной краской, повергли меня в шок. К подобным угрозам я привыкла, но видеть их на стенах собственного дома было ужасно. Некоторые соседи озадаченно смотрели на меня, а один бородатый мужчина, стоявший поодаль, плевал на землю и что-то бормотал. Я пристально смотрела на собравшихся. Душа уходила в пятки, но я хотела показать всем, что я сильная женщина. Прежде чем войти в дом, я повернулась к ним спиной.

Пока Хусейн стирал надписи, тот бородач подошел к нему.

— Как ты можешь жить с проклятой Богом женщиной?

— Сам ты проклятый! — заорал Хусейн.

Когда он рассказал нам об этом, Нора едва сдерживала себя от ярости.

— Мы сдохнем в этой стране сумасшедших!

Я не знала, что делать. Уезжать с четырьмя детьми? Это будет нелегко. Может, стоило немного подождать?

Но пока я раздумывала, случилось то, чего я опасалась: я опять забеременела.

Пятая беременность была для меня сюрпризом из-за регулярных непрекращающихся месячных.

Когда появились уже привычные признаки, я расплакалась и принялась ругать себя, а заодно и Хусейна, которого записала в главные виновники. Даже разговаривать с ним не хотела. Рассорившись с мужем, я опять обратила гнев на себя: «Если бы я была внимательна... если бы...» Мое настроение не могло не передаться детям.

Нора теперь тоже часто плакала или просто сидела в своей комнате с угрюмым видом. Она стала меньше общаться с братьями, хотя очень их любила. В доме установилась тяжелая атмосфера. Каждое утро, поднимаясь с постели, я старалась настроить себя на положительную волну, чтобы пережить день. Но получалось неважно. Первые месяцы беременности были скучны и монотонны. Из дома выходили только Хусейн и Мелисса, а Нора погрязла в домашней рутине.

Шел девятый месяц, а мой живот оставался небольшим, меньшим, чем с другими детьми. Впрочем, врач

заверил, что ребенок развивается нормально, но все равно я не хотела рожать в Алжире, боялась, что мне опять сделают кесарево сечение, которого на этот раз я точно я не переживу. Не хотелось, чтобы повторился кошмар предыдущих родов. Мы с Хусейном решили, что я отправлюсь рожать во Францию. Я поеду одна и вернусь с новорожденным, а Хусейн возьмет на это время отпуск и останется дома с детьми.

В день отъезда — это было за три недели до намеченного срока — я чувствовала себя очень усталой. Одолевали сомнения: а вдруг я рожу по дороге в аэропорт? Или, чего доброго, во время полета? Чтобы меня пропустили на посадку, я надела очень просторную одежду, а стюардессам соврала, что у меня пятый месяц.

Оказавшись в кресле самолета, я подумала, что когда-нибудь улечу вместе с моими детьми. Мечтала я недолго, хватало и земных проблем. Куда я пойду? Я давно не бывала во Франции. Ни на кого из родственников я рассчитывать не могла.

Оставались подруги, но их адреса могли измениться, да и я много лет не поддерживала с ними отношений. Но главная проблема состояла в отсутствии медицинской страховки, без которой меня могли не положить в больницу, а в кармане оставалось несколько франков.

Только теперь я осознала свою безответственность. Я ввязалась в авантюру без заранее продуманного плана, без финансовых и иных средств. Я так хотела не попасть в алжирскую больницу, что ни о чем другом не думала! Я была уверена, что Франция примет меня с распростертыми объятиями, как птенчика, выпавшего по неосторожности из гнездышка. Где же выход из этого тупика?

Схватки начались, когда самолет заходил на посадку. Из аэропорта меня увезла машина «скорой помощи». Первое, о чем спросили у меня в больнице:

— Вашу страховую карту, пожалуйста!

— У меня уже давно нет страховки, — честно призналась я.

— Нет страховки! Но ведь вы наблюдались у врача во время беременности? — уточнила медсестра.

— У врача я была всего один раз. В Алжире. Я уехала из Франции пять лет назад.

— Подождите, я сейчас.

Через несколько минут медсестра вернулась в сопровождении врача, который осмотрел меня и сразу ушел. Медсестра осталась со мной.

— Вы выглядите слабой. Наверное, вы плохо питались во время беременности? Какой была ваша жизнь в Алжире?

— Я питалась хорошо, но с первого дня после возвращения туда, то есть на протяжении пяти лет, я живу в постоянном напряжении.

— У вас есть еще дети?

— Это мой шестой, — гордо ответила я.

— Где они?

— Долго рассказывать. Четверо сейчас с мужем, а самый старший вырос с бабушкой.

Я немного рассказала медсестре о своих злоключениях.

— Я должна буду уйти, раз у меня нет страховки?

— Не беспокойтесь. Вы слишком слабы, чтобы куда-то идти. У вас низкий уровень гемоглобина, значит, высок риск потери сознания в любой момент. Подождем результатов анализов, а потом вы свяжетесь со службой социальной помощи, и они обязательно что-нибудь придумают.

Я поняла, что попала в надежные руки. Как хотелось разделить с моими детьми это чувство свободы, эту заботу, которые я испытывала! Здесь я бы без колебаний согласилась и на анестезию, и на кесарево сечение.

Представителем службы социальной помощи оказалась женщина средних лет маленького роста, которая при ходьбе опиралась на тросточку. Я рассказала ей все. Ее тщедушность контрастировала с необычайной деликатностью и великодушием.

Она сразу приступила к делу.

— Когда вы покинули Францию?

— Пять лет назад, мадам.

— Значит, пять... Я пока не знаю, как буду действовать, но решение найду обязательно. Постараюсь добыть для вас страховку. Разумеется, вы останетесь в больнице. Для вас это шанс.

Маленькая женщина ушла, одарив меня на прощание внимательным взглядом поверх очков, от которого хотелось жить. Оставшись одна в палате, я думала о хорошем, настраиваясь на роды.

Схватки становились все интенсивнее. Медсестра сказала, что для операции я слишком слаба, поэтому мне сделают стимулирующую капельницу, и я смогу родить самостоятельно.

Это меня устраивало как нельзя лучше. Как это отличалось от предыдущих родов! Оставаться в сознании и помогать рождению своего ребенка! Какое счастье!

Роды благодаря Господу прошли легко, без мучений. Вскоре я держала в руках хорошенького мальчика.

Женщина из службы социальной помощи принесла сумку с детскими вещами, игрушками и продуктами.

Я думала, что успею обзавестись всем этим до родов. Жизнь распорядилась иначе.

⁂

В больнице я абсолютно ни в чем не нуждалась, только скучала по детям. Ко мне относились как к королеве, а к малышу как к принцу. Представитель социальной службы получила для меня медицинскую страховку на срок до шести месяцев.

Здесь я провела две недели. Отдохнув, окруженная заботой врачей, я набрала несколько килограммов и обрела здоровый цвет лица.

Но настало время готовиться к отъезду. Так не хотелось покидать этот островок благополучия и внимания! В то же время я хотела поскорее увидеть детей, мне их так не хватало. Я уезжала, обещая вернуться с ними.

Работники больницы пожелали мне счастливого пути, и я горячо поцеловала женщину из службы социальной помощи, благодаря за то, что она позволила мне почувствовать себя счастливой. Моего сына положили в нагрудный рюкзачок, и машина «скорой помощи» отвезла меня в аэропорт. Вот это сервис!

Полет прошел нормально, экипаж был приветлив, но сразу после посадки я почувствовала себя зажатой в тиски. Алжирский климат мгновенно стер французское благополучие. Я узнавала суровые, изможденные лица жителей своей страны. Неохотно надела вуаль. Какое-то время я думала, что это последствия родов, но потом поняла — я опять отказывалась от себя как от личности.

Меня встречал муж. Увидев меня с ребенком, он побежал навстречу и с гордым видом взял сына на руки.

— Привет, Захария! Ты самый лучший!

Меня же он просто чмокнул в лоб. За время, пока мы не виделись, мы успели стать друг другу немного чужими.

По дороге я рассматривала красочные пейзажи моей земли. Алжир можно было бы назвать красивой страной, если бы не его обитатели, которые делали тамошнюю жизнь невыносимо сложной. Что особенно хорошо у них получалось, так это сеять в сердцах страх и ненависть. У кого была возможность уехать, давно это сделали. Тот, кто этого не смог, просто пытался выжить всеми возможными способами.

Я торопилась к детям, так хотела рассказать дочерям о Франции и о тех замечательных людях, которых я там встретила.

Мелисса увидела меня первой и с криком: *«Мама приехала!»* — бросилась ко мне в объятия.

— Мама, мы так по тебе соскучились! Я не хочу, чтобы ты еще уезжала. Мы так долго тебя ждали!

— Обещаю, что больше не уеду. Как вы?

— Хорошо, только этот проклятый телефон постоянно звонил. А так все в порядке.

Она прыгала на одной ноге вокруг себя, и я, счастливая, прижала ее к груди. Ничто в мире не могло сравниться со счастьем увидеть детей. Моя семья была и до сегодняшнего дня остается моим самым главным богатством.

Радость оказаться дома заставила меня забыть на какое-то время о горестях. В тот же вечер с Хусейном и Норой мы серьезно обсудили перспективы переезда во Францию. Хусейн уже был в курсе нашей предыдущей неудачной попытки, поэтому обещал сделать все возможное, чтобы мы уехали. Самое большое препятствие заключалось в том, что Мелиссе было только двенадцать лет, и для того чтобы пересечь границу, ей по-прежнему

требовалось разрешение биологического отца. В Алжире совершеннолетняя девушка, то есть если ей исполнилось восемнадцать и она не замужем, может ехать из страны без разрешения. Нора уже могла ехать, но Мелисса... Выхода не было, и мы в который раз отложили осуществление нашего плана, с головой окунувшись в повседневные заботы.

Вскоре Нора сообщила, что при помощи соседки нашла работу в гостинице класса люкс на окраине столицы. Новость меня обрадовала и обеспокоила одновременно, ведь теперь ей придется работать время от времени и по вечерам. Даже то, что ее будут привозить домой служебным транспортом, не гарантировало безопасности в пути. Но и держать дочь возле себя я больше не могла. Нора помогала мне по дому и с малышами, но она должна была жить собственной жизнью. Я подбодрила ее, зная, что расплачиваться буду собственными нервами. Я боялась засад: террористы одевались в военную форму, останавливали машины, убивали пассажиров и похищали молоденьких девушек. Каждый вечер со страхом я ждала возвращения старшей дочери. Увидев ее живой и здоровой, я благодарила Господа и получала удовольствие от ее рассказа о прошедшем рабочем дне и радовалась оттого, что у нее проснулся интерес к жизни вне семейного кокона.

Однажды, когда я допоздна не ложилась, ожидая Нору, пришел Хусейн, от которого пахло женскими духами. Присмотревшись к мужу, я увидела, что воротник его рубашки испачкан губной помадой. Я страшно разозлилась. Теперь мне стали понятны его поздние возвращения со службы. Припомнила я и случай во время родов, когда он оставил меня одну. Что это было тогда? Работа или объятия другой женщины? Этого я так никогда и не узнала.

Хусейн признался, что у него есть любовница, с которой он не желает расставаться, потому что она ему тоже дорога. Тот вечер стал началом конца наших отношений, и потихоньку мы стали отдаляться друг от друга.

Обвинив его в неверности, я перенесла недовольство на себя за то, что не смогла удержать мужа. Упрекала себя за неуравновешенность и частую несдержанность. Неудивительно, что он пошел на сторону, устав от моей обеспокоенности и вечных страхов. Об истинных причинах его поведения я у него так и не спросила.

Как-то вечером, когда Хусейн уже спал, а я ждала Нору, зазвонил телефон.

— Шлюха не может родить никого, кроме другой шлюхи. Твоя байстрючка скоро попадет в засаду. Ты не увидишь ее больше!

Я бросила трубку, словно та обожгла мне руку. Нора действительно опаздывала, и меня охватила тревога. Я несколько раз обошла вокруг дома, а потом, взяв себя в руки, села смотреть телевизор. Отвлечься на телепередачу не удалось. Вдруг я услышала шум открывающейся двери — это была Нора, целая и невредимая. Я хотела обнять ее, но неожиданно она расплакалась. Мне не терпелось поскорее узнать, что же произошло, но я сдержалась.

— Мама, мне страшно за свою жизнь!

— Успокойся, а когда тебе станет лучше, ты мне все объяснишь.

Отдышавшись, Нора стала рассказывать.

— Водитель автобуса спас меня от смерти. За несколько метров до патруля он понял, что это переодетые террористы, и велел спрятаться под сиденья. Самир и Амин набросили на свои колени куртки, чтобы меня не было

видно. Я лежала на полу автобуса, не смея пошевелиться, и дрожала от страха. Хотя друзья прикрыли место, где я пряталась, я понимала, какой опасности подвергаюсь. Автобус замедлил ход и остановился. Я перестала дышать, чтобы лучше слышать каждый звук — ведь мне ничего не было видно. Внезапно чей-то грубый голос спросил, есть ли в автобусе девушки? Казалось, что время остановилось. Я молилась, просила Господа помочь мне. Вокруг автобуса что-то происходило, но я не знала, что именно. Меня бросало то в жар, то в холод, я была готова к самому худшему. И вдруг среди звуков я различила вой полицейской сирены. Господь внял моим молитвам. Террористы убежали, спасаясь от полиции, а я смогла наконец вздохнуть и выбраться из убежища. Мне повезло. Я горячо поблагодарила водителя и своих друзей.

Закончив рассказ, она опять расплакалась. Я обняла дочь. Этот ложный патруль подтверждал реальную опасность, которой Нора подвергалась по пути с работы. Мои страхи были не беспочвенны, а подобное везение не могло длиться вечно.

Нора долго не могла успокоиться, и ее судорожные рыдания передавались и мне.

— Представляю, как ты перепуталась. Ты увидела реальную опасность. Было бы лучше, если бы ты бросила работу. Стоит тебе опоздать хоть на минуту, как мне кажется, что тебя похитили.

— Мне нужно работать. Ты знаешь, что я не хочу сидеть дома. Обещаю: я потребую, чтобы мне изменили график. Днем дороги хорошо охраняются. Так будет лучше для нас обеих.

На следующий день Нора осталась дома. Вчерашнее событие подкосило ее, хотя внешне она старалась не подавать виду. Объяснив начальству причину своего отсутствия, она попросила составить для нее другой график работы и получила согласие.

Еще раз она вспомнила о своем злоключении через день. Я внимательно слушала ее, не перебивая, потому что понимала: таким образом она хочет избавиться от пережитого стресса. И тогда я упомянула о телефонных угрозах той ночью.

— Перед твоим приходом мне позвонили и предупредили, что ты попадешь в засаду, а я больше тебя не увижу.

— Прости меня за беспокойство, которое я тебе причиняю, но мне нужно работать. Работа — это единственная отдушина, которая помогает мне забыть, в какой дурацкой стране мы живем.

— Я все понимаю и не сержусь.

День за днем политическое напряжение возрастало, приближаясь к нам, подобно змее, обвивающей свою добычу.

Муж часто менял места службы, его рабочий день был не нормирован. Он приходил и уходил, разрываясь между работой, домом и любовницей, а я все время сидела дома — ухаживала за малолетними сыновьями и переживала за дочерей.

Вскоре произошел еще один инцидент. Это случилось на рассвете в пять часов утра. Нора ожидала свой автобус в двухстах метрах от дома, а я дремала с Рианом — малыш перебрался ко мне ночью из-за приснившегося кошмара. Внезапно щелкнул дверной замок, и вбежала Нора, в отчаянии выкрикивая мое имя. Я поняла: случилось что-то серьезное — вскочила с кровати и выбежала из спальни.

У дочери слезы текли ручьем. Я пыталась приласкать ее, успокоить, а она бормотала, икая.

— Если бы ты знала, как мне страшно, мама! Я думала, что больше тебя никогда не увижу. Думала, все, конец. Обними меня, мама!

— Что с тобой случилось? Кто тебя напугал? На тебя напали? Ты не ранена? — Я засыпала ее вопросами, хотя понимала, что должна сохранять спокойствие, необходимое моей дочери в этот момент.

Я несколько раз глубоко вздохнула. Дочь тоже. Я опять спросила, не ранена ли она? Слезы хлынули с новой силой. Вид ее оставлял желать лучшего: одежда измята, волосы взъерошены, щеки бледны. Ей нужно было время, чтобы прийти в себя.

— Мама, они меня чуть не схватили! Они меня чуть не схватили!

— Рассказывай, милая! Что произошло?

— Я ждала автобуса, как вдруг рядом со мной остановилась машина. Там было двое мужчин. Один из них вышел и направился ко мне. Двигатель автомобиля продолжал работать. Если бы ты его видела, мама! Он был омерзитеден. Некрасивый, грязный, бородатый! Рубашка перепачкана кровью. Я хотела убежать домой, но мой автобус вот-вот должен был подъехать.

Он спросил, что я делаю на улице в столь ранний час. Недовольный моим,ответом, он повысил голос, глянув при этом на товарища, сидевшего в машине: «Ты смеешься надо мной. Какая может быть работа в пятницу утром?»

Нора сделала паузу, чтобы отдышаться. Я гадала: может, она ищет силы, чтобы продолжить рассказ, который шокирует меня? Неужели эти мерзавцы изнасиловали ее посреди улицы? Далее Нора говорила спокойнее:

— Ласковым голосом он сказал, что он медиум и умеет предсказывать будущее по линиям руки. Я сразу спрятала руку за спину, ответив, что только Богу дано предсказывать будущее. Он пришел в ярость и закричал, что я ничего не знаю. Что он и есть Бог. Я поняла, что имею дело с сумасшедшим, который может стать вообще неуправляемым. Я не знала, как поступить. Даже хотела показать ему руку, чтобы он успокоился. Я видела следы засохшей крови на его рубашке и на руках. Дело принимало опасный оборот, и мне стало страшно. Он схватил меня за руку и потащил в машину, а я отбивалась, как могла. Я поняла, что это террористы и они могут меня убить. Я кричала, но улица была пустынна, никто меня не слышал. Он схватил меня за волосы. Мне было очень больно. Потом он вынул нож и приставил лезвием к горлу. Я была уверена, что он убьет меня. Ноги меня не слушались, и я даже перестала отбиваться, как вдруг услышала визг тормозов и крики. Какая-то машина развернулась. Кто-то, спеша ко мне на помощь, выкрикивал мое имя. В тот момент я была почти без сознания и не очень помню, что произошло дальше. Я словно превратилась в куклу, с которой можно было делать что угодно. Как в тумане, я отметила, что бандит отпустил меня, и я упала на асфальт, а потом снова услышала свое имя и почувствовала, как кто-то пытается меня поднять...

— Кто это был?

— Не помню, как их зовут. Двое моих школьных товарищей. Ночь они провели в баре и, возвращаясь домой, совершенно случайно оказались рядом. Они узнали меня и пришли на помощь. Если бы не они, то... Я боюсь даже подумать...

— Хвала небесам, что в нужный час они послали тебе этих добрых самаритян. Эта страна все более и более опасна. Твои мучения не напрасны. Мы точно уедем отсюда, поверь мне. А пока прими ванну и отдохни.

Окончательно убедившись, что ходить на работу для нее рискованно, дочь решила уволиться. Целую неделю Нору одолевали кошмары, в которых ее похищали и мучили. Она перестала есть, часто плакала без видимой

причины. Ее поведение стало непредсказуемым: то она впадала в истерику, то в апатию. Я перестала ее узнавать. Нора перенесла настоящую психическую травму, и требовалось время, чтобы последствия сгладились. Но чем больше времени проходило, тем меньше она интересовалась жизнью и всем, что ее окружало. Я видела, как она становится все несчастнее, и это все больше меня тревожило.

Всем вместе уехать из страны очень сложно, но Нора могла это сделать, потому что была совершеннолетней. Я высказала подобное предложение.

— Я не смогу уехать одна. Я не смогу быть счастлива, зная, что вы остались здесь. Я хочу, чтобы уехала вся наша семья! — ответила она, глядя мне прямо в глаза.

Беда никогда не приходит одна. После обеда все было очень спокойно. Вытянувшись на кровати, я играла с Захарией, а Нора и Мелисса читали в своей комнате. Хусейн курил на балконе, близнецы играли в мяч возле дома. Внезапно в дом с криком вбежал Элиас:

— Папа, мама! Быстрее! Злой бородач схватил Риана. Он приставил к его горлу нож и хочет отрезать ему голову!

В три прыжка мы с Хусейном оказались на улице. Риан лежал на земле и смотрел на нас своими огромными перепутанными глазами. От пережитого страха он не мог вымолвить и слова; лежал и не шевелился. Тщательно осмотрев его, мы обнаружили только небольшую царапину на горле. Отец держал сына на руках, а я вытирала ему лоб.

— Риан, папа и мама с тобой. Поговори с нами! Ответь маме, малыш!

Ничего. Тишина. Риан не реагировал. Увидев это, Нора расплакалась и убежала в комнату.

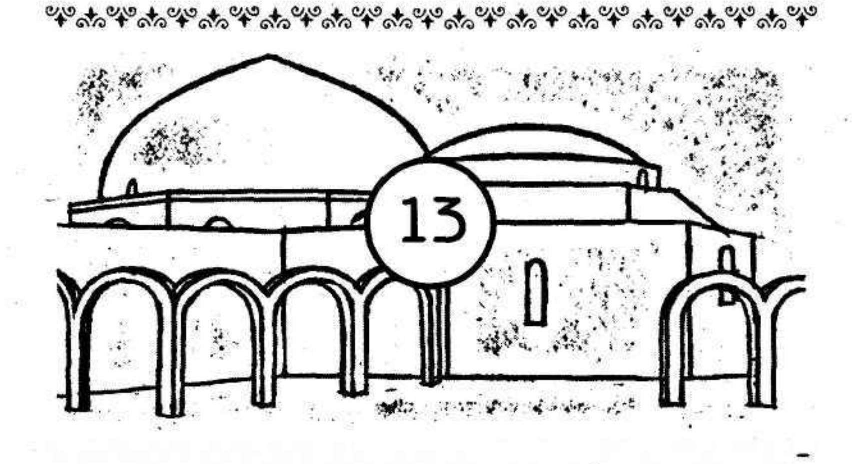
Элиас рассказал, что случилось.

— Мы играли с Рианом в мяч. Потом мяч покатился и остановился возле белого автомобиля, который стоял в стороне. Когда Риан побежал за мячом, из машины вышел бородатый грязный человек. Он схватил Риана за голову и приставил к его шее нож. Потом громко сказал: «Передай отцу и матери, что в следующий раз я зарежу тебя, как барана». Риан заплакал, а я побежал в дом за вами.

Из рассказа Элиаса мы составили представление о состоянии его брата. На всякий случай Хусейн отвез ребенка в больницу и показал врачу. К счастью, Нора захотела поехать с ними. Пусть лучше успокаивает брата, чем неподвижно сидит и переживает. Нападение, пережитое ее маленьким братом, воскресило в памяти ее собственное злоключение, но этот случай задел еще больше, потому что она очень любила своих братьев и старалась беречь их как зеницу ока. Беда Риана означала беду и для Норы.

Я тем временем взяла Элиаса на руки и, чтобы он поскорее забыл о случившемся, стала рассказывать ему истории с хорошим концом. Через несколько часов из больницы позвонил Хусейн и сообщил, что Риан до сих пор находится в шоковом состоянии, но, слава богу, его здоровью ничто не угрожает.

Чрезвычайноеположение

Мападения на Нору и Риана, происшедшие одно за другим, поставили ребром вопрос об эмиграции.

Хватит увиливать, строить воздушные замки. Если бы мишенью была только я, можно было бы вытерпеть, но то, что из-за меня страдали мои близкие, заставляло перейти к конкретным шагам. Я не могла больше видеть, как мои дети рискуют жизнью и растут в страхе. Хусейн помог мне найти решение. Нужно спасать детей, а я поеду с ними.

— Я готов расстаться с детьми, лишь бы они были в безопасности. Я буду чувствовать себя лучше, зная, что вам ничто не угрожает. Я сам с трудом переношу этот кошмар, — признался он.

Сидя на кухне, мы вдвоем выработали план отъезда. Поскольку я родилась во Франции, у меня были личные документы. Один высокопоставленный военный, друг Хусейна, взялся ускорить получение необходимых виз для совершеннолетней Норы и троих детей Хусейна.

Дело было за разрешением для Мелиссы. Коррупция в Алжире была распространенным явлением, и мы решили извлечь из него пользу для себя. Только осторожно, а не так, как в прошлый раз.

В этом помог тот же друг Хусейна. Он знал комиссара полиции, который мог сделать фальшивое разрешение с условием, что я нигде не буду упоминать его имя, что бы ни случилось. Если бы власти обнаружили злоупотребление служебным положением, он и мой муж могли бы надолго оказаться в тюрьме за фальсификацию документов.

Дело продвигалось. Через несколько месяцев со всеми необходимыми документами и билетами мы были готовы к отъезду. Сбывались наши мечты! Вылет в Париж назначен на 30 июля 2000 года.

Мы молили Господа помочь нам. Мы не знали, как устроимся в Париже, не знали, куда обратимся, у нас было мало денег и немного ювелирных украшений. Мать с пятью детьми, готовая на все ради них. Мать, которая знала: что бы ни ждало нас впереди, хуже, чем в Алжире, все равно не будет.

⁂

Утром 30 июля все были возбуждены и взволнованы. Как обычно, больше других беспокоилась я: а вдруг пограничники обнаружат, что разрешение фальшивое, и мы никуда не улетим? Как могла, я гнала от себя эту мысль.

Мелисса жаловалась на боли в желудке — она волновалась не меньше моего.

Вне всякого сомнения, Нора была самой счастливой. Как долго она упрашивала меня вернуться во Францию! Ей никак не удавалось усидеть на месте. Нора решала, что заберет с собой, поскольку хотела бы увезти боль-

шую часть своих вещей. Рассматривая какую-то вещь, она раздумывала, брать или не брать, потом непременно относила ее в разряд вещей, которые стоит увезти с собой. Может быть, потому что ей просто не'хотелось ничего оставлять после себя в Алжире и чтобы ничто не обязывало ее вернуться.

Что касается меня, то я ограничилась минимумом. Я оставляла без сожаления дом, вещи, одежду — все, за что обычно держится женщина.

Положив чемоданы в багажник, мы сели в машину. Я пообещала Хусейну регулярно сообщать ему о детях. Он переживал не меньше нашего, но страну покидать не решался.

В одиннадцать часов этого незабываемого июльского дня с чемоданами мы прибыли в Алжирский аэропорт и сразу отправились на таможенный досмотр. Я протянула все наши бумаги. Служащий долго смотрел на меня, словно подозревая что-то. Мне показалось, что он догадался: мы уезжаем навсегда. В сердце закололо. Потом он опустил глаза на документы и внимательно их пересмотрел. Я перевела дух.

— Вы все отправляетесь в отпуск в Париж? — сухо спросил он.

— Да, господин, все.

— Где отец этих троих детей?

— Там. Мужчина, который стоит у двери.

Когда он взял в руки разрешение на выезд Мелиссы, я испугалась еще больше.

— А где же отец этих двух детей? — резко спросил он.

— Он подписал разрешение, когда был в Алжире проездом. Где он сейчас, не имею понятия.

Он опять посмотрел на бумагу, потом в глаза Мелиссы и спросил:

— На сколько ты уезжаешь из Алжира?

— С мамой я проведу во Франции лето. Потом мы вернемся, господин.

Я гордилась Мелиссой — несмотря ни на что ей удалось сохранить внешнее спокойствие. После ее ответа у таможенника отпали все сомнения. Еще раз окинув нас взглядом, он небрежно проштамповал документы и с пожеланием удачного отпуска вернул мне.

Украдкой я подала дочерям знак, чтобы они не показывали своей радости и не привлекали внимания. Мы прошли в зал ожидания и только там, отойдя в сторону, стали смеяться, плакать, обниматься. Каждый радовался на свой лад. Нора скорчила рожицу, изображая таможенника.

— Так, а где же папаша этой девчонки? — говорила она, имитируя его интонации. — Ну ладно, счастливого вам отпуска или, лучше сказать, долгих лет отпуска где-нибудь подальше от этой страны. Далеко-далеко.

Она снова рассмеялась от счастья. Этот смех было так приятно слышать.

— Если бы ты знала, мама, как мне хорошо! Я уже чувствую себя свободной и полной энергии.

Самолет нес меня и детей к земле свободы. Моя мечта сбывалась, и женщина, которая родилась для того, чтобы подвергаться тирании мужчин, превращалась в женщину свободную. Подобно бабочке, выпорхнувшей из своего кокона, я начинала свой первый полет. Малыши спали в креслах, Мелисса все время улыбалась, а Нора задумчиво смотрела в иллюминатор.

Расправив крылья и налетавшись, бабочка должна думать, чем будет кормиться и где будет время от времени отдыхать. В Париже нам идти некуда. Денег было мало. Хватит разве что на одну ночь в гостинице. А дальше? Идей у меня не было.

Самолет начал снижаться. Надо было будить малышей.

— Ребятишки, вставайте. Мы прибываем во Францию. Начинается новая жизнь, и мы должны быть счастливы, — убедительно и совершенно искренне сказала я.

— Мама, а во Франции у нас будет хороший дом? У каждого будет своя кровать? — спросил Риан, которого не занимали заботы взрослых.

— Нет. Не сегодня. Но когда-нибудь у нас будет очень хороший дом и кровать для каждого.

— А где мы будем спать, если у нас нет дома? — обеспокоился он.

— Спать мы будем в гостинице.

— А что такое гостиница? — поинтересовался он.

Нора взяла его на руки и объяснила, что гостиница — это такой большой дом с множеством комнат и кроватей. Выслушав Нору, Риан стал сам объяснять это своему брату.

Французскую таможню мы прошли без проблем. Выйдя из здания аэропорта, Нора не спеша стала на колени и поцеловала землю. Таким торжественным жестом она выразила эмоции к этой земле, которые переполняли и мое сердце: благодарность, надежду и радость.

— Ну ват мы и свободны, мама! — воскликнула Нора, поднявшись. — А я уже и не надеялась, что когда-нибудь вернусь сюда.

На глазах у нее были слезы. Такси отвезло нас'в комфортабельную гостиницу. Для первого раза цена значения не имела, ведь я хотела, чтобы дети запомнили этот

день счастливым. Жить одним днем — таков был мой девиз в тот момент.

Сыновья развлекались игрой в прятки, бегая по двум большим комнатам, которые я заказала. Потом они придумывали игры с водой в большой красивой ванной, пока дочери ходили в магазин, чтобы купить что-нибудь к ужину и осмотреться в своей родной стране. Однако беззаботная жизнь не могла длиться долго. Завтра придется решать, как накормить голодные рты и обеспечить крышу над головой. Как не опустить руки и выйти из положения? Я не хотела делиться своим беспокойством с девочками, чтобы не портить им настроение. Я хотела быть на высоте. Еще бы, разве я не выполнила обещание, что мы окажемся во Франции? Я хотела быть уверена, что приняла самое лучшее решение для моих детей!

Девочки вернулись, и мы принялись за еду Глядя на склоненные над столом головы, я набиралась храбрости достойно встретить завтрашние испытания. Решила так: завтра с утра мы пойдем в центр социальной помощи. Принятое решение помогло мне уснуть спокойно. Завтра будет новый день.

В центре социальной помощи мы стали в очередь. После часа ожиданий близнецы разбаловались, а Захария принялся хныкать, поэтому я облегченно вздохнула, когда подошла наша очередь. Работник социальной службы приняла меня в кабинете, который, когда я с детьми вошла туда, превратился в крошечный.

— Они все с вами?

— Да, это мои дети.

— И эта взрослая девушка тоже? — спросила она, покаaывая на Нору.

— Тоже.

— Было бы неплохо, если бы половина из вас осталась в коридоре, — холодно заметила она.

Мелисса с близнецами вышли в холл, а я ввела служащую в курс наших дел. Она слушала внимательно и взволнованно, а потом спросила, есть ли у меня во Франции родственники.

— Есть, но будет лучше, если они не узнают обо мне. От этого зависит наша безопасность. Те, от кого я бежала, могут найти нас.

— Понимаю. Но вам нужно где-то жить.

— Я ни с кем не могу контактировать. Ни с родственниками, ни даже с друзьями. Я не хочу, чтобы нас нашли.

— Ваша старшая дочь совершеннолетняя?

Я кивнула, ощутив легкий укол в сердце.

— Вам придется разделиться. Ее поселят в Центре молодежи, — проговорила она, пристально разглядывая Нору.

— Я не хочу покидать семью, — резко отреагировала Нора. Ее голос срывался на плач. — Никто не разлучит меня с моими близкими.

— Таков порядок, мадемуазель. Вы взрослая, и ваше место с вашими сверстниками.

— Я не хочу. Мое место с моей семьей. Не разлучайте нас, пожалуйста! Я приехала сюда не для того, чтобы расстаться с любимыми людьми.

Служащая не могла понять реакции Норы. Обычно молодые люди стремятся жить в окружении молодых людей своего возраста, подальше от взрослых. Нора была не такой. Для нее семья была спасательным кругом, гарантом стабильности и безопасности.

Переговорив по телефону с коллегой, служащая сказала Норе:

— Я поговорила с коллегой из Центра молодежи. Он не возражает, чтобы ты осталась с семьей. Если передумаешь, можешь позвонить ему в любое время. В гостинице вы проведете трое суток, также вы получите талоны на питание в ресторане за счет службы.

— Где находится эта гостиница?

— В пригороде Парижа. Не люкс, конечно, но будет где пожить три дня, а я пока придумаю, что делать дальше. Жду вас через три дня, а сейчас отдыхайте.

Гостиница оставляла желать лучшего: ободранные стены без обоев, подходы засыпаны мусором, а окна такие грязные, что едва пропускали солнечный свет. Дети не осмеливались войти внутрь, а Нора с Мелиссой не скрывая выражали отвращение.

— Это что еще за место? Мы не будем здесь спать!

— Только три дня, девочки! У нас нет выбора. Это лучше, чем оставаться на улице!

С опаской я подошла к стойке администратора, за которой сидел небритый мужчина с трехдневной щетиной и татуировками от ладоней до плеч. Его огромный живот, казалось, вот-вот разорвет пуговицы жилета.

— Это вы та самая женщинах пятью детьми, которую прислали из службы социальной помощи? — вместо приветствия хрипло спросил он.

— Да, это я. А вот мои дети.

— Должен вас предупредить, мадам. Место не очень-то подходящее для маленьких деток. Странно, почему социальная служба направила вас именно к нам. И еще, на ночь не забывайте закрывать дверь на замок.

Услышанное не внушило доверия, поэтому я.перезвонила в социальную службу.

— Сейчас я подыскиваю вам более подходящее жилье. Пока только в этой гостинице согласились принять вас

с пятью детьми. Как-нибудь постарайтесь пережить это время.

Я была разочарована, что моим детям придется ночевать в таком малопривлекательном месте. Надо было как-то обустраиваться.

Нам выделили две комнаты на третьем и четвертом этажах. Особенно ужасна была та, что на третьем: грязные шторы, шатающийся стол, кровать в пятнах. Заглянув внутрь, мы тут же захлопнули дверь. Комната этажом выше была побольше, с двумя кроватями, одна из которых дала крен влево. И разумеется, такая же грязь. Близнецы тут же прозвали гостиницу *отелем «Какашка»*. Называя его так, они каждый раз покатывались со смеху. Мы решили провести ночь в одной, большей комнате. Так было безопаснее. Элиас спал беспокойно, а я так и не сомкнула глаз, вздрагивая при каждом шорохе, доносившемся из коридора. Девочки спали с Захарией на кособокой кровати, и к утру Мелисса оказалась на полу. Проснувшись, она пожаловалась на боли в спине и шее.

Два следующих дня ситуацию не улучшили. Мальчики хотели побыстрее покинуть *отель «Какашка»* и вернуться домой. А ведь наша жизнь во Франции только начиналась. Было больно видеть их разочарованными. Это обескураживало и лишало энтузиазма, но дочери поддерживали меня, уверяя в правильности принятого решения.

Мы много гуляли, чтобы время шло быстрее, но каждый раз возвращение в гостиницу было тягостным.

— Мама, я хочу поехать в Алжир к папе.

Слышать такие слова от сыновей было невыносимо. Я брала их на руки, объясняла, почему мы должны оставаться здесь, и обещала, что через два дня мы поедем в другое, более подходящее место.

— Мама, а у нас будет дом? — в который раз спрашивал меня Риан.

Что я могла ответить ему на это? Риан прекрасно чувствовал беспокойство, которое вызывал у меня этот вопрос. Я сказала правду:

— Когда-нибудь, рано или поздно, у нас будет место, которое мы назовем домом. Нам никого не нужно будет бояться, мы будем счастливы все вместе.

На вторую ночь к нам в дверь постучали, и тихий голос попросил открыть. Мы переглянулись и не сдвинулись с места. О том, чтобы открыть, не могло быть и речи. Неизвестный долго просил открыть, а потом ушел. Разумеется, той ночью я тоже не сомкнула глаз — настолько я была напугана.

Три дня переживаний за малышей, три ночи неудобств для старших детей и ужаса для меня наконец закончились. Я позвонила своему куратору из Центра социальной помощи, но, к большому удивлению, узнала, что она взяла два дня отпуска. Я пыталась объяснить по телефону, что у меня пятеро детей и я не знаю, где мне ночевать.

— К сожалению, не я веду ваше дело. Обратитесь в СЭМП *, чтобы вас пристроили куда-нибудь на ночь. Потом свяжетесь с вашим куратором.

Что я скажу детям?

Как назло, после обеда пошел дождь, и у Захарии поднялась температура, а Элиас начал кашлять. Мокрые и уставшие, мы тащились по улице, с чемоданами. Нас могли приютить только к ночи. Днем мы должны были выкручиваться сами. Талоны на обед кончились, и ресторан «Макдональдс» отказался нас обслуживать. Мальчики

---

* СЭМП (фр. *SAMU)* — служба экстренной медицинской помощи, которая оказывает первую помощь, в том числе и бездомным. *(Примеч. авт.)*

просились домой. У Захарии, лежавшего в раскладной коляске, начинался жар. Никогда раньше я так не радовалась наступлению вечера. Наконец-то мы могли отдохнуть. Я позвонила в СЭМП и условилась о месте, где нас заберут. Это была остановка автобуса. Когда мы садились в фургон, люди, ожидавшие автобуса, с любопытством нас разглядывали. Я почему-то на них разозлилась. Зачем было так смотреть! Ведь они не ломали головы, куда пойти на ночь! У них было место, которое они называли домом!

Нас встретили двое обходительных молодых людей, один из которых был медбратом. Он осмотрел Захарию и спросил:

— Что такие люди, как вы, здесь делают?

Я рассказала им нашу историю. Они слушали, онемев от удивления, — подобное они слышали впервые. Потом выдали нам медикаменты, посоветовав обращаться за помощью сразу же, если ночью состояние Захарии ухудшится.

Медбрата так растрогала наша история, что он вручил нам номер телефона, по которому в случае необходимости я смогу в любое время вызвать машину. СЭМП не была идеальным решением, но эта встреча позволила мне не опустить руки и не поддаться отчаянию. Нас привезли в относительно чистую гостиницу, дали талоны на питание и пожелали удачи.

Комнаты были совсем крошечные, поэтому на время мы разделились: близнецы провели ночь со мной, а Захария, у которого к тому времени температура пришла в норму, с сестрами. Уставшие, мы спали очень крепко. Прислушиваться к тому, что происходит за дверью, не было необходимости — место оказалось вполне безопасным.

Встав рано, я первым делом позвонила в Центр социальной помощи, поскольку у меня не было желания провести еще один день, скитаясь по городу с кучей детей.

Слава богу, куратор была на месте. Она сказала, что ждет нас у себя.

Плотно перекусив в «Макдональдсе», мы поехали на встречу. Как и в прошлый раз, в кабинет я зашла с Норой и Захарией. Не успела я сесть, как услышала:

— Трудно найти место в гостинице, которая согласилась бы вас принять. Никто не хочет селить пятерых детей.

— И что дальше? — обеспокоенно спросила я.

— У вас нет выбора. Вы будете ночевать в приюте для бездомных. Там, конечно, нет удобств, но... Видит Бог, я все испробовала.

— О каких неудобствах вы говорите?

— О многих. Надо будет рано вставать, потому что завтрак заканчивается в восемь часов. В восемь тридцать вы должны будете покинуть приют. Вернетесь туда в восемь вечера, не раньше.

— Что я буду делать с детьми с восьми утра до восьми вечера? Куда нам идти?

— Не знаю, мадам. Найдите себе занятие.

— Какое занятие? А малыши, вы о них думали? Двенадцать часов на улице!

— Походите по торговым центрам, погуляйте в парке. День пройдет быстро.

— Не знаю, отдаете ли вы себе отчет. Да о чем вы! Какие могут быть прогулки с уставшими детьми? Посмотрите на моего сына. Ему только год. Он не может постоянно находиться в коляске! — И я расплакалась.

Нора сжала мою руку.

— Будет тебе, мама. Главное иметь крышу над головой на ночь. Днем мы будем помогать тебе. Вспомни, нам выпадали и худшие испытания!

Куратор вручила мне талоны на питание и адрес ночного приюта, где нас будут ждать к восьми часам вечера.

Волоча чемоданы, мы направились к приюту. Наше передвижение зависело от погоды. Когда начинался дождь, мы заходили в рестораны быстрого питания и выходили, когда он прекращался. Время тянулось медленно. Быстро уставшие дети капризничали. Мы не думали ни о чем, кроме отдыха.

В восемь часов вечера мы были на месте. Нас встретил довольно любезный мужчина. Он вручил мне анкету для заполнения, в то время как остальные члены моей семьи в сопровождении высокого светлоглазого блондина отправились в столовую. Покончив с анкетой, я присоединилась к ним.

Ко мне подошел молодой человек.

— Меня зовут Рашид. Я тоже алжирец, — приветливо представился он.

Мы были единственной семьей в зале. Было несколько пар, но в основном люди сидели по одному. Рашид принес нам тарелки с едой и все время следил, не нужно ли нам чего-то еще. Он был очень любезен. Нора болтала с ним о пустяках, в основном об Алжире и о Франции, а в конце разговора Рашид заметил с грустью:

— Главное верить, что скоро вы вырветесь отсюда.

Видимо, он хотел подбодрить нас.

Когда настало время укладывать детей спать, Рашид показал нам комнату, которую нам выделили на пятнадцать дней. Огромную, с шестью большими кроватями и одной кроваткой для Захарии. Здесь было комфортно. И немного напоминало дом. Примечательным было окно в потолке: можно лежать и смотреть на небо и на звезды.

Рашид посоветовал нам закрыть дверь на ключ.

— На всякий случай, — добавил он. — Мало ли кто может прийти в поисках ночлега. И не оставляйте детей одних. Когда они пойдут в туалет или ванную, сопровождайте их. Если возникнут проблемы, зовите меня. Я всегда рядом.

— Спасибо, Рашид. Я буду осторожна.

— Завтра вы встретитесь с одним из служащих приюта. Пусть вам подыщут другое место, потому что это не очень подходит для вашей семьи.

— Это место никому не подходит, Рашид. Надеюсь, что мое пребывание здесь не затянется. Так хотелось бы жить в тихом уютном месте с детьми. Чтобы они, как все нормальные дети, тоже ходили в школу. Да и... есть много вещей, которые бы я хотела.

Рашид горячо пожал мою руку.

— Твои желания — это желания всех матерей на свете, которые хотят сделать своих детей счастливыми.

Замечание Рашида заставило меня задуматься. Мои желания нельзя назвать чрезмерными, наверное, для их исполнения не пришло время. Смогу ли я когда-нибудь обеспечить своим детям надежную крышу над головой и все, что нужно для достойной жизни?

Перед сном мы принимали душ. Старшие дети присматривали за младшими. Пока одни мылись, другие следили за входом. Уставшие, разморенные, все уснули довольно быстро. Утром в семь часов Рашид постучал в дверь — пора вставать. А так не хотелось, особенно Элиасу, который любил поваляться в постели.

— Я еще не выспался, мама, — жаловался он. — Я не хочу никуда идти.

Я нежно погладила его по голове и напомнила о завтраке. После короткого душа мы пришли в столовую. Утром народу было гораздо больше, видимо, многие пришли в приют ночью. В основном это были мужчины разных возрастов и национальностей. Многие с лицами

хронических алкоголиков. Такая большая семья, как наша, вызывала любопытство. На нас оглядывались.

Представитель приюта пригласила меня в свой кабинет. Я пошла сразу, хотя даже не выпила кофе. Но надо было думать о завтрашнем дне.

Представителем оказалась внушительного вида женщина крупного телосложения с пронзительным взглядом из-за очков с толстыми стеклами в темной оправе. Она сразу перешла к сути.

— У вас очень деликатная ситуация, — сухо сказала она. — Мы постараемся что-то придумать, но это будет нелегко. У вас есть деньги?

— Уже нет. В основном все ушло на билеты, а то, что осталось, мы потратили в первый день на гостиницу. Теперь у меня ни гроша.

— Скажу вам честно. Не очень-то верится, что вы бедная. У вас вид ухоженной, чистой женщины. По вашей внешности не скажешь, что у вас проблемы.

— Это правда. Алжир мы покинули не из-за нужды. Из-за проблем другого рода, но здесь у нас сразу же появились и финансовые проблемы. Не буду скрывать, я никогда раньше не жила в таких условиях. Надеюсь, что решение все-таки будет найдено.

— В подобной ситуации вы оказались по собственной вине, мадам, — произнесла она морализаторским тоном с нотками иронии. — Надо было думать, прежде чем приезжать сюда с кучей детей и без денег. На что вы надеялись? Найти жилье сразу после приземления в аэропорту?

Для меня это было слишком. Чтобы сохранить спокойствие, я должна была глубоко вздохнуть. Нужно было объяснить ей, чем руководствовалась я, приехав во Францию.

— Я знаю, мадам, что сейчас испытываю трудности, но это пустяки по сравнению с тем, что я пережила в Алжире. Там я жила в постоянном страхе. Все время содрогалась от мысли, что могу потерять ребенка или меня убьют. Поймите меня правильно! Самое важное для меня — спасти жизнь своим детям. Поселить их — это второстепенно. Я была уверена, что в свободной стране смогу найти им жилье.

Она выслушала меня, но понять, тронули ли ее мои слова или нет, было невозможно, настолько непроницаемым казался ее взгляд.

— Теперь я лучше вас понимаю, но найти подходящее жилье для пятерых детей в самом деле сложнее, чем вы думаете. Я даже не могу обещать вам стабильного жилья в течение года. Вы еще столкнетесь с трудностями, будьте к ним готовы. Пока мы будем стараться селить вас в приютах или в гостиницах, в которых есть условия для детей. Счастливого вам дня и до вечера, до восьми часов.

Французская действительность вернула меня на землю. Ближайшее будущее не обещало ничего хорошего. Надо было запастись терпением. Она сказала «в течение года». Как перенести это? Я закрылась в туалетной комнате, чтобы никто не видел моих слез.

Оправившись от шока, я вернулась к детям. Застегнула младшим сандалии и куртки. В рюкзак положила большую бутылку с водой, подгузники для Захарии, хлеб и бисквитное пирожное, которое Рашид принес специально для детей. Предстоял еще один день бесцельных блужданий по улицам Парижа, без отдыха для детей и с едой всухомятку. Это кардинально отличалось от того, как мы жили раньше. Детский плач, болыв ногах, жажда и голод отодвигали архитектурные прелести Парижа на второй план. Трое малышей, гуляющих целый день под открытым небом, — ничего хорошего в этом не было. Но с ними было трое взрослых, которые могли позаботиться о троих детях.

Вечером, перед сном, Риан вдруг начал кашлять. Лоб его стал горячим, а сам малыш казался вялым. В два часа ночи Рашид вызвал врача. Температура у Риана была высокой, поэтому нас забрали в дежурное отделение больницы. Осмотрев ребенка, врач позвал меня, чтобы узнать номер моей страховки. У меня ее не было, но он успокоил меня, сказав, что все равно не оставит больного ребенка без медицинской помощи. Я дала ему адрес приюта, и врач снабдил меня жаропонижающими лекарствами и рекомендациями.

— Ребенок должен находиться в тепле, в трусиках и майке, хорошо укутанный в одеяло. Он должен соблюдать постельный режим и избегать сквозняков.

Когда я рассказала ему о правилах пребывания в приюте, он дал мне письмо для заведующего, в котором указал условия, необходимые для ребенка. Нужно было вернуться в приют, но я вспомнила, что у меня нет денег. Врач посоветовал мне позвонить в СЭМП, и я воспользовалась номером телефона, который у меня был.

Ночь таким образом получилась очень короткой. После двух часов сна Рашид разбудил меня, напомнив, что я должна показать письмо врача мадам Танги, сотруднице приюта, с которой разговаривала накануне.

— Не думаю, Самия, что она позволит тебе провести здесь весь день.

— А кроме нее здесь есть еще кто-то?

— Есть. Мсье Менард, только он сегодня не работает.

Дети уже были готовы идти завтракать, кроме Риана, который отказывался есть и лежал вытянувшись в кресле.

— Ни в коем случае! Если позволить вам, придется позволить и остальным, — категорично заявила она, наливая себе кофе.

— Малыш очень болен. Я не могу заставить его ходить по улицам до восьми вечера. У меня нет даже коляски, чтобы уложить его.

— Но у вас же есть коляска!

— Это коляска для самого младшего, — возразила я, не понимая к чему она клонит.

— Ну так выньте оттуда младшего и положите старшего.

Она вернулась в свой кабинет и закрыла за собой двери. Разговор был закончен. Я колебалась: нужно ли идти за ней с риском разозлить ее или, ничего не делая, рисковать здоровьем Риана? Я спросила совета у Рашида. По его мнению, не стоило идти к ней еще раз. Мадам Танги не меняла своих решений.

Материнский инстинкт перевесил. Постучав дважды, я вошла в ее кабинет и взмолилась:

— Пожалуйста, мадам Танги, пусть одна из моих дочерей останется с больным братом, а все остальные уйдут до вечера. Только малыш и его сестра. Сжальтесь...

— Нет, я уже сказала. Я не могу менять правила, мадам. Покиньте помещение, мне нужно сделать важный звонок.

Я сделала все, что могла. Одев Риана потеплее, я положила его в коляску младшего брата. Мы нашли убежище в диспансере на углу. Персонал нас хорошо принял. Там не понимали, почему во Франции нам не оказывают адекватную помощь. В четыре часа дня мы отправились в знакомый «Макдональдс», где дети могли не только поесть, но и поиграть. Я взяла Риана на руки, чтобы дать ему сироп. Я гладила его по голове и говорила ласковые слова.

Вдруг я почувствовала, что Нора и Мелисса смотрят на меня, не решаясь заговорить. Неужели они догады-

вались, о чем я думаю? Я, желавшая избавить детей от ада, который нас окружал, теперь привела их прямиком в чистилище! Из огня да в полымя! Я отвечала за все, что с нами происходило. И не могла вести себя так, словно ничего не случилось. Прямо перед дочерьми я расплакалась. Нора принялась меня утешать.

— Мама, не плачь! Пожалуйста! Ты сделала все, что могла. Благодаря тебе мы далеко от страны, где были пленниками. Благодаря тебе мы свободны и теперь мы сильнее, чем прежде. Ты должна знать: мы признательны тебе за это. Никто не мог предвидеть трудностей, с которыми мы столкнулись. Все эти мелкие проблемы обязательно решатся, и у нас появится дом, где мы будем все вместе.

Эти слова отчасти вернули мне уверенность. Наконец-то мы могли идти в приют. Риан очень устал, остальные были голодны, потому что ужин задержали. Пища не отличалась изысканностью, но главное — она была питательной и ее было вдоволь. Блюда предлагались следующие: блины в сладком соусе, чечевица с овощами, белая фасоль. В начале ужина подавали суп. Каждый вечер мы благодарили Бога за еду и пристанище, которые он нам посылал. Дни, прожитые в приюте, изменили отношение моих детей к происходящему, и они перестали воротить нос и ели все, что им давали, не проявляя неудовольствия.

Мы сели на свои обычные места. Риан поел очень мало, после чего мы отправились в комнату. Утром Рашид разбудил нас как обычно. Удивительно, как быстро человек адаптируется к окружающим его условиям. Риан до сих пор кашлял, и я решила еще раз попытать счастья, поговорив с мадам Танги. Я так волновалась, что потеряла аппетит.

Едва заметив меня, мадам Танги скрылась в своем кабинете, но мы с Рианом через секунду уже стучали в дверь. Мой сын был бледен. Я едва успела ступить на порог кабинета, как вдруг малыша вырвало. Мадам Танги вскочила и замахала руками с криком:

— Вот свинтус! Мало того что мы вас терпим, так вы еще пачкаете чистые полы!

Нора, которую я успела позвать, занялась братом, а я подошла к этой злобной фурии, чтобы сказать все, что я о ней думаю.

— Мадам, у вас есть дети?

— К счастью, нет.

— Вот именно, к счастью. Счастлив тот ребенок, у которого нет матери, похожей на вас. Вы не заслуживаете материнства, — резко бросила я.

Гнев овладел мною, но я вышла из кабинета, боясь окончательно потерять контроль. А так хотелось выпустить ей кишки! Она догнала меня в коридоре и заорала так, что слышал весь приют:

— Чтобы я вас тут больше не видела! Ни вас, ни ваших детей!

— Этим вечером я приду как обычно, мадам. Слава богу, приют вам не принадлежит.

— А вот посмотрим. Я не позволю вам войти сюда, я отправлю вас к черту!

И она громко хлопнула дверью. Трясясь от злости, похожая на вулкан, который вот-вот разольется потоками лавы, я отважилась еще раз открыть двери в ее кабинет.

— Мадам, я знаю свои права! Я приду сюда вечером и надеюсь, что вас здесь не будет.

Настала моя очередь хлопать дверью.

Собрав детей и все нужное на день, мы быстро вышли на улицу. Я чувствовала, что нахожусь на грани. Надо было срочно связаться с куратором, чтобы изложить свою версию событий. Найдя уличный телефонный аппарат, я набрала номер, но линия оказалась занята. Только через

десять минут удалось дозвониться. Куратор сразу перешла к делу.

— Мадам Рафик, я вам доверяла, а вы так нехорошо поступили с мадам Танги. Она ведь хотела вам помочь.

Я расплакалась. Видя это, мои дети, а громче всех Риан, тоже начали плакать.

— Мама, прости, — всхлипывал Риан. — Это я виноват. Тетя рассердилась на тебя, потому что я испачкал пол. Прости, мама! Не плачь, я обещаю больше этого не делать.

И прижался к моей юбке.

Риан вернул мне спокойствие. Извинившись перед собеседницей за паузу, я успокоила сына, сказав, что вины его нет, а потом рассказала куратору обо всем происшедшем, упомянув о болезни сына, оскорблениях и угрозах в свой адрес.

Когда я закончила, на другом конце провода повисло долгое молчание. Мой рассказ озадачил ее.

— Если все, что вы рассказали, правда, мадам Рафик, то признаю, что мадам Танги вела себя недостойно. Я обязательно поговорю с заведующим приютом. Он должен быть на месте.

— Я ничего не придумала. Все, кто завтракал, и все сотрудники приюта были свидетелями нашего конфликта.

— Вечером возвращайтесь в приют как обычно. Ни о чем не думайте. Завтра я позвоню вам и сообщу адрес. Нужно подыскать другое место для вашей семьи.

Я поблагодарила ее за доверие и за то, что меня выслушала. Вытерев слезы, я улыбнулась детям, сообщив, что скоро мы покинем этот ужасный приют. Взволнованный событиями, которые, по его мнению, он спровоцировал, Риан еще раз пообещал, что его больше не будет тошнить.

— Над этим никто не властен. Если человека тошнит, то его вырвет, — сказала я, взяв его на руки. — Мы в свободной стране, и здесь, к счастью, злые люди встречаются реже, чем хорошие. Забудь эту ужасную женщину!

В очередной раз нас принял знакомый «Макдональдс». Здесь мы могли поесть, а дети поиграть, и никто нас не выгонял. Ресторан стал для нас своего рода убежищем, почти домом. Глядя, как весело дети скачут на батуте, я подумала, что поступила правильно, приехав во Францию. Правда, надо было более тщательно продумать план. Когда я сказала об этом своим дочерям, они безапелляционно заявили:

— Ты поступила правильно, мама. Не жалей ни о чем. Рано или поздно все как-то образуется.

Нора была для меня примером для подражания. К ее словам я всегда прислушивалась, случалось, я даже спрашивала у нее совета, если мне трудно было разрешить семейную проблему. Это приключение сблизило нас как никогда.

Вечером мы вернулись в приют. Нора повторяла, что я не должна думать о мадам Танги, а я в свою очередь повторяла эти же слова Риану, чтобы его успокоить.

Я как раз вынимала Захарию из коляски, когда незнакомый мужчина обратился ко мне. Я подняла голову и увидела стоявшего рядом высокого мужчину начальственного вида, лет сорока, с лысой головой.

— Позвольте представиться. Моя фамилия Водек, я заведующий этим приютом, — сказал он, протягивая мне руку. — Могу я с вами поговорить несколько минут тет-а-тет?

— С удовольствием, мсье. Мои дети могут идти на ужин?

— Конечно-конечно, мадам. Дети пусть идут в столовую.

Нора бросила на меня вопросительный взгляд.

— Все нормально. Проследите с Мелиссой, чтобы младшие вымыли руки, и идите ужинать. Я поговорю с мсье Водеком и присоединюсь к вам.

Я прошла за элегантным мужчиной, надеясь, что он не выставит нас за дверь этим же вечером. Его спокойствие и манера держаться казались мне хорошим знаком. Взяв чистый лист бумаги и ручку, он посмотрел мне прямо в глаза.

— Мадам Рафик, приношу свои извинения за утренний инцидент. Мне очень жаль. Мы не терпим агрессивного отношения к людям, которые нуждаются в нашей помощи.

Невольно по моему лицу потекли слезы. Я еще раз пережила утреннюю сцену, припомнив перепуганное лицо своего сына, и эмоции, которые переполняли меня.

Заведующий не в силах стереть это из моей памяти, но он старался утешить меня, выражая сочувствие.

— Я заявляю совершенно искренне, мадам. То, что случилось утром, больше не повторится. Вы можете подать жалобу на нашу сотрудницу, это ваше право, и я вас полностью в этом поддержу. Я и сам не чистокровный француз, но никогда не позволял, чтобы ко мне относились как к человеку второго сорта. Я восхищаюсь вашей храбростью, — сказал он, протягивая мне бумагу и ручку.

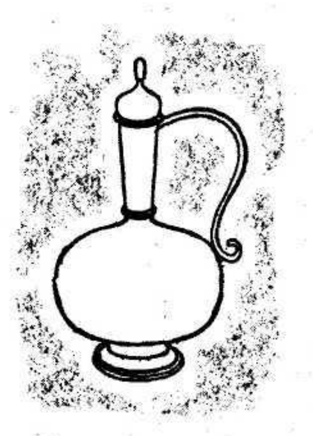
— Спасибо, мсье. Я не буду ничего писать. Главное, что на эту ночь у нас есть крыша над головой. Мы подождем, пока нам подыщут другое жилье. Таких людей, как вы, мсье Водек, много, они нам помогут. Спасибо еще раз.

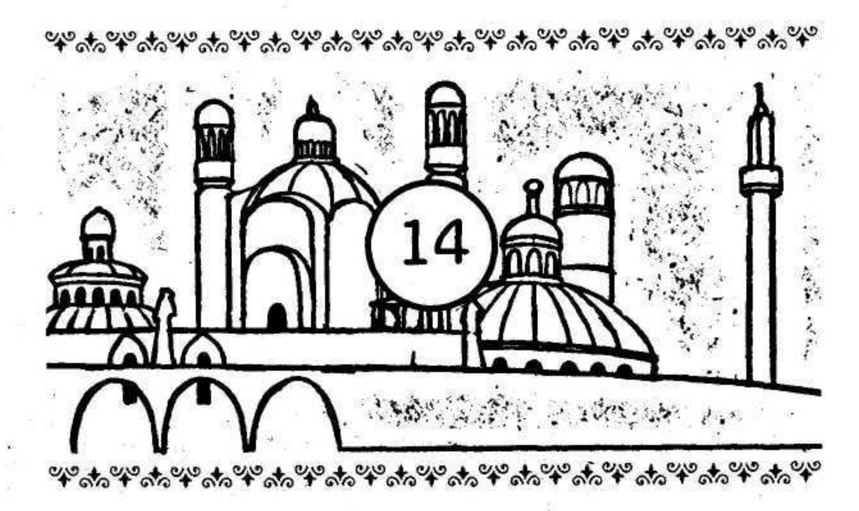
Он пожал мне руку и пожелал удачи. Я вернулась к детям. Нора ни о чем не спрашивала, не желая меня понапрасну тревожить, но понимала, что на эту ночь все устроилось. Уставшие дети с удовольствием забрались на кровати. Еще и еще раз я восхищалась ими. Как они могли переносить тяготы, которые мне давались с большим трудом? Я смотрела на спокойно и умиротворенно спящих детей, а сердце разрывалось на части. Улица

не место для детей. Вытянувшись на кровати, я любовалась звездами через окно в потолке, отпустив свои мысли в свободное плавание, и вспоминала те редкие мгновения из прошлой жизни, когда была счастлива. Большинство из них были связаны с детьми, а значит, становились более ценными. Некоторые из них заставляли меня плакать, некоторые смеяться. Я воодушевляла дочерей, объясняя им, что трудности — это благодатная почва для опыта. Со временем мы научимся ценить мгновения счастья и покоя. Место стресса, который я ежедневно переживала в Алжире, заняла уверенность в том, что все будет хорошо. Я сохранила надежду и детей. На такой оптимистической волне я и заснула.

Как обычно, нас разбудил Рашид. Подниматься было непросто — спокойная ночь еще не гарантировала полноценного отдыха. Водные процедуры, короткий завтрак — и вот мы уже снова собирали чемоданы.

В этот момент пришел заведующий и сказал, что я должна связаться со своим куратором из Центра социальной помощи.

Скитания в Париже

От куратора я узнала о новом повороте в нашей жизни во Франции.

— Мадам Рафик, здравствуйте. Мне удалось отыскать гостиницу, где могут приютить вашу семью. Она расположена в старом Париже. Вселиться в нее вы можете уже после полудня.

Особых иллюзий по поводу нашего нового жилища я не питала: жизнь в Париже превратила меня в скептика. Но попытаться в любом случае стоило, выбора у нас не было. Я сообщила новость детям. При слове «гостиница» Риан заплакал.

— Я не хочу возвращаться в *отель «Какашку»*. Я хочу остаться там, где мы есть!

— Это не *отель «Какашка»,* а совсем другое место. Там у нас будут две комнаты рядом. И в каждой комнате есть телевизор и ванная.

— А почему мы не идем в такой дом, какой у нас был когда-то? Я хочу вернуться к папе.

Привязанность Риана к отцу оказалась сильнее, чем я думала. Он уже не в первый раз говорил о возвращении.

— Я знаю, милый. Мы очень устали жить где попало. Обещаю, скоро у нас будет постоянное место.

— Все время ты говоришь одно и то же! — воскликнула Мелисса, разделяя мнение брата. — Но ничего не меняется. Наоборот, становится все хуже и хуже. Все это кончится тем, что мы нищими вернемся в Алжир. Или всю жизнь будем бегать с места на место.

Она подхватилась и выбежала. Я не знала, как реагировать. Мелисса озвучила мои собственные опасения. Как всегда, я вопросительно посмотрела на Нору.

— Не бери в голову, мама. Ты сделала все, что могла. Скоро она успокоится. Давайте готовиться к переезду. По крайней мере, нам не надо будет бродить по улицам целый день.

Собирая вещи, я подводила черту под нашей жизнью в приюте. Это было место контрастов. Здесь мы познакомились с такими душевными людьми, как Рашид и мсье Водек. Здесь мы столкнулись с бессердечностью мадам Танги. Приют стал для нас тихой ночной пристанью после нелегко проведенного дня. Хотелось поскорее покончить с кочевой жизнью — с этой каторгой для семьи с пятью детьми.

Рашид оказался настолько любезен, что даже заплатил за такси, чтобы мы смогли быстрее добраться до места. Какой милый человек! У меня было только одно желание: найти стабильность, чтобы мои дети могли спать по утрам и отдыхать днем. Но в чудеса я больше не верила. Приближалось начало учебного года, и Мелиссу надо было поскорее устроить в школу, чтобы она не отстала от учебы.

Мы познакомились с хозяином гостиницы и его супругой, которых в первую очередь интересовала финансовая сторона. От социальной службы они получали две тысячи двести франков в месяц. Нам предоставили две комнаты, но для завтрака, обеда и ужина нужно было покидать гостиницу. Условий для приготовления или разогревания пищи не было, но спорить мне больше не хотелось. Две совершенно одинаковые крошечные комнаты, большую часть пространства в которых занимала большая двуспальная кровать. На оставшейся площади рядом с кроватью стоял шкаф, а возле окна стол и стул. Телевизор находился напротив кровати на прикрепленной к стене подставке. Сбоку от входа был туалет и небольшая душевая. В каждой комнате было по дополнительному матрасу, брошенному просто на пол. Везде была идеальная чистота, что компенсировало небольшие размеры помещений.

Близнецы были довольны, дочери не очень. Они не знали, как разогреть бутылочку с соской для Захарии. Пока мы устраивались, горничная дала нам номер телефона ассоциации для помощи женщинам-иностранкам, которые оказались в трудном положении. Я сказала, что позвоню туда, как только представится случай. Каждый из нас теперь имел собственное место для отдыха. Безопасное и чистое. Наконец-то!

і Устроившись, мы пошли в ресторан быстрого обслуживания, находившийся за углом. Спать я легла со спокойным сердцем. Даже если все шло не так хорошо, как хотелось, теперь у нас был почтовый адрес и телефон. Мы могли получать почту и искать работу. Убаюканная этими мыслями, я уснула.

Мы с Норой нашли работу: каждая на неполный рабочий день. Она в ресторане официанткой, я — в больнице. Заработанных денег хватало на то, чтобы питаться, но не более.

Моя работа в больнице была очень ответственной. Я должна была помогать инвалидам и больным преклонного возраста подниматься с кровати, передвигаться в кресле-каталке, принимать ванну и отправлять естественные надобности — все в одиночку. Работа выматывала меня, я не чувствовала ни рук, ни ног, билась, как лягушка, которая взбивает масло, надеясь, что работа позволит нам арендовать хорошее жилье. Реальность же была иной.

Улучшение нашего положения не являлось приоритетным для французского правительства. Таким, как мы, помощь предоставляли по остаточному принципу. Я была одинокой женщиной с пятью детьми, которые забыли, что такое горячая домашняя пища. Да, у детей была кровать, но не было места для игр ни внутри дома, ни за его пределами.

Учеба давалась Мелиссе непросто. За маленьким столом она готовила уроки, а рядом довольно шумно играли ее братья. Дочь, объясняя допущенные ошибки в домашнем задании, рассказала об этом своей учительнице. Тронутая рассказом, та поставила в известность директора школы, который в свою очередь предоставил Мелиссе бесплатное питание в школьной столовой. Несколько наших с Норой знакомых по работе хлопотали перед городскими властями о предоставлении нам более подходящего жилья, но все их усилия пока не принесли никакого результата. Нас просили подождать.

Шли дни, дети становились более беспокойными. Им нужно было двигаться, развиваться, но условия не позволяли. Хозяева ворчали, недовольные шумом в комнатах и в коридорах, который производили близнецы,

возвращаясь из детского сада. Услышав замечание, я старалась призвать сыновей к порядку, но сама же отпускала вожжи, стоило лишь мне поставить себя на место детей. Нельзя закрывать маленьких детей в гостиничном номере на целый день, где единственным развлечением остается телевизор. Походы на обеды и ужины тоже требовали больших усилий, связанных с дисциплиной. Но некоторые поступки, приемлемые дома, были совершенно недопустимы в общественных местах. И тогда я покупала консервы и разогревала их под струей горячей воды в умывальнике. Мы ели их чуть теплыми. А к холодному молоку по утрам я сама никак не могла привыщнуть.

Один Господь знал, сколько нам еще придется жить в таких условиях.

Однажды утром я почувствовала ужасную боль внизу живота, которая сопровождалась кровотечением. Мелисса повела меня в больницу, а Нора осталась с братьями.

Врачи обнаружили у меня маточную опухоль. Лечение требовало срочного оперативного вмешательства. Операцию назначили на следующий день, и я осталась в больницей Мелисса вернулась в гостиницу одна. Только они с Норой могли позаботиться о мальчиках, а я в который раз оказалась не в состоянии выполнять свои обязанности матери. Опять меня одолевали мысли: что будет, если я не проснусь после наркоза? Кто тогда позаботится о моих детях? Нора была еще слишком молода для этого.

Видя, как я нервничаю, врач посоветовал позвонить детям, что я и сделала. Нора просила меня думать о выздоровлении и заверида, что позаботится о младших членах семьи. Немного успокоившись, я смогла уснуть, но утром от спокойствия не осталось и следа. Я боялась операции. Страх цепной реакцией вызывал все другие опасения. В гостинице мы жили уже более девяти месяцев. Дети питались как попало, они были худыми как щепки, особенно Элиас, который и раньше не был упитанным. По горло в заботах, я запустила свое собственное здоровье, и теперь лежала и представляла все в черном цвете: как сыновей ругает хозяин, как воспитательница находит близнецов ненормальными оттого, что они считают своим домом гостиницу.

Перед тем как меня усыпить, анестезиолог справился о моем настроении. Я хотела, чтобы все закончилось поскорее, и попросила врачей поторопиться. Теряя контакт с реальным миром, я представила, как мои дети сидят на кровати и играют. Какая-то часть меня оторвалась от тела и взмыла к потолку. Я хорошо видела хирурга и его ассистентов в операционной. В какой-то момент я отчетливо услышала, как один из врачей крикнул: «Быстрее, мы ее теряем!» Все собрались вокруг меня. Замелькали хирургические инструменты. Пока медики суетились, я вспоминала свою жизнь. Видела себя маленькой девочкой в доме своих родителей, слышала их обидные слова. Приятным, но коротким сюрпризом стало видение Амины. Мелькали лица знакомых мужчин: отца, Абделя, Хусейна, террористов. Это был фильм, снятый по моей жизни, который быстро прокручивался перед глазами.

Голос хирурга вернул меня в операционную: «Ей трудно дышать. Легкие почти не работают. В реанимацию

ее, быстро!» Я почувствовала боль в грудной клетке, но ничего не могла сделать. Мое тело покатили в реанимационное отделение. Даже находясь в коме, я понимала, что ситуация критическая. Кто-то из медперсонала взялся предупредить моих детей.

Позже я ощутила присутствие Норы, но не могла заговорить с ней. Я слышала ее плач, и мне так хотелось утешить дочь. Мое состояние не улучшалось, и врач убедил Нору связаться с родственниками. Подумав, она согласилась.

Трубку сняла моя мать.

— Здравствуй, бабушка, это Нора...

— Что еще за Нора? — переспросили ее после долгого молчания.

— Твоя внучка Нора! Дочь Самии, — сквозь слезы объяснила Нора.

— У меня нет ни такой дочери, ни такой внучки!

— Есть! У тебя есть дочь, бабушка! И она может умереть в больнице! Если она умрет, мы останемся совсем одни в гостинице. Что будет с нами тогда?

Видимо, ее бабушка осознала серьезность ситуации, потому что вдруг ни с того ни с сего поинтересовалась моим здоровьем и адресом, по которому находились дети. Для Норы это стало полной неожиданностью, и она назвала адрес.

Четыре дня я находилась под наблюдением врачей, слышала все, что происходило вокруг меня, но ни говорить, ни двигаться не могла. Знала только, что я в надежных руках. Дочери сидели у изголовья. Знала я также, что Нора оставила работу, чтобы быть рядом. Когда я наконец открыла глаза, они бросились друг другу в объятия от радости. Я узнала, что мои родители сообщили Норе, что в случае моей смерти они заберут ее с Мелиссой к себе, а о сыновьях будет заботиться их отец. Моих детей хотели репатриировать и разлучить.

Нора сказала, что сообщила в Алжир наш адрес и телефонный номер. Я сомневалась в правильности такого поступка, и время подтвердило мою правоту. Я попросила Нору передать моим родителям, что мое состояние улучшилось, и попросить их не беспокоиться. После двухнедельного лечения я выписалась из больницы, но стоило войти в комнату, я сразу почувствовала знакомую атмосферу страха. Малыши повисли у меня на шее — они так по мне соскучились, — но выражения их лиц оставались странными, перепуганными. Что-то определенно произошло. Нора объяснила.

— Угрозы возобновились. Как в Алжире. В последний раз мне сказали: «Твоя мать получила то, что заслуживает. Благодаря Господу она больше не сможет рожать ублюдков». Подобное мы с Мелиссой слушаем уже десять дней. У нас нет сил это слушать!

— Мне страшно смотреть в окно! — добавила Мелисса. — Мужчина, который нам угрожал, сказал, что звонит из булочной напротив гостиницы. И я видела его в окно.

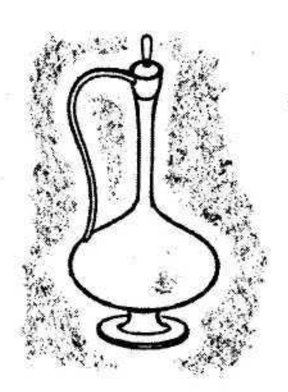
— Я догадывалась, что все так и будет. Как только узнала, что ты сообщила им наш адрес и телефон. Им нельзя верить, Нора!

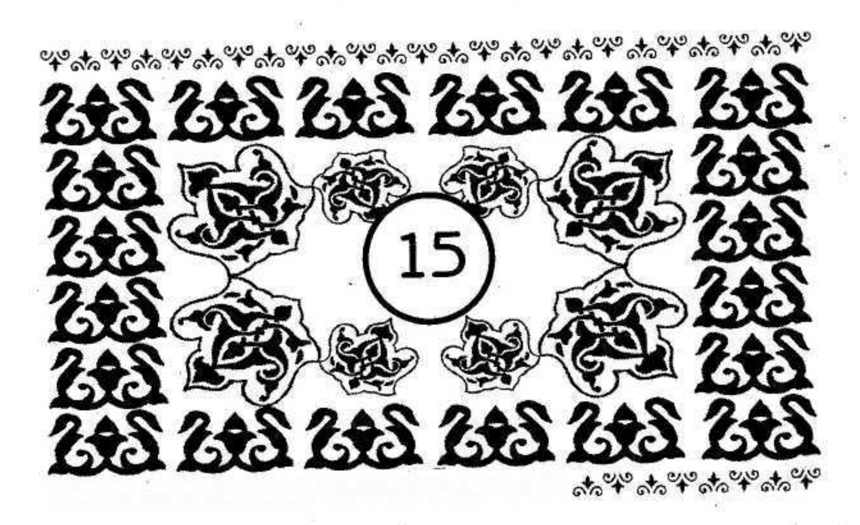
— На этом настоял врач, потому что не был уверен в исходе операции. Мы обязательно найдем выход. Надо связаться с ассоциацией. Может, нас быстро переселят отсюда.

Но все наши усилия и помощь общественных организаций не давали результата — власти не торопились нам помогать.

Для достижения успеха мне даже посоветовали поселиться в палатке перед зданием мэрии, но я не хотела прибегать к подобному способу. Привлекая к себе внимание средств массовой информации, я могла стать мишенью для алжирских фундаменталистов, которые охотились за мной. Терпение было на исходе, и лишь призрак надежды по-прежнему не покидал меня.

Эта надежда, облеченная в физическую оболочку, явилась ко мне в облике человека после обеда, когда я с мальчиками была в ресторане «Макдональдс». День был пасмурный, тучи висели особенно низко, отчего было грустно, и я тихо плакала, делая все возможное, чтобы моих слез не заметили играющие рядом дети. В это время чья-то рука нежно коснулась моего плеча.

Надежда

Вытерев слезы, я медленно подняла голову и узнала этого человека, тоже завсегдатая заведения. Это был симпатичный мужчина в чистой одежде. От него исходило что-то такое, что не могло меня не тронуть. Не скажу точно, что именно: тембр голоса, дружелюбный взгляд или же легкость в жестах, но я сразу прониклась к нему доверием.

— Извините, что вмешиваюсь в вашу личную жизнь, но вы мне кажетесь такой одинокой. Вы алжирка? Я догадался по акценту, когда вы по-арабски говорили с детьми. Обычно я не заговариваю ни с кем, но сегодня, мне показалось, вам нужно с кем-то поговорить. Позвольте я сяду рядом. Может, я смогу вам помочь?

Я кивнула, приглашая его присесть.

— Почему вы плачете? — поинтересовался он.

Эти слова, произнесенные ласковым голосом, словно возвели в моей душе плотину, благодаря которой слезы сразу же прекратились. Успокоившись, я рассказала

ему о своих непрекращающихся трудностях и проблемах.

— Вы до сих пор живете в гостинице?

— Да. Вот уже почти год. Комнаты у нас маленькие, и чтобы дети могли поиграть, мы приходим сюда. Мне кажется, что я всем уже намозолила здесь глаза, и не удивлюсь, если скоро нас выставят отсюда.

— Вы в затруднительном положении! Неужели городские власти не понимают этого? Или не знают?

— Знают. Каждые два дня я хожу в мэрию вместе с детьми, но никто ничего не делает. Говорят, надо ждать. А как долго, никто не знает.

— Для вас есть одно решение, — сказал он серьезно.

— Какое именно? Я рассмотрю любое предложение.

— Вы должны уехать. Отправиться в страну с более высоким уровнем жизни — там вас защитят и помогут.

— У меня нет сил, чтобы начинать все сначала.

— Здесь у вас никогда не будет настоящего жилья. А если и будет, все равно вы будете постоянно прятаться, а вас снова и снова будут отыскивать и угрожать.

— Но где можно найти спокойствие? А заодно и силы, чтобы начать все сначала?

— Почему бы вам не уехать подальше от Европы?

— Главное для меня — это не ломать психику детей. Мы можем жить только в стране, где говорят на французском языке.

— Советую вам поехать в Канаду, в частности в провинцию Квебек. Там разговаривают на французском. Это далеко, но земля там гостеприимная. Многие мои знакомые уехали туда, и пока никто не пожалел. Там легче жить.

— Канада очень далеко, там холодные зимы. И вряд ли мы сможем получить визы.

— Чем вы рискуете? Забудьте о холоде! Зима против жизни в гостиницах, где вам постоянно угрожают, или в ночлежках.

— Чем я рискую? Это вы правильно заметили. Действительно, чем? Несколько лет я жила в постоянном страхе и только здесь смогла немного вздохнуть свободно. Ваш совет кажется мне дельным. Я обещаю подумать.

Мой новый знакомый, которого звали Редван, тоже был алжирцем по происхождению. Он дал мне номер своего домашнего телефона и попросил позвонить в случае необходимости. Обещал помощь, несмотря ни на что. В гостиницу я вернулась с детьми возбужденная. Я вновь обретала уверенность. Бог не оставлял меня. Еще не приняв решения, я чувствовала, что освобождение близко. Это было 10 сентября 2001 года — накануне атаки террористов на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке.

В тот же вечер я поделилась идеей с дочерьми.

Реакция Мелиссы была резкой, крайне негативной. Она сказала, что я не думаю ни о будущем своих детей, ни о стабильности, а все это приведет к новым проблемам, о которых мы даже не догадываемся. Я понимала, что такая реакция — результат ее собственной неуверенности в себе и нашем нынешнем положении.

А вот Нора нашла идею гениальной.

— Вау! Я всегда мечтала туда поехать!- — воскликнула она. — Я на все готова ради этого. Почему мы должны оставаться здесь? Да, это будет непросто, но может, стоит попробовать? Возможно, там мы будем счастливы!

— Не будем радоваться раньше времени. Я узнаю насчет виз в канадском посольстве. А пока давайте

спать, и пусть наше решение вызревает. Утро вечера мудренее.

Сказать оказалось легче, чем сделать. На следующий день после обеда, когда близнецы вернулись из детского сада, а Мелисса из школы, усадив Захарию в коляску, мы с Норой отправились в небольшое кафе, чтобы спокойно обсудить наши действия по получению виз. Вдруг чашка выскользнула из рук Норы и едва не разбилась. Дочь уставилась в дальний угол кафе — туда, где находился телевизор. Удивление на ее лице быстро сменил испуг. Я тоже посмотрела на экран. Как и многим другим присутствующим в зале, мне понадобилось некоторое время, чтобы понять, что происходит, и осознать, что это не художественный фильм. На наших глазах рушились небоскребы-близнецы в Нью-Йорке... Жизнь внезапно стала нереальной, неосмысленной.

— Это ужасно, мама! За что?! — озвучила Нора вопрос, который задавал себе каждый в кафе.

Я обомлела — экстремизм и терроризм подняли голову как никогда. Где же границы человеческого безумия? На наших глазах гибли сотни людей, которым никто не мог помочь.

Вдруг я осознала, что этот кошмар закроет перед нами едва приоткрывшуюся дверь к свободе. К нашей свободе. Мы не сможем получить визы. То, что было просто трудным, теперь станет нереальным. Неужели на этот раз Господь не на нашей стороне?

Проект эмиграции в Канаду уже казался мне наиболее приемлемым выходом, тем больше нас потрясло случившееся, и мы вернулись в гостиницу.

Жизнь продолжалась, но мы не знали, как улучшить ситуацию, в которой оказались. Устав скучать в гостинице, Нора опять устроилась на работу. Мне же врачи рекомендовали посидеть дома еще несколько недель.

Вскоре я снова встретила Редвана — человека, который подал мне идею о переезде в Канаду. Он пришел в «Макдональдс» специально, чтобы увидеть меня. Я пригласила его сесть рядом: так хотелось поговорить с кем-то о своем разочаровании.

— Теперь в Канаду не попадешь. На доске объявлений в канадском посольстве сказано, что с 11 сентября выдача виз иностранцам, в частности арабам или просто мусульманам, приостановлена.

— Ты по-прежнему хочешь туда поехать?

— Хочу, но как? У нас алжирские паспорта. На получение французских документов уйдут месяцы.

— Я знаю один способ. Но ты должна полностью сохранить это в тайне и не говорить никому, кроме дочерей. Если ты мне это пообещаешь, я расскажу тебе о нем.

— Обещаю. Я решила сделать все возможное, чтобы уехать.

— В таком случае, слушай. У тебя остается одна возможность — путешествовать с фальшивыми французскими паспортами. Я знаю человека, который может сделать их за определенную сумму. Что скажешь?

Прежде чем соглашаться, я решила разузнать побольше.

— Ты сам лично знаешь кого-нибудь, кому бы посчастливилось въехать в страну по фальшивому паспорту?

— Я сам дважды ездил по фальшивым документам. Правда, неудачно. В первый раз я поехал в Лондон. Нас было трое, все с фальшивыми паспортами. Две девушки прошли первыми, а меня задержали. Во второй раз я ехал в Швецию через Нидерланды, где меня арестовали и отправили в тюрьму. Хочу быть честным: пред-

приятие очень рискованное, и я не могу дать тебе никаких гарантий.

— Спасибо за откровенность. Надеюсь, все, что ты сказал, мне пригодится. Я посоветуюсь с дочерьми и свяжусь с тобой, если мы все-таки решимся на переезд.

От идеи пересечь границу по фальшивым документам веяло опасностью, но мне она понравилась. Когда большая опасность преследует тебя, на меньшую просто не обращаешь внимания и думаешь только о побеге.

Забрав Захарию из яслей, в которые я отводила его после обеда несколько раз в неделю, я отправилась в садик за близнецами. Вернувшись в гостиницу, я столкнулась с хозяином. Тот был вне себя от гнева и размахивал каким-то письмом, требуя объяснений.

В письме сообщалось, что социальная служба в текущем месяце заплатила за наше проживание только половину оговоренной суммы и далее платить не намерена. Раздражение хозяина напугало меня. Разъяренный, он надвигался на меня, пока не загнал в угол холла.

— Если социальное ведомство не компенсирует мне затраты на ваше проживание, я вышвырну вас на улицу! Вас и ваших детей! Вам это понятно?! И чихать я хотел на то, что вы прожили здесь больше года! В ваших интересах сейчас же сделать так, чтобы они немедленно погасили задолженность. Я сказал, немедленно!

Видя, как злой человек кричит на их мать, дети заплакали.

— Хорошо, мсье. Я все поняла. А сейчас позвольте мне успокоить детей!

— Идите! Я даю вам время до завтрашнего полудня, чтобы решить вопрос с оплатой, — бросил он вслед, провожая меня взглядом до лифта.

Дети обступили меня, продолжая всхлипывать. Когда мы выходили из лифта, Элиас уверенно заявил:

— Мама, не переживай! Когда я вырасту, я вернусь сюда и надаю ему пинков. Он тоже будет плакать, как плакала ты.

Желание маленького мальчика защитить мать меня утешило. Я приласкала детей по очереди и сказала:

— Не расстраивайтесь, мои хорошие. В любом случае мы скоро покинем и эту гнилую гостиницу, и этого злого человека.

— Ух ты! — воскликнул Риан. — А куда мы поедем?

— Очень далеко. Туда, где нам будет лучше, чем здесь.

— А почему бы нам не отправиться туда прямо сейчас? — поинтересовался Элиас.

— Потому что необходимо подготовить документы. А это требует времени.

— Значит, мы поедем туда завтра, да?

— Не завтра, но скоро, малыш. Нужно запастись терпением и дождаться удобного момента.

Удовлетворенные близнецы стали играть на большой кровати. Продолжая думать о своих проблемах, я возилась с Захарией — испуг у малыша еще не прошел. Когда он успокоился, я позвонила Редвану, чтобы справиться, как быстро я смогу получить фальшивые паспорта. По телефону об этом лучше не спрашивать, поэтому мы условились встретиться в кафе тем же вечером. Девочки едва переступили порог, как братья уже рассказали им о предстоящем отъезде, размахивая руками и придумывая детали. В их трактовке событий было немало ошибок, и я рассказала о возможности покинуть Францию с фальшивыми документами, не скрывая рискованности такого предприятия. Верная себе, Мелисса сразу ударилась в панику.

— Ни в коем случае этого нельзя' делать! А если нас арестуют на таможне? Нас тут же заподозрят в терроризме! Представляешь, что тогда будет?

— Не знаю, что будет, если нас арестуют. Зато я хорошо знаю, что будет, если мы останемся. Завтра нас как собак вышвырнут на улицу, если социальная служба откажется перечислять деньги за наше проживание. А если перечислит?.. Думаешь, что жизнь, которую мы ведем больше года, подходит вам и вашим братьям? Есть каждый день в закусочной, малышам негде поиграть!.. Хуже, чем жизнь, которой мы живем вот уже несколько лет, все равно не будет. Пора положить конец этому кошмару. Другого решения я не вижу!

— Я согласна с тобой, мама, — проговорила Нора, немного подумав. — Иногда надо броситься в омут с головой, чтобы получить шанс на спасение.

Я подсчитала, какую сумму мы могли бы собрать. У каждого из нас были кое-какие ювелирные украшения: колье, серьги, браслет и два кольца. К тому же Норе удалось немного накопить. Выкупав малышей и уложив их спать, мы с Норой пошли на встречу с Редваном. Он ждал нас в глубине ресторана. Я представила ему дочь.

— Значит, вы все-таки решились?

— Да. В надежде на лучшее. Здесь наше положение только ухудшается.

— Тогда о деле. Я уже поговорил с человеком, который занимается изготовлением фальшивых паспортов. Он хочет остаться в тени, поэтому посредником между вами буду я. Мне он доверяет. Вас это устроит?

— В общем, да. Когда-то я дала себе слово не доверять малознакомым людям, но тебе я верю. Может быть, потому что видела, как ты вел себя с моими сыновьями. Наверное, ты хороший человек. К тому же мне нужна твоя помощь.

— Послушай, Самия. Я живу во Франции без документов. Теоретически меня могут арестовать в любую минуту. Мне повезло с внешностью — я выгляжу если не как француз, то точно как европеец. Если я не оправдаю вашего доверия, вы можете донести на меня в полицию.

— Вижу, тебе в самом деле можно доверять. Я хочу знать, что тебе сказал тот человек.

— Один паспорт обойдется в четыре тысячи франков, а каждая фотография ребенка, вклеенная в него, — в пятьсот франков дополнительно. Сколько тебе надо документов и фотографий детей?

— Мне нужно два паспорта. В моем будет четырнадцатилетняя дочь и близнецы. Захария будет в паспорте у Норы как ее сын.

— Значит, два паспорта и четыре фотографии. Итого — десять тысяч франков. Вы располагаете такой суммой? Она вас устраивает?

Я не знала, насколько адекватна эта цена. Я ничего не могла поделать.

— Ваш знакомый, может ли он сделать скидку? — прагматично поинтересовалась Нора.

— Сейчас узнаю, — улыбнулся он Норе.

За время его отсутствия Нора прочла мне короткую лекцию:

— Мама, никогда не надо сразу соглашаться на предложенную тебе цену. Люди всегда могут поторговаться. Это нормально. Я это знаю по фильмам, — говорила она с улыбкой.

Вернулся Редван.

— Для соотечественников это будет стоить девять тысяч.

Вспомнив нотации Норы, я взглянула на нее, и она кивнула. Я подтвердила Редвану наше согласие.

— Значит, договорились. Мне нужны имена и приблизительный возраст каждого из вашей веселой компании, а также фотографии.

Я вручила ему фотографии и сообщила вымышленные имена, которые хотела дать детям, чтобы их не стали разыскивать мои родные.

Мы вернулись в гостиницу, уверенные в том, что все делаем правильно. По крайней мере, что-то сдвинулось. Я спала крепко, чего со мной не случалось уже давно. Завтра нужно что-то предпринять, чтобы нас не вышвырнули на улицу. Отведя детей в садик, я не могла избежать встречи с хозяином гостиницы. Дети прижимались ко мне, чувствуя потенциальную опасность, по их мнению, исходившую от этого человека. Хозяин не упустил случая напомнить мне о своем ультиматуме.

— Я приму все меры, чтобы вам заплатили, и поставлю вас в известность по возвращении, — пообещала я.

Отведя близнецов, я с Захарией направилась в мэрию, желая повидаться с подругой, которая работала в отделе по связям с общественностью. Я могла рассчитывать на ее помощь.

Она была знакома с мэром и сразу попросила секретаря пропустить нас. Секретарь доложила мэру о нашем вопросе, и хотя тот проводил совещание, все же передал через секретаря записку с уверением, что счет будет оплачен. Секретарь пообещала лично известить об этом хозяина гостиницы.

До конца сентября оставалось десять дней. Десять дней на то, чтобы решить все вопросы, связанные с отъездом. Моей подруге удалось получить средства на оплату еще одного месяца дополнительно, что было просто замечательно — так мы выигрывали время.

Хозяин встретил меня с радушной улыбкой. Как быстро менялось настроение этого человека!

— Прошу извинить меня за вчерашнее поведение, Самия, — произнес он елейным тоном. — Поставьте себя на мое место. Каждый день кто-то пытается улизнуть, не заплатив за жилье. Поймите меня! Увидев письмо, я решил, что вы тоже можете так поступить. Но секретарь мэра сказала, что все расходы незамедлительно будут оплачены из городского бюджета. Я так рад за вас! Еще раз простите меня.

Этот человек был насквозь пропитан лицемерием. Удовлетворенная, я вышла на улицу и отправилась на поиски Редвана, с которым у меня была назначена встреча.

* * *

Я шла легко и свободно, словно глыба свалилась с моих плеч.

— Сегодня ты уже не кажешься такой напряженной, — отметил Редван. — В твоей жизни произошло что-то приятное? Или ты догадалась, что у меня для тебя хорошая новость?

— Что это за новость? — полюбопытствовала я.

— Мой знакомый показал мне ваши документы. Твой паспорт принадлежал женщине тридцати пяти лет, француженке, родившейся в Марокко. У нее смуглая кожа, глаза и волосы, как у тебя, один в один. Этот паспорт словно предназначен для тебя. Таможенники ничего не заподозрят.

— А паспорт Норы?

— Тот же рост, тот же цвет волос. Только в описании глаза голубые и возраст двадцать три года. Нора должна надеть цветные линзы.

На том и порешили. Что касается возраста, то Норе было всего девятнадцать, а выглядела она и того моложе, поэтому мы решили подобрать ей прическу, которая сделает ее старше. В остальном паспорта вполне подходили. В будущее я глядела с оптимизмом.

Во время встречи с Редваном я решила, что пора приучать детей, в особенности близнецов, к их новым именам. Малыша Захарию во внимание не брала — он только начал произносить первые слова, а Риан с Элиасом должны были выучить свои имена и роли. Я не знала, как объяснить им важность всего этого, ведь они были еще слишком малы, чтобы это понять. Смена страны для них означала только сбор чемоданов и полет на самолете.

Поблагодарив, я попросила Редвана поторопиться. Так хотелось поскорее покинуть постылую гостиницу, хотя... если как следует вдуматься, то не только гостиницу, но и все остальное. Мне не нравилось то, как мы жили во Франции, казалось, я расходую силы понапрасну. Вечером я усадила детей и попросила их внимательно выслушать меня. Я предложила им игру под названием «Мы едем в Канаду». Увлеченные идеей игры, дети слушали разинув рты.

— Начиная с сегодняшнего дня, дети, у вас будут другие имена. Теперь вас зовут не Элиас, Риан и Захария. Ты, Элиас, будешь Сэмми; ты, Риан, — Сильвэном. Захарию будут звать Валентином. Теперь, дети, скажите, как вас зовут?

— Я Сэмми, — первым выкрикнул Элиас.

— Меня зовут Сильвэн, а его Валентин, — сказал Риан, указав на Захарию.

Я сказала детям, что в игру будут играть все, поэтому у всех будут другие имена. Мелисса превратится в Мириам, а я — в Сабину Дюпон. Старшая сестра Нора теперь станет их двоюродной тетушкой Кариной, мамой Валентина. Близнецы с недоумением смотрели на меня — игра начинала усложняться. Вместе мы несколько раз повторили наши новые имена. Захарии больше нравилось имя Зах, а не Валентин. Бедняжка, он только-только научился выговаривать свое имя.

После двух дней повторений дети наконец-то вжились в новые роли. Они верили мне, хотя и не понимали смысла «игры». Кроме того, они знали, что игра должна оставаться в тайне от посторонних. Никто не должен был знать, что мы собираемся в Канаду.

Через двое суток документы были готовы. Редван пообещал вручить их мне в обмен на деньги. Не желая быть обманутой во второй раз, я решила принять меры предосторожности.

На встречу я пошла вместе с Норой. Нервничала. Редван ждал нас за дальним столиком.

— Вам так не терпится увидеть ваши документы, — улыбнулся он. — Вот они, долгожданные. Они еще пахнут клеем, поэтому вы подержите их на открытом воздухе.

Я взяла первый паспорт. Свой. Никогда бы не сказала, что паспорт ненастоящий. Все описания внешности совпадали с моими, а фотографии моих детей лишь подтверждали его подлинность. Потом я принялась рассматривать паспорт Норы. Как и говорил Редван, не совпадал только цвет глаз, который надо будет изменить при помощи контактных линз. Вдруг я поняла: это и есть настоящие паспорта, в них только переклеили фотографии и добавили фотографии детей.

Затем в паспорте Норы я заметила ужасную ошибку — неправильно указанный возраст Валентина — шесть лет, а моему ребенку можно было дать от силы два года.

— Как это исправить?

— Никак. Паспорт был продан с этой записью, а фотографию переклеили. Подправить это невозможно. Надо как-нибудь выкручиваться...

— Успокойся, мама. Есть идея. Мы скажем, что Валентин болел редкой болезнью, которая затормозила его развитие и рост, — улыбнулась Нора, гордая своей выдумкой.

— Улыбайся, улыбайся, —парировала я. — Посмотрим, как ты будешь улыбаться, проходя таможню.

И мы втроем рассмеялись.

Непросто будет убедить близнецов в возрасте Валентина. Их так называемый кузен, которого всегда считали младенцем, теперь становился старше их на целых два года. Слишком хорошо я знала своих сыновей: гордость не позволит им смириться с этим.

Так и вышло.

— Это мне должно быть шесть лет, а он просто малявка! — упрямо твердил Риан, не желая слышать о новом возрасте младшего брата.

Пришлось прибегнуть к дипломатии. Я объясняла им, что точное соблюдение всех правил игры позволит нам поселиться в Канаде, где я накуплю им кучу игрушек. В конце концов им даже понравилось быть младше Захарии. Теперь, когда я пишу эти строки, понимаю, как неправдоподобно выглядела со стороны наша легенда!

После долгих репетиций разных ситуаций дети выучили роли, которые они будут разыгрывать, проходя паспортный и таможенный контроль. Не слишком ли много я от них требовала? Справятся ли они? Близнецы

впечатляли меня своей смелостью: в четыре года они понимали, насколько важна эта «игра», отнеслись к ней со всей серьезностью, видимо, догадываясь, что велась она не просто так.

Заплатив девять тысяч франков за документы, мы остались с деньгами только на билеты. Все драгоценности были проданы. Мы уже почти собрали все вещи, когда мне позвонил Редван и назначил встречу как обычно в нашем ресторане. Боясь плохих новостей, я попросила Нору пойти со мной.

— Мой знакомый советует вам ехать не прямо, а через другую европейскую страну. Транзитом. Французские таможенники знают документы своей страны лучше и, стало быть, у них больше возможностей обнаружить подделку, чем у их иностранных коллег. К его совету стоит прислушаться.

— Через какую страну мы можем ехать?

— Через Испанию, например через Барселону. Там можно сесть в самолет до Монреаля.

— До Монреаля денег хватит, а вот до Барселоны...

— Поезжайте на поезде. Так будет намного дешевле. Что-то подсказывает мне, что все у нас получится. Используйте все шансы. Только пообещайте не называть мое имя, если, не дай бог, вас остановят.

— Не беспокойся, Редван, я не выдам тебя. Клянусь. Ты нам так помог. Спасибо за все!

— Если понадобится помощь, чтобы добраться до вокзала, я к твоим услугам.

Редван ушел, а мы с Норой еще долго сидели напротив, думая каждая о своем. Мы были так близки к цели, но проблемы лишь множились. Совет казался мне разумным, но я не знала, чем покрыть непредвиденные расходы.

Нора вернулась на землю, взглянув в окно ресторана. На противоположной стороне улицы стоял бедно одетый мужчина, по виду бродяга, и внимательно нас рассматривал.

— А этому-то что от нас надо? — беспокойно поинтересовалась она.

— Не знаю. Может, он просто голоден?

— Смотри, мама, он вошел внутрь и, кажется, направляется к нам, — испуганно прошептала дочь.

Человек встал рядом и внимательно посмотрел на нас. Ничего пугающего в нем не было. Наоборот. Его отрешенный взгляд был полон доброты и искренности. Словно он был не от мира сего и явился затем, чтобы перевести нас в другое измерение. Когда Нора беспокойно заерзала на стуле, человек решился заговорить.

— Я хочу есть. У вас не найдется двадцати франков для меня, пожалуйста?

Я дала пятьдесят, потому что сочувствовала ему и знала не понаслышке, каково это быть голодным. Со словами благодарности он взял меня за руку, немного подержал, торжественно глядя мне прямо в глаза. Я не сводила глаз с его губ.

— Спасибо, дитя! Ты собираешься предпринять рискованный шаг, я вижу...

При этих словах Нора от неожиданности подскочила.

— ...и этот шаг изменит всю твою жизнь. Встрепенись! Господь защищает тебя и твоих детей! С его помощью ты достигнешь цели. Верь!

Он отпустил мою руку, кивнул на прощание и как ни в чем не бывало отправился восвояси.

Мы некоторое время озадаченно смотрели друг на друга, не понимая, что же произошло. Как этот бедолага мог знать о наших планах? Как он мог знать о моих бедах

и о том, что именно сейчас я находилась на распутье? Ответа у меня не было, а искать рациональное объяснение не имело смысла. Но эта короткая встреча произошла в нужный момент, успокоила меня и придала уверенности в собственных силах. Даже теперь, когда мне становится грустно, я вспоминаю слова этого человека, и они согревают мне душу.

— Такое чувство, Нора, словно он послан к нам не случайно. Это как знак свыше, — проговорила я по дороге в гостиницу.

Вопрос Норы вернул меня к реальным проблемам.

— Даже если мы поедем поездом, все равно нужны будут дополнительные средства. Как думаешь, мама?

— Не знаю... может, где-то занять...

Я замолчала, понимая бессмысленность этого предложения.

Казалось, даже во сне я продолжала думать о том, как решить проблему с деньгами. Без этого наша затея могла сорваться. Проснулась я среди ночи, уверенная, что нашла решение — я вспомнила об очень ценном и прекрасном перстне, который когда-то подарила мне бабушка. Когда муж забирал все дорогие ювелирные украшения, перстень остался у меня — он был спрятан за подкладкой сумки, поэтому муж не нашел его. По счастливой случайности, эту старую сумку я прихватила с собой во Францию. На всякий случай.

Я поднялась с постели. Перстень был там, где я его спрятала. Как он был прекрасен! С большим бриллиантом, окруженным более мелкими. У меня даже слезы выступили, когда я надела его на палец. Он напомнил мне о бабушке, гостеприимной и радушной женщине,

рядом с которой я всегда чувствовала себя в безопасности. Убаюканная воспоминаниями, я и уснула.

Оценить драгоценность я решила в ювелирной мастерской, расположенной недалеко от гостиницы. Жена хозяина гостиницы, сидевшая в окошке администратора, принимая у меня ключи, заметила перстень на моем пальце. Его трудно было не заметить и из-за блеска камней, и из-за необычного дизайна.

— Какой прекрасный перстенек! Это настоящие бриллианты? — спросила она, касаясь пальцем большого камня.

— Настоящие. Это фамильная драгоценность, — ответила я гордо. — Перстень принадлежал моей бабушке.

— Я могла бы дать за него хорошую цену, — заинтересованно заявила она.

— В самом деле? Даже двадцать тысяч франков дали бы?

— Двадцать много.

— Тогда я пойду за угол к ювелиру. Может, с ним мне повезет больше.

— Я сама работала в ювелирной мастерской и знаю, что это очень дорогое украшение. Но двадцать тысяч франков это действительно много. Пятнадцать устроит?

— Восемнадцать — и перстень ваш.

Я молча ждала, надеясь, что она примет мое предложение.

— По рукам, — сдалась она. — Пойду выпишу вам чек.

— Только не чек. Так уж получилось, что мне срочно нужны наличные.

— Что с вами делать, побегу в банк. Никуда не уходите. Сейчас я принесу деньги.

Она пододвинула мне стул и с довольным видом удалилась. Через тридцать минут она вернулась с деньгами, и я отдала ей перстень.

— Но если выяснится, что это подделка, я потребую деньги назад, — предупредила она.

— Не переживайте. Можете сделать экспертизу. В любом случае, мой адрес вы знаете!

Я вернулась к детям.

— Я нашла деньги на поезд. И не только. Сегодня же пойдем и купим билеты. Вперед в Монреаль!

Все завизжали от восторга, позабыв о соседях за стенкой.

— Дети, тише! Конспирация прежде всего. Нора, тебе лучше остаться с детьми, а мы с Мелиссой поедем на вокзал. Прорепетируйте еще раз ваши роли. Завтра мы отправляемся в Барселону.

Я связалась с Редваном и сообщила, что финансовая проблема разрешилась. Он пожелал отправиться с нами, и мы назначили встречу у станции метро.

Мысль о покупке билетов возбуждала меня — это была наша первая дверь на пути к свободе. Я успокоилась только тогда, когда билеты были у меня в кармане, но сердце выпрыгивало из груди в предвкушении приключения. Поезд отправлялся утром. Путь от Парижа занимал двенадцать часов, что для детей было утомительно, на что делать? Такова цена.

Проходя через холл гостиницы, я увидела хозяйку с бабушкиным перстнем на пальце и довольной улыбкой на лице. Она ничуть не жалела о покупке, что заставило меня ощутить легкий укол ревности. Конечно, мне бы очень хотелось передать эту вещицу одной из моих дочерей, но жизнь распорядилась иначе. Спасибо тебе, бабушка.

С помощью дочек уложив вещи, чтобы не откладывать сборы на завтра, мы все вместе отправились в хороший ресторан отпраздновать отъезд. Пригласили и Редвана. Встреча с этим человеком помогла нам решиться поки-

нуть Францию. Во время ужина Редван устроил детям настоящий экзамен относительно их новых имен и убедился, что они усвоили урок на отлично.

— Надо постучать по дереву, чтобы и на таможне они отвечали так же хорошо, — сказал он с грустью; на глаза ему навернулись слезы, и он добавил: — Завидую я вам. И чувствую, все у вас получится.

— Если получится, то только благодаря тебе. Я никогда не забуду, что ты для нас сделал. Если же нет, я никогда не назову твоего имени, брат. Будь спокоен.

В гостиницу мы вернулись сытые и довольные. Поручив дочерям уложить мальчиков в постель, я пошла к хозяину. Сменив свою супругу, он сам сидел за стойкой администратора.

— Чем могу быть полезен?

— Завтра мы уезжаем. В связи с этим у меня к вам просьба. Поскольку за комнаты уже заплачено, сохраните их за мной в течение двух суток. Возможно, мы вернемся или же вернутся мои дети.

— Почему вы решили съехать? Теперь, когда все улажено с мэрией? — удивился он и с подозрением добавил: — А может, они отказались за вас платить?

— Об этом не может быть и речи. Все оплачено. Мы уезжаем в другую страну. Если все получится, у вас останется оплата до конца месяца. Можете даже их еще раз сдать. Если в течение сорока часов мы вернемся, мы поселимся в них сами.

— Хорошо, Самия. Желаю вам успеха, куда бы вы ни ехали.

Я видела, ему хотелось узнать больше, но не стала распространяться и пожелала ему спокойной ночи.

Какой это был день! Перед сном мы были возбуждены еще больше, чем перед отъездом из Алжира. Это был

уже не побег, а осознанный выбор новой жизни — свободной и безопасной.

Той ночью крепко спали только малыши, ведь они не могли осознать масштабы изменений, ожидавших нас в недалеком будущем.

Утром мы перенесли в холл все вещи и без особой грусти попрощались с хозяевами. Дети по-прежнему побаивались их и были рады оказаться подальше от дядьки, который угрожал их маме. Покидая это место, мы надеялись его больше не увидеть.

На двух такси мы приехали на вокзал, где уже поджидал Редван. Он проводил нас до самого перрона. Прощаясь, мы плакали — так меня растрогали его слова.

— Сначала, познакомившись с вами, я испытывал только чувство солидарности, потому что вы тоже иностранцы, живущие во Франции. Но теперь вы стали моими близкими, как семья. Я буду по вас скучать и молиться за вас. Обязательно позвоните мне, как только доберетесь до Монреаля!

Конечно, я позвоню ему. Если все сложится хорошо.

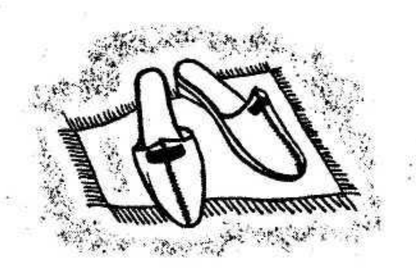
Покидая Францию, мы вспоминали хорошее и плохое, все, что произошло с нами за последний год. Плохое хотелось забыть, оставив в памяти только хороших людей, таких как Рашид, мсье Водек и Редван.

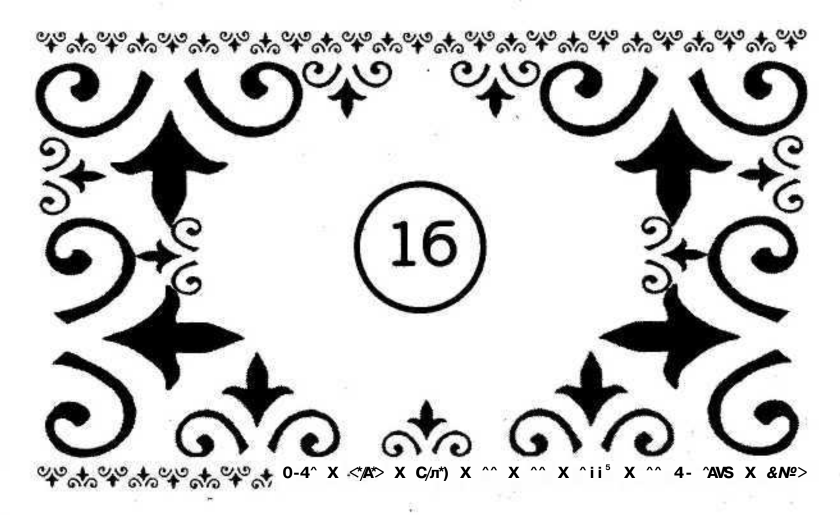
Для мальчиков время в поездке тянулось долго. Когда от скуки они начинали ссориться, мы с дочерьми вмешивались. Ребята хотели лечь в настоящие кровати, а не на вагонных полках. Время тянулось, они все чаще вставали и ходили по вагону. С ними заговаривали другие пассажиры, спрашивая, сколько им лет и как их зовут. Мальчики, не зная, что отвечать, предпочитали помалкивать и бежали ко мне.

— Мама, а какое имя называть, настоящее или выдуманное?

— Сейчас можешь говорить настоящее. Не бойся, я скажу тебе, когда настанет время для другого имени.

На границе мы пересели в старый пригородный поезд> который еле тащился. На Испанию опускалась ночь. Мы приближались к Барселоне. Дети дремали, когда мы прибыли в пункт назначения. Сонные, они хотели отдохнуть в настоящей постели. Нужна была гостиница, но в Барселоне я была впервые, а Мелисса находила все больше общих черт с Алжиром: похожая архитектура, цвет домов и более теплый по сравнению с Парижем климат.

Барселона

Октябрь 2001. Быстро поймав две машины такси, мы погрузили чемоданы, и я попросила водителя отвезти нас в ближайшую недорогую гостиницу. Он тут же связался по рации со своим коллегой из второй машины и стал что-то быстро говорить по-испански.

Расплачиваясь, я была уверена, что они обманули меня, воспользовавшись тем, что я не знала курса испанской песеты по отношению к франку, хотя Редван предостерегал меня. Мы оказались возле отеля, явно дорогого для нас — это я поняла по вычурной архитектуре здания. Я окинула взглядом сверкающий вестибюль, где два чопорных носильщика в униформе ожидали лишь знака, чтобы подхватить чемоданы. Нет, для нас четырехзвездочный отель был слишком дорогим. Я не знала, что делать дальше. Тащить на себе чемоданы?

Заметив неподалеку темнокожего мужчину, выгуливавшего свою собаку, я обратилась к нему:

— Извините, мсье. Вы не знаете, есть ли здесь неподалеку гостиница по более доступной цене?

— Недалеко есть отель, где сдают целые квартиры, но цены там наверняка ниже, чем здесь. Я могу вас проводить туда, — любезно предложил он.

— Тогда мы пойдем следом за вами. Надеюсь, там не очень дорого. Завтра нам нужно покупать билеты на самолет.

— Если бы в моем доме было достаточно места, я бы пригласил вас к себе. Но у меня даже не будет столько матрасов, — сказал он явно не шутя.

Я поблагодарила его за порыв и за то, что он согласился показать нам путь. Цены в отеле оказались немного выше, чем я рассчитывала, но выбора у нас не было — малыши валились с ног. Молодой человек, показавший нам путь, оставил свой номер телефона и предложил помощь в обмене денег и покупке билетов на самолет.

— Кажется, он на тебя запал, — подколола Нора с ехидной улыбочкой.

— Перестань. Он просто хочет нам помочь. Вот и все.

Консьерж показал наши апартаменты. Они стоили уплаченных денег: две большие чистые комнаты, уютная кухня со всеми принадлежностями. Я даже пожалела, что на следующий день нам нужно было уезжать. Риан с восхищением воскликнул:

— Тут даже есть кухня, как в настоящем доме! Может, тут и поселимся навсегда?

Дети больше года не видели кухни. Для Риана она стала символом уютного домашнего очага, поэтому он уже не хотел никуда уезжать. Мы завалились спать, даже толком не вымывшись. Завтра предстояло сделать так много, поэтому вставать нужно было рано. Засыпала я с мыслью, что платить еще за одну ночь в этом месте накладно.

Я проснулась ни свет ни заря. Нора отправилась в магазин за продуктами, я принялась собирать детей. В восемь часов я позвонила Филиппо, вчерашнему темнокожему знакомому, который любезно предложил помощь.

Было решено, что я с Мелиссой и Филиппо пойду за билетами, а Нора соберет братьев к отъезду в аэропорт. Поменяв деньги, мы отправились в бюро путешествий. Для нас с Мелиссой это был еще один способ проверить «подлинность» наших документов. Если обычный служащий что-то заподозрит, то что говорить о таможенниках! Я попросила два взрослых и четыре детских билета до Монреаля. Служащий сверился с расписанием и проверил наличие мест.

— Есть места на два рейса: первый с посадкой в Париже — он отправляется через три часа, второй через Нью-Йорк, но вылет только через семнадцать часов.

Вот так всегда! Уехать из Парижа, чтобы снова там очутиться! Все усилия и траты оказались напрасными. Мы возвращались на исходную позицию. Это было выше моих сил. О том, чтобы лететь через Нью-Йорк, не могло быть и речи. После событий 11 сентября это казалось слишком рискованным. Оба варианта выглядели весьма неудобными. И вдруг у меня возникла мысль.

— Скажите, а в Париже мы будем проходить через таможню или просто пересядем с одного самолета на другой?

— Не знаю точно. Но не думаю, что там тоже будет таможня.

Немного успокоившись, я заплатила за билеты через Париж и, позвонив Норе, сообщила ей время вылета. Она успевала закончить сборы до моего приезда. Филиппо, который этим утром так помог мне, проводил нас с Мелиссой до гостиницы. Еще один добрый самаритянин, повстречавшийся на нашем пути.

Перед отправлением в аэропорт я придирчиво осмотрела детей. Нора постаралась, чтобы они выглядели чистыми и аккуратными. Я тихонько сказала Норе, что мы летим через Париж, что огорчило ее — она была уверена, что перед посадкой в самолет до Монреаля мы будем проходить паспортный контроль.

— Мы напрасно приехали в Барселону. Такой крут — и все впустую. Паспортного контроля нам не избежать! — воскликнула она, едва сдерживая слезы.

— Не будь пессимисткой! Все будет хорошо, вот увидишь. Ни о чем не жалей — что сделано, то сделано. Думай о хорошем. И прошу тебя, не показывай свое волнение Мелиссе. Ты же знаешь, что она начинает паниковать по любому поводу.

Мелисса, Захария и я сели в первое такси, Нора с близнецами поехали в следующем. Вдруг второе такси начало сигналить, и наш водитель остановился, чтобы узнать, что случилось. Я встревожилась. Наверное, что-то серьезное. Я увидела Нору, которая вышла из машины и направилась к нам. Я опустила стекло. Она прошептала мне на ухо:

— Мама, мы совсем забыли о цветных контактных линзах. Чтобы изменить цвет глаз, помнишь?

— Действительно! Мы об этом забыли! Попроси таксиста остановиться возле ближайшего магазина оптики.

Нора так и поступила. К счастью, такой магазин был неподалеку. Пока она ходила за линзами, Мелисса присматривала за близнецами.

— У вас есть линзы голубого цвета? — спросила она.

— Разумеется. Сейчас я покажу вам все оттенки.

— Не стоит, я очень спешу. Дайте мне, пожалуйста, светло-голубые с сероватым оттенком. Быстрее, пожалуйста.

Продавец протянул ей футляр с линзами. Нора быстро его открыла: цвет был подходящий. Осталось только надеть, но Нора никогда раньше этого не делала.

— Вам помочь? — любезно спросил продавец.

— Дайте мне лучше зеркало, я сама примерю.

Ей удалось надеть линзы правильно. Заплатив, она поспешно вышла, забыв и футляр, и жидкость для ухода. Воображаю, что подумал продавец.

Нора показала мне жестом, что все идет как надо, и мы продолжили путь в аэропорт. Высаживая детей из такси, я сказала каждому, что с этого момента у них другие имена. Они поняли, что игра началась. Несмотря на юный возраст, мальчики были сообразительны и смелы. Я гордилась ими. Они даже проявили инициативу, называя друг друга вымышленными именами при общении между собой. Толкая тележку с багажом, я поглядывала на Нору.

— Посмотри на меня.

— Пожалуйста. Как ты меня находишь? Я красивая голубоглазка? — кокетливо спросила она.

Она часто моргала, а ее глаза, не привыкшие к линзам, покраснели.

— Ты всегда красивая. С любым цветом глаз.

— В спешке я забыла жидкость по уходу за линзами. Теперь придется терпеть до самого Монреаля. Видела бы ты лицо продавца. Он, вне сомнения, принял меня за сумасшедшую.

Посмотрев на детей, я воспрянула духом. Они надеялись на меня. Нужно было идти до конца. Скоро весь этот кошмар станет плохим воспоминанием.

У регистрационной стойки я заполнила опросный формуляр и поставила багаж на весы. Посмотрев на нас и проверив билеты, нам дали посадочные талоны и по-

желали счастливого пути. Я узнала, что в Париже наш багаж сразу перегрузят в лайнер, вылетающий в Монреаль.

Каждый раз, когда я слышала слово Монреаль, мое сердце начинало биться учащенно. Так мне хотелось поскорее оказаться там! Если это произойдет, половина моих забот отпадет сразу. Мелисса нашла утешительным, что, проверяя билеты, никто не заметил ничего странного.

— Так оно и есть, Мелисса, — успокаивала ее я. — Никто не увидит разницы между нашим фальшивым паспортом и настоящим. Вот увидишь, все будет хорошо. Главное вести себя так, словно у нас все в порядке.

— Обещаю! Мы нормальная семья, которая едет в отпуск на несколько дней в Монреаль.

Проходя на посадку, мы не встретили ни таможенника, ни пограничника. Странно.

— Ничего странного. Хочешь знать, почему все так? — спросила Нора.

— Почему?

— Евросоюз. Пересечение границ внутри сообщества упрощено. Но когда мы возьмем курс на неевропейскую страну, начнется самое трудное. Хуже всего нам будет в Париже. Как бы наш проект не сорвался, — исполненным пессимизма голосом заявила она.

— Один Господь ведает, как все будет. Мы кучу денег потратили на однодневную туристическую поездку в Барселону. Из Парижа мы уезжали не такими бедными, как теперь.

— Постарайся найти что-то хорошее в этом. Даже если ничего не получится, мы сможем сказать, что видели Испанию.

Норина шутка немного разрядила атмосферу. Я спохватилась: Мелисса могла слышать наш разговор. Впечатлительная по натуре, услышав нас, она могла впасть

в панику и потерять самообладание во время проверки документов. Я подошла к ней, желая подбодрить.

— Мама, а этот самолет отвезет нас в Канаду? — спросил Элиас, когда мыподнимались на борт.

— Нет. Этот отвезет нас во Францию, а там мы пересядем в другой.

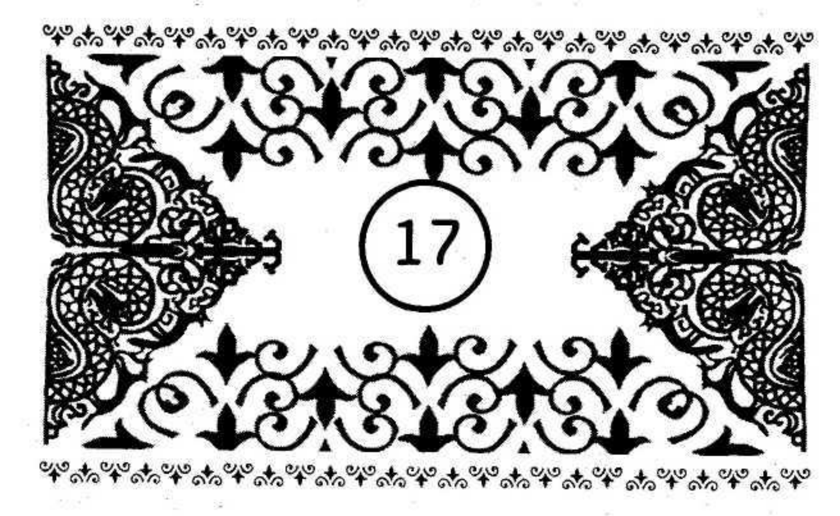
— Я не хочу во Францию. Я не хочу возвращаться в гостиницу. Я скажу, что меня зовут Сильвэном и что я хочу поехать в Канаду, — кричал он все громче и громче.

Я взяла его на руки и, стараясь успокоить, объяснила, что во Франции мы даже не будем выходить из здания аэропорта, а просто пересядем на самолет, летящий в Канаду. Я измучилась, объясняя, зачем нам понадобилось возвращаться во Францию. Исчерпав аргументы, я сказала, что это входит в условия нашей игры и без этого нам не попасть в Канаду. Все это игра, не так ли, ребятки?

Через два часа показался аэропорт Руасси. Мы высаживались с замирающими сердцами, а я без устали утешала Мелиссу.

Все пассажиры нашего рейса тоже следовали в Канаду. Пройдя по длинному коридору, мы свернули к нужному терминалу, где путь нам преграждали стойки, за которыми находись французские таможенники. Нора оказалась права.

Освобождение

На мгновение моя душа ушла в пятки, но я взяла себя в руки — впадать в панику было не время. Я посмотрела в глаза дочерей, перед тем как дать последние указания, и шепотом сообщила сыновьям, что игра, к которой они так долго готовились, началась. Каждый ответил мне заговорщической улыбкой. Больше всего меня беспокоило не качество наших фальшивых документов, а «возраст» Захарии-Валентина.

Очередь подошла быстро. Я понимала, что это самый важный момент в нашей поездке и что эти несколько минут определят жизнь моей семьи на долгие годы вперед. Образ повстречавшегося нам с Мелиссой бродяги снова возник перед глазами, и я успокоилась. В очередной раз он помог мне собраться.

Мы шли друг за другом, держась вместе, но как мы ни старались, все же нам пришлось разделиться. Нора оказалась у окошка слева, я с Мелиссой справа; дети расположились между нами.

Скрупулезно проверив мой паспорт, служащая посмотрела на Риана. Я следила за ее действиями, как крупье в казино, который, бросив шарик в колесо рулетки, уже не может влиять на него и просто ждет результата. Я тоже бросила свой «шарик». Затаив дыхание, я мысленно внушала сыну: «Не забудь, ты Сэмми».

— Ну, привет, — улыбнулась офицер, которая, наверное, любила детей. — И кто из вас Сэмми, а кто Сильвэн? Вы так друг на друга похожи.

— Я Сэмми, мадам, а он Сильвэн. А там Валентин, мой двоюродный брат и моя мать...

— Не стоит рассказывать всю твою биографию, Сэмми, — мягко остановила его я. — У тебя спросили только имя.

Мои слова заставили женщину еще раз улыбнуться. Ей нравилось общаться с моим сыном. Но чем больше Сэмми говорил, тем выше была вероятность того, что он допустит ошибку, однако еще раз вмешиваться, не вызвав подозрений, я не решалась. Надо было положиться на ребенка.

—Значит, ты едешь в Монреаль на каникулы, не так ли?

— А что такое Монреаль? Нет. Я еду в Канаду, — уверенно заявил он.

— Ты едешь в страну, которая называется Канада. А Монреаль — это город в Канаде. Видишь, мы оба правы, — терпеливо объяснила офицер, после чего быстро пролистала страницы паспортов, по очереди бросая взгляды на детей.

Мне казалось, это длилось целую вечность. Еще раз она внимательно посмотрела на Мелиссу, которая тут же изменилась в лице, и отвернулась. Слава богу! Мелисса едва не потеряла сознание. Она наклонилась ко мне и тихо сказала:

— У меня болит живот. Мне кажется, что я сейчас упаду. Я не такая смелая, как вы.

— Мелисса, соберись. Думай о том, что мы обычная семья, которая едет в отпуск, хорошо?

Бедный ребенок, она так боялась подвести меня. Я-то предполагала, что ее эмоциональность, напротив, поможет ей в этой ситуации. Но может, она боялась, что не оправдает моих надежд, поэтому волновалась? Я внушала ей взглядом: «Я тебя ни в чем не виню, Мелисса, и понимаю твое состояние! Ты очень смелая девочка. Ничего не бойся!»

Мое многозначительное молчание было вознаграждено: Мелисса нагнулась и поцеловала одного из братьев. Атмосфера сразу разрядилась. Я услышала, как в соседнем окошке Нору спросили:

— А где ваш мальчик?

— Вот он, вместе с кузенами.

Таможенник поднялся со стула, чтобы лучше рассмотреть детей. Я следила за выражением его лица в этот судьбоносный момент. Наши надежды на лучшую жизнь висели на волоске. Он сел, не уточнив, который из них Валентин. Тем лучше для нас. Я перевела дыхание. Голос обслуживавшей меня таможенницы заставил меня отвлечься. Она желала нам счастливого отдыха. Сохраняя хладнокровие, мы с Норой забрали паспорта и пошли прочь от французских таможенников. Господь не покидал нас. В ушах снова прозвучали слова бродяги из кафе, и я поняла, что меня защищает высшая сила. Я остановилась, чтобы поблагодарить Бога за помощь. Самая трудная проверка была позади, но оказалось, это еще не все. Непосредственно перед выходом на посадку документы проверяли еще раз. Впереди нас уже собралась целая толпа. Сурового вида офицер с глазами инквизитора

наблюдал за людьми, проходившими мимо, как хищник на охоте. Через пару секунд я обратила внимание, что у темнокожих и иностранцев он отбирал паспорта для более тщательной проверки. Я внутренне содрогнулась.

— Словно какой-то шпион, — прошептала Нора.

— Хоть бы он нас не тронул, — добавила Мелисса. — Мне дурно. Это никогда не кончится!

Мелисса была напряжена, как натянутая скрипичная струна, и начинала паниковать.

— Смотри, мама, он нюхает паспорта! Он поймет, что наши пахнут клеем, и нас арестуют. Я не хочу, чтобы тебя отправили в тюрьму, а меня в детский приют, — шептала она мне на ухо со слезами на глазах.

В который раз она озвучивала мои собственные потаенные страхи, которым я не позволяла вырываться наружу.

— Мелисса, оставь эти мысли и не плачь! Соберись! — приказала я строгим тоном. — Если ты будешь плакать, нас обязательно заподозрят. — И, чуть смягчившись, добавила: — Ну все, успокойся. Мы едем в отпуск. Поговори о чем-нибудь с братьями, улыбнись. Думай о том, что нас ожидает в Монреале.

А про себя подумала: «Монреаль. Да, это место дает нам надежду на лучшую жизнь, только туда надо еще попасть». Я провела ладонью по лбу — он был покрыт испариной, хотя здесь не было жарко. Просто я тоже боялась. Очередь продвигалась медленно, и мне казалось, что каждый шаг приближал нас к эшафоту, на котором стояла гильотина.

— Мама, идем в тот поток. Тот офицер кажется более симпатичным, чем этот, — вдруг проговорила Нора.

Я узнала рассудительность своей старшей дочери. Мы последовали ее совету и перестроились в другую очередь.

Увидев, что Мелисса скрестила пальцы, я подошла к ней и разжала ее ладонь. Она спросила с недоумением:

— Зачем?

— На твой жест могут обратить внимание. Вообрази его мысленно, если тебе от этого станет легче.

Мелисса поняла и не настаивала. Подойдя к *симпатичному* офицеру, я заметила, что его *грозный* коллега проверяет паспорт чернокожего мужчины. Мы избежали его рук. Я успокоилась и подмигнула Норе в знак благодарности. Однако расслабляться было рано.

Офицер внимательно пролистал документы. Мелисса и близнецы стояли чуть в стороне, а Нора замерла рядом со мной, держа Захарию за руку. Я наклонилась к Элиасу, который спрашивал, скоро ли мы пойдем в самолет. Вдруг я услыхала, как чей-то грубоватый голос называет мое вымышленное имя. Я не сразу поняла, что зовут меня.

— Мадам Дюпон, вы что, уже никуда не хотите лететь? Вы, наверное, хотите остаться дома, — спросил офицер без тени насмешки.

— Хочу, хочу. Не беспокойтесь, — улыбнулась я. — Просто дети устали и требуют к себе внимания.

Он вернул нам паспорта, и мы поспешили дальше.

— Спокойно дети, спокойно, — шептала я. — Рано радоваться. Мы еще не улетели. Уезжать в отпуск — это всегда радостное событие, но не надо перегибать палку. Не стоит привлекать к себе внимания.

— Мне нужно в туалет, — напомнила Мелисса.

Как оказалось, туда надо было всем. Слишком напряженными оказались последние несколько минут. И только в таком укромном месте мы смогли дать волю радости.

— Самое трудное позади, — объявила Нора и звонко рассмеялась.

Ликование, объятия и поцелуи — все дали волю эмоциям.

— Ей, молодежь! Вы настоящие герои! Как насчет того, чтобы перекусить? Или поедим в воздухе? Вы заслужили угощение!

В приподнятом настроении мы вышли в зал. Проходя в салон самолета, мы еще раз показали документы вместе с билетами, но здесь это была простая формальность. Только устроившись в креслах, я услышала, как Риан крикнул со своего места, крайнего в ряду:

— Мама, можно называть друг друга по-настоящему: Риан, Элиас и Зах?

Сестра заставила его замолчать, а я сделала вид, что ничего не услышала, и молча сидела с опущенными глазами. Лишь бы никто не придал значения его словам. Прошло несколько секунд. Ничего не изменилось. Нора еще раз объяснила Риану, что игра еще не закончилась, она закончится, когда она или мама скажут им об этом.

Лайнер мчал нас в Монреаль, но мы еще не верили до конца, что все происходит на самом деле. Мы с дочерьми улыбались друг другу, а малыши мирно спали.

Полет длился примерно семь с половиной часов, но нам он показался намного короче. Нужно было время, чтобы успокоиться и приготовиться к новой жизни на неизвестной земле, Земле освобождения.

* * *

На руках у меня спал ребенок. До сих пор он жил странной жизнью: постоянные встряски, скитания, постылые гостиничные номера, которые он называл *домом*. Я очень надеялась, что со временем и он забудет об этом. Я так хотела, чтобы он узнал, что такое настоящий дом, илчень надеялась, что в новой стране у него появится такая возможность

— Пристегните, пожалуйста, ремни. Самолет снижается и совершит посадку в аэропорту Монреаля Дорваль…

От переполнявших меня эмоций я не слышала, что еще говорила стюардесса, и посмотрела на дочерей ободряюще.

Мы ступили на землю провинции Квебек.

На канадской таможне я подошла к одному окошку, Нора к другому, и протянула служащей документы, стараясь не упускать из виду дочь.

— Цель вашего визита и сколько вы намерены у нас пробыть?

— Туристическая поездка. Мы пробудем здесь двенадцать дней.

Она посмотрела на детей.

— Где намерены остановиться?

— У друзей, гостивших у нас прошлым летом, — улыбнулась я.

Мне вернули документы с пожеланием приятного отдыха. Вместе с детьми я отошла в сторону и только сейчас заметила, что у Норы, кажется, возникли проблемы с таможенницей. Я решила пока не вмешиваться. Нора держала Заха за руку, а малыш без конца вертелся, оглядываясь на братьев.

— Мама, можно мне забрать Заха? — спросил Элиас.

Мысль показалась мне удачной. Вполне естественно, когда ребенок идет за своим кузеном. Это поможет Норе сконцентрироваться на ответах.

Элиас с Захарией вернулись, и я увидела, что Нора переходит к другому окошку. Ситуация, по всей видимости, усложнялась. Я подошла к ней, чтобы узнать, что происходит.

— Мне велели подождать другого офицера. Служащая, которая беседовала со мной, сказала, что у меня должно быть разрешение от отца Валентина на его выезд из Франции.

— Что за новости? У меня никаких разрешений на близнецов не требовали. Почему требуют у тебя? Жаль, что ты не прошла через ту же таможенницу, что и я.

— Я хотела, но та, другая, мне сделала знак подойти. У меня не было выбора, мама.

— Я пойду с тобой. Мелисса, присмотри за детьми.

Времени на объяснения с Мелиссой не было. Дело принимало серьезный оборот. Нора подошла к окошку. Я стояла чуть в стороне. Офицер проверила документы и сделала мне знак подойти.

— Вы родственники?

— Двоюродные сестры, мадам.

— Где отец вашего ребенка? — спросила она Нору.

— У моего ребенка никогда его не было.

— Тем не менее он носит его фамилию.

— Это так. Его отец бросил меня вскоре после рождения сына.

Решительно Нора меня поражала. Как ей удалось в стрессовой ситуации на ходу выдумать такую душещипательную историю? Служащая продолжала задавать вопросы Норе, но я их не расслышала, потому что снова отошла в сторону. Нора обернулась ко мне:

— Сабина, ты можешь привести Валентина?

— Сейчас, Карина, я мигом.

Я поняла, что судьба дает нам шанс избежать вопросов о возрасте Валентина. Для этого Элиас должен быстро опробовать новую роль.

— Нам нужна твоя помощь, Элиас. Давай, малыш. Правила игры изменились. Теперь ты Валентин, тебе шесть лет. И у тебя теперь другая мама, которую зовут Карина. Запомни! Ты понял?

— Нет. Это ведь Зах Валентин, вспомни. Он еще болел, поэтому и не смог вырасти.

Момент был критический, все зависело от Элиаса. Надо было убедить его сменить роль.

— Нет, дорогой. Забудь это. Ты становишься Валентином, а твою маму зовут Карина. Тебе шесть лет, а я твоя тетя, двоюродная. Мамина кузина. Отца ты не знаешь. Смелее, мой мальчик! Иди к своей маме, — подбодрила я сына и подмигнула ему.

Увидев вместо Захарии Элиаса, Нора удивилась, но тут же овладела собой, догадавшись о моем плане.

— Подойди ко мне, малыш, — позвала таможенница. — Как тебя зовут?

— Валентин, мадам.

— Здравствуй, Валентин. А как зовут твою маму?

— Вот моя мама. Ее зовут Карина.

— А где твой папа?

— Не знаю. Я никогда его не видел.

— Что ты будешь делать в Канаде?

— Отдыхать вместе с мамой, тетушкой, троюродными братьями и сестрой. Я хочу увидеть снег.

— Ну, для снега немножко рановато. А вот праздник Хэллоуин тебе наверняка понравится. Удачи тебе, Валентин.

Нора получила бумаги. Сдерживая эмоции, мы отправились к Мелиссе, которая искусала себе все губы, дожидаясь нас. Увидев нас вместе, она вздохнула с облегчением.

— Дети, вот что мы сейчас сделаем. Сначала получим багаж. Потом узнаем, какие формальности надо выполнить, чтобы получить пристанище и вид на жительство, как нам посоветовал Редван. Он сказал, что справки можно навести прямо в аэропорту. Здесь есть специальный, предусмотренный для этих целей телефон.

Получив вещи, мы нашли телефонный аппарат довольно оригинальной формы, рядом с которым красовалась табличка: «Здесь вы можете задать любой вопрос. Вам ответят».

Я сняла трубку, и через несколько секунд мужской голос спросил:

— Чем могу быть полезен?

— Я приехала из Франции с пятью детьми по поддельным документам. Что делать, чтобы легализовать мою ситуацию?

— Вам нужно в понедельник утром явиться вместе с детьми в иммиграционный центр Квебека. Там вам все расскажут. Рады вас приветствовать в Квебеке и удачи, мадам!

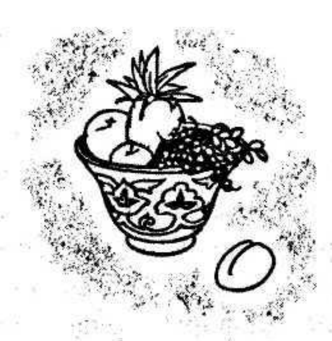
Рады вас приветствовать в Квебеке — вы представить себе не можете, насколько эти простые слова обнадежили меня. Впервые в жизни я услышала, что меня рады приветствовать. Земля обетованная. Мы достигли цели.

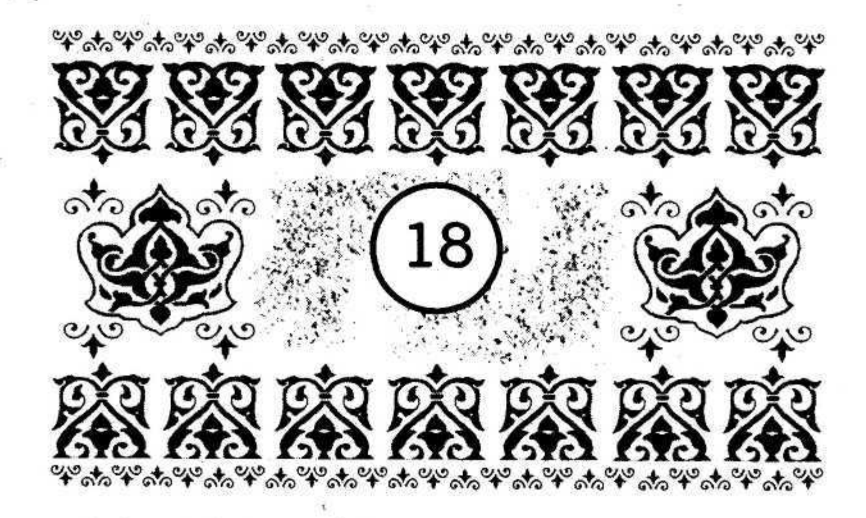
Выйдя из здания аэропорта, мы застегнули куртки. Здесь было значительно холоднее, чем во Франции. Я втянула носом свежий воздух, чтобы ощутить ароматы страны.

— Какое приключение, дети! Я люблю вас! Браво, Элиас! Ты наш герой!

— Игра закончена, мама? Мы можем вернуться к нашим настоящим именам? — спросил Риан.

— Да, дорогие. Скажем «прощай» Валентину, Сэмми и Сильвэну. Они помогли нам попасть в Канаду.

Добро пожаловать в Канаду

Такси я нашла на специальной стоянке. Это был фургон, поэтому места хватило всем.

— Откуда путь держите такой толпой? — полюбопытствовал таксист.

— Из Парижа. Но мы алжирцы. А вы?

— Ливанец. Здесь уже десять лет. Добро пожаловать в Канаду. Куда вас отвезти, мадам?

— Честно говоря, не знаю. В какую-нибудь гостиницу, по возможности недорогую.

— У вас здесь нет родственников?

— У нас здесь никого нет. Увы. Поэтому нас устроит гостиница по умеренной цене.

— Гостиница в Монреале, да еще и с детьми, обойдется недешево.

— Во сколько примерно? — обеспокоилась я.

— Я точно не знаю. Знаю только, что дорого. Для иностранки с детьми. Вы сами на какую сумму рассчитываете?

— Максимум двести долларов в сутки.

— Забудьте. Двести долларов! Что же с вами делать?.. Не знаю почему, но вы внушаете мне доверие. Мы, иностранцы, должны помогать друг другу. Мой брат уехал в отпуск на месяц. Я дам вам ключи от его квартиры.

Предложение словно упало с неба в самый подходящий момент. Глупо было отказываться от такой возможности.

— Только я вас прошу быть очень аккуратными. Я понимаю, детям надо побегать и все такое. Но вы же понимаете, брат мне доверил квартиру, и я не хочу, чтобы он на меня сердился.

— Не беспокойтесь, мсье, мы будем очень аккуратны. Спасибо вам за все, что вы делаете.

— Для меня в удовольствие помочь вам и вашим детям. У меня у самого трое детей, я знаю, сколько от них хлопот и как порой бывает трудно. Когда я приехал сюда, мне тоже хотелось, чтобы кто-нибудь мне помог.

Он обвел взглядом моих детей, и широкая улыбка осветила еголицо. Он был добрым человеком и наверняка хорошим отцом семейства.

Вопрос пристанища было решен, по крайней мере, на месяц. Я принялась рассматривать открывавшийся из окна пейзаж. Ничего общего ни с Алжиром, ни с Францией. Широкие улицы — пешеходам требовалось время, чтобы их пересечь, — здания высокие, как те, что я видела в американских фильмах. Я вертела головой в разные стороны. Какой здесь простор! Почти ничто не закрывает горизонт. И воздух значительно чище.

Мы проехали до местечка под названием Сант-Хуберт. Машина остановилась на улице, где все здания были не похожи друг на друга. Таксист открыл дверь дуплекса *. Детям не терпелось поскорее осмотреть свое жилище, но Нора остановила их, объяснив, что этот дом не является *нашим домом*.

— А когда у нас будет свой дом? — спросил Элиас.

— Скоро, очень скоро, — ответила Нора.

Пригласив нас внутрь, наш провожатый объяснил, что где находится в этом квартале. В благодарность за оказанную любезность я подарила таксисту большую дорогую вазу, которую привезла из Алжира. Ему было приятно получить подарок. Он вручил мне свою визитку и ключи.

— На двадцать восемь дней дом в вашем распоряжении. Если что-то понадобится, не стесняйтесь, звоните мне домой. Надеюсь, вы без проблем получите вид на жительство. Я буду звонить вам время от времени, чтобы узнать, как продвигаются дела. В конце месяца заеду за ключами.

Поместив этого человека на нашем пути, Господь показывал, что не оставил нас даже в Квебеке.

Вечером Мелисса купила в магазине сыр, хлеб и бананы. Я понятия не имела, сколько в Монреале стоят продукты.

— Кажется, двухсот долларов надолго нам не хватит, — сказала дочь.

— Ты хочешь сказать, что здесь все очень дорого?

— Ну, я не сравнивала здешние цены с французскими, но денег у нас, после того как я побывала в магазине, стало намного меньше.

* Дуплекс — двухуровневая квартира. *(Примеч. пер.)*

Мелисса всегда умела найти повод для беспокойства. После стольких невзгод, которые нам удалось преодолеть, финансовые проблемы казались мне пустяковыми.

— Не переживай, Мелисса. Все образуется.

Несмотря на усталость, уснули мы очень поздно. Разница часовых поясов? Возможно. Возбуждение от дороги? Еще бы. Разве не здорово оказаться в этих комфортабельных апартаментах? Словом, у нас были все причины для бодрствования.

Через два дня мы обратились в иммиграционную службу. Заполнив все анкеты с просьбой предоставить убежище, я получила от агента длинный список адресов, где мы могли бы поселиться.

Следующим шагом было обращение в учреждение, отвечающее за социально-медицинское обеспечение местного населения для получения субсидии, Полагавшейся вновь прибывшим. Нас опять завалили кучей формуляров, необходимых для получения медицинской страховки и денежной помощи. На первое время нам также выдали купоны, которые можно было менять на продукты. Всего нам полагалось десять долларов в сутки — и нужно было постараться, чтобы прокормиться на эти деньги. Однако эта проблема казалась незначительной по сравнению с теми, которые нам уже удалось решить.

Месяц пролетел быстро, и я обратилась за советом к своему куратору из социальной службы. Она подсказала мне адрес организации, которая помогает людям найти жилье. Я должна была обратиться к агенту по имени Иза. На встречу со мной пошла Мелисса. Иза радушно приняла нас, и я обрисовала ей нашу ситуацию. Она уточнила:

— Когда вы должны освободить жилье?

— Послезавтра.

— Значит, надо действовать быстро. Когда вы должны в первый раз получить пособие от государства?

— Думаю, дней через семь — десять.

— Насколько я поняла, вас двое, кто будет получать помощь. Одна из ваших дочерей совершеннолетняя, не так ли?

— Совершенно верно.

Иза позвонила своей подруге Натали — та работала в центре для женщин в Лашине, городке, расположенном на запад от Монреаля. Она рассказала обо мне, обрисовав наши нужды следующим образом:

— Семье из шести человек нужно пристанище до тех пор, пока ее взрослые члены не начнут получать пособие, чтобы иметь возможность снимать жилье самостоятельно.

Я слышала все приводимые аргументы в мою пользу, часть из которых мне казалась незаслуженной. Вдруг лицо Изы просветлело, и она показала мне пальцами знак, означавший победу. Поблагодарив подругу, она положила трубку и рассказала мне о нашем новом убежище.

— Натали работает в одном центре. Это приют для женщин, избиваемых мужьями, а также для их детей. Приближается Рождество, у вас есть дети — и она не смогла отказать. Завтра она ждет вас. Она уточнила возраст ваших детей, чтобы подготовить рождественские подарки.

Внезапно Мелисса вспыхнула. Вскочив со стула, она затараторила, постепенно срываясь на крик:

— Я не поеду в этот центр. Я не хочу больше жить ни в центрах, ни в гостиницах. Мама, все твои усилия ни к чему не привели. Мы опять топчемся на месте. Я хочу домой, в Алжир! Я хочу спать в своей кровати и жить в своем доме! И никаких центров! Я больше не могу! — И она надрывно заплакала.

Успокаивая, я взяла ее за руку и принялась объяснять, что центр для женщин не имеет ничего общего с приютом

для бездомных. Сейчас это лучшее, что смогла подыскать нам Иза. Я напомнила ей, что это временно и скоро все уладится. Не знаю, что ее убедило — мое к ней отношение или резонность моих слов, но Мелисса успокоилась и даже нашла силы поблагодарить Изу за все, что она для нас сделала. Бедняжка, она была слишком хрупкой, выпавшие на ее долю испытания окончательно подкосили ее.

Иза дала мне адрес центра. На следующий день кто-то заедет за нашими вещами, но нам нужно будет добираться до центра самостоятельно на общественном транспорте.

Возвращаясь в дуплекс, я предвидела реакцию близнецов на известие о завтрашнем переезде. Я начала с того, что постаралась объяснить, что этот центр не имеет ничего общего с приютом, в котором они жили во Франции. Увы, но близнецы заплакали, а за ними разревелся и Захария. Они не хотели покидать квартиру, которая им так понравилась. Это было самое уютное жилье, которое они знали с тех пор, как покинули родной дом. Особенно им нравилось сидеть на полу в кухне и смотреть, как я готовлю блюда. *Домашние блюда,* которых им так не хватало все эти месяцы!

С тяжелым сердцем, но все смирились с необходимостью переехать жить в центр на время, пока у нас не появится своя квартира. Энтузиазма не было, но все согласились. Даже Мелисса.

На следующее утро мы проснулись ни свет ни заря, чтобы привести апартаменты в идеальный порядок, как до нашего приезда. У нас оставалось десять долларов — это больше, чем требовалось на проезд до центра, поэтому я купила букет цветов и оставила его на столе вместе с запиской со словами благодарности, а также адресом центра, чтобы найти нас в случае необходимости.

Посыльный из центра забрал наши вещи и рассказал, каким транспортом лучше воспользоваться, чтобы добраться до места. Оставив ключи от дуплекса в заранее оговоренном с таксистом месте, мы, как кочевники, отправились в путь! Переход, стоянка, снова переход! Будет ли конец этим сменам мест? Я отвечала детям утвердительно, хотя сама не знала ответа. Но у меня оставалась надежда на то, что когда-то у нас будет дом, где мы будем жить спокойно и счастливо.

Я привыкла жить одним днем, не ожидая никаких чудес, мириться с реальностью и надеяться, что завтра будет лучше. Все время я благодарила небеса, не позволявшие мне пасть еще ниже. Наши бесконечные переезды научили нас ценить маленькие радости и особенно — верить в судьбу.

После нескольких пересадок с автобуса на метро и с метро на автобус мы пошли пешком. До центра было еще далеко, и как назло, в первый раз за время пребывания в Квебеке пошел снег. Ветер задувал под наши куртки, не предназначенные для подобных погодных условий. Нора, Мелисса и я укрывали малышей от ветра и снега. Наше первое знакомство со снежной пеленой оказалось неприятным. Мальчики замерзли и теряли терпение. Идти было тяжело, но нас грела надежда, потому что мы знали: нас ждут.

Прибыв на место, мы сразу вошли в помещение и даже позабыли сотворить молитву— настолько мы замерзли. Молодая симпатичная блондинка вышла нам навстречу.

— Быстрее входите, дети, грейтесь. Я — Жозе. Добро пожаловать к нам.

Я тоже представилась.

— Вы, наверное, очень измотаны. Проходите, я покажу вам центр и вашу комнату.

Место было прекрасным, особенно по сравнению с тем, что доводилось видеть раньше, за исключением дуплекса. Наша комната была просто огромная, чистая, со вкусом обставленная. Работники центра постарались создать максимум уюта. Игрушки, рассортированные по возрастным категориям, были собраны в зале для игр. Атмосфера, казалось, просто дышала теплом и комфортом. Детям, за исключением Мелиссы, которая продолжала дуться, все очень понравилось. Несколько женщин разных национальностей, находившихся здесь вместе с детьми, сразу показались мне очень милыми. Не знаю почему, но я почувствовала большую симпатию к женщине из Пакистана и к одной местной из Квебека. Вечером нас накормили вкусной пиццей, приготовленной обитательницами центра. Хозяйством и приготовлением пищи здесь занимались по очереди. Совсем как дома. Это был самый лучший способ почувствовать себя по-домашнему.

Вскоре мы перезнакомились со всеми сотрудниками центра, включая директрису. Все были очень милы, каждый старался нам помочь, чем мог. Особенно мне было легко общаться с Франсой и Каролиной. Наши симпатии были взаимными.

Меню полностью соответствовало вкусам детей, поэтому ели они с аппетитом, ничего не оставляя на тарелках.

Одно событие помогло Мелиссе изменить свое отношение к людям, которые заботились о нас. Как-то вечером Хлоя, очень милая сотрудница, которая редко появлялась в центре, предложила Мелиссе станцевать с ней под балади *. Моя дочь обожала танцевать, и они протанцевали вместе под алжирскую музыку целый час.

* Балади — один из базовых ритмов в арабской танцевальной музыке. *(Примеч. пер.)*

Рождество и Новый год мы праздновали в нашей новой большой семье. Я давно невидела своих детей такими счастливыми. Каждый из них получил подарок, что меня, не избалованную подарками, особенно тронуло.

* * *

Мы с Норой стали получать государственное пособие. Наше положение постепенно улучшалось: по окончании зимних каникул Мелисса пошла в школу, близнецы — в детский сад по направлению от центра.

Я чувствовала, как оживаю. Моя жизнь потихоньку устраивалась и превращалась в нормальную. Дети учились, я занималась хозяйством и делами центра.

В детстве я росла в условиях, в которых материальным ценностям отводилось первое место. Для большинства людей, которые понимают, что жизнь коротка, подобное стремление кажется вполне нормальным. Но когда у тебя ничего нет, ты сердцем можешь прочувствовать истинность каждого маленького, но искреннего жеста и стать от этого немножечко счастливее. Пребывание в центре научило меня принимать простые человеческие радости и действовать сообща. Я, некогда мечтавшая о внимании родителей, наконец полулила сполна, правда, несколько иным способом.

К сожалению, центр был для нас пристанищем лишь до тех пор, пока мы не станем получать субсидию. Пришло время отправляться дальше. Мы стали искать жилье, достаточное просторное для нашей семьи и в то же время недорогое. Район не имел значения. Несколько дней поисков увенчались успехом — я подписала договор аренды на уютные апартаменты, но в тот же день хозяин позвонил мне и сообщил, что вынужден разорвать договор, потому что решил отдать жилплощадь своей до-

чери. С одной стороны, это меня разочаровало, с другой — я была рада остаться в центре еще ненадолго.

Мысль о том, что я вынуждена буду покинуть центр и переехать в другое место одна с детьми, без поддержки, страшила меня, заставляла сомневаться в своих силах.

Но я продолжала поиски. Задача оказалась непростой: домовладельцы не горели желанием предоставлять в аренду жилье одинокой женщине без работы и с пятью детьми.

* * *

Несколько недель я провела в бесплодных поисках, как вдруг директриса центра предложила мне:

— На верхнем этаже этого здания есть квартира, которую мы сдаем женщинам, временно нуждающимся в жилье. Таким, как ты. Она достаточно просторная — как раз для твоей семьи — и к тому же с мебелью и прочими удобствами. Цена аренды умеренная, и тебе не придется ничего покупать. К тому же ты не будешь чувствовать себя такой одинокой здесь. В случае необходимости мы всегда сможем помочь тебе. Есть одно но: одна семья не может снимать это помещение дольше одиннадцати месяцев. Что скажешь?

Я не верила в свое счастье. Возможность остаться здесь еще на одиннадцать месяцев! Слишком хорошо, чтобы быть правдой! В этом предложении было много других преимуществ: детям не надо менять школу, мы получали отдельное жилье, а мне не нужно расставаться со своими ангелами-хранителями. Идеальная возможность снова стать хозяйкой в доме!

На новое место мы решили переехать после дня рождения Захарии. Празднование двухлетия Заха собрало вместе всех обитателей и работников центра. Окруженный воздушными шариками, накормленный пирожными

и с кучей подарков в придачу, он чувствовал себя королем. В этот день я увидела море лиц, светившихся счастьем, и поняла: тот, кто искренне помогает, может быть даже счастливее тех, кто получает помощь.

На следующий день мне помогли перебраться.

— В качестве подарка на новоселье я выбрала самое красивое постельное белье для детей. Пусть они почувствуют себя по-настоящему дома, — со слезами радости на глазах сказала Франса.

Квартира была замечательная — очень уютная, с необходимой посудой и техникой. Прекрасно, что нам не нужно было поспешно искать жилье: теперь мы получали возможность найти то, что нам действительно подойдет. Дети излучали здоровье, хотя в Квебеке было холодно, а мы еще не успели привыкнуть к подобной погоде.

Холод был нам нипочем, ведь нас согревало тепло сердец. Мы не голодали и чувствовали себя дома.

Нора устроилась на работу в кафетерий колледжа. Пока ей нравилось самой зарабатывать на жизнь, но она все же не теряла надежды закончить школу, как только представится возможность.

Шли дни, жизнь каждого члена семьи пришла в норму. Мелисса рассказывала о занятиях в школе, Нора тепло отзывалась о студентах, с которыми она сталкивалась во время работы. Элиас говорил о приятелях, а Риан был просто неиссякаем, когда рассказывал об Анне-Марии, воспитательнице, в которую он влюбился. Он заявил, что когда вырастет, обязательно женится на ней и станет ее принцем.

Что касается меня, то все свое время я проводила в основном с Захарией. Было холодно, поэтому мы нечасто выходили на улицу. Дни казались нескончаемыми. Раз в неделю я подменяла Каролину, **работницу центра.**

Раз в две недели я встречалась со своим куратором из службы социальной помощи, которая вела дела эмигрантов, ходатайствуя перед правительством в предоставлении им убежища. Эти встречи придавали мне уверенности в правильности моих действий и успехе. Во время последней встречи куратор, заметив, что я пала духом, посоветовала сходить к психологу. Она была уверена: прежде чем отправляться в суд с прошением о предоставлении убежища, надо избавиться от депрессии. Судья, принимая решение, всегда обращает внимание на психическое состояние просителя.

* * *

Чем больше я привязывалась к Монреалю и Квебеку, тем больше боялась того, каким будет решение иммиграционной службы. Я не могла и не хотела даже думать о депортации, настолько мне здесь нравилось. Мысль о том, что все наши усилия были напрасны, убивала меня.

Возвращение во Францию казалось мне крахом. Адвокат предупредила меня о том, что за получение гражданства надо будет побороться. По ее мнению, у нас было мало шансов на успех — ведь мы прибыли из Франции, страны с высоким жизненным уровнем.

Когда куратор сказала, что добилась для меня бесплатных посещений психолога в одной из больниц Монреаля, я вздохнула с облегчением, потому что сама понимала: мне нужна помощь.

Первый раз в жизни я шла на встречу с психологом. Она внушала мне доверие, общаться с ней было легко и приятно. Я рассказала ей о своей жизни, разочарованиях, о страхах, о прошлых страданиях и сегодняшних сомнениях. Она слушала, и я видела, что она понимает меня. Выговорившись, яс помощью психолога, мадам

Перрон, смогла восстановить энергию, растраченную на родителей и первого мужа. Я избавилась от постоянных страхов, следовавших за мной из Алжира. Теперь я была готова преодолевать новые препятствия.

Ко мне вернулась вера в себя, вера в тех, кто меня поддерживал: социального куратора, адвоката, работниц центра. Могла я рассчитывать и на помощь мадам Перрон: она предоставила по запросу судьи отчет, свидетельствующий в мою пользу. А мне она призналась:

— Я просто обречена тебе помочь.

Жить настоящим временем стало для меня основным лейтмотивом поведения. Я рассказала об этом дочерям, предложив им пользоваться благами, которые нам предоставила жизнь сейчас, не особо беспокоясь о будущем.

Хотела я или нет, но моим сыновьям пришлось вспомнить о злых бородачах, которые жили на их родине и собирались их убить, вспомнить о прежних страхах. Я просила сыновей рассказывать об этом, слушая, как они выражали свое негативное отношение к этим событиям. Они не желали возвращаться во французские приюты и гостиницы, особенно в *отель «Какашку»* — единственный эпизод в их рассказах, который вызывал всеобщее веселье. Они хотели остаться здесь и стать канадцами.

В письме, пришедшем на мое имя, сообщалось, что слушание в суде о предоставлении мне убежища в Канаде назначено на 10 октября, и это лишило меня сна.

Я рассказала о предстоящем слушании детям. Дочери понимали важность этого события, а близнецы не могли взять в толк, что же происходит.

— Зачем этот судья будет задавать нам вопросы? — спросил более смышленый Элиас.

— Он хочет знать, почему нам необходимо остаться в Канаде.

— Нам не нужно ему ничего объяснять, потому что мы уже канадцы. Мы у себя дома! — резонно заметил сын.

— Мы встретимся с ним только один раз и должны будем убедить его, что нам нужно остаться здесь, потому что только здесь мы чувствуем себя дома и в безопасности.

— А если он не захочет, чтобы мы оставались, куда мы поедем? К папе в Алжир или во Францию?

Слышать нотки отчаяния в его голосе было выше моих сил.

— Не переживай. Судья захочет, чтобы мы остались. Сегодня утром мне об этом сказал мой ангел-хранитель.

Вечером Мелисса, которой было больно смотреть на меня, сникшую и подавленную, предложила прогуляться по центру Монреаля. Я была против, но, немного подумав, решила, что нет ничего плохого в том, чтобы развлечься, как все нормальные люди. Лучше полюбоваться городом в вечерних огнях, чем сидеть и ждать, когда тебя выгонят из страны.

Чтобы дать мне возможность расслабиться, Нора сказала, что посидит с братьями. Мы с Мелиссой надели лучшие наряды, какие у нас были, и наложили макияж. Давно мы не были такими красивыми! Я волновалась, как девочка-подросток перед первым свиданием.

Перед выходом я еще раз посмотрела на себя в зеркало и раскрыла рот от удивления. В зеркале отражалась совершенно незнакомая мне женщина — красивая, соблазнительная, жизнерадостная и пышущая здоровьем. Улыбнувшись своему отражению, я отметила про себя, что именно такой я себе нравлюсь.

Подруга рассказала Мелиссе об арабской дискотеке, и мы отправились туда. Весь вечер мы танцевали под

ритмы и мелодии земли наших предков. Я подпевала, танцуя и подпрыгивая на месте без отдыха. Музыка вела меня, и я полностью отдалась чувствам. Все заботы исчезли как дым. Никогда раньше я так не развлекалась. Сначала Мелисса удивленно смотрела, как я танцую, но через пару минут присоединилась ко мне и повторяла все движения.

Около полуночи, уставшие, мы вышли на свежий воздух и решили немного прогуляться. На улицах царило оживление, но в то же время создавалось ощущение спокойствия: несколько спешащих куда-то прохожих, парочка держащихся за руки влюбленных, группка что-то громко обсуждающих подростков. И я в этом водовороте посреди ночи. Мне хорошо — я чувствовала себя в безопасности, я была свободна. Переходя на другую сторону невероятно широкого бульвара, я остановилась посреди проезжей части полюбоваться небоскребами — высокие, с несчетным количеством освещенных окон, они словно цеплялись за темное ночное небо... Какое счастье было стоять на улице в ночном городе и никого не бояться, зная, что не нужно подчиняться или отчитываться перед мужчинами, неважно перед кем — отцом, братьями, мужем, постоянно наблюдавшими за мной... Быть собой, не боясь, что скажут люди, забыть эти жуткие разговоры о бесчестье.

Я чувствовала себя свободной, такой свободной, что хотелось кричать об этом на весь мир: «Посмотрите на меня! На мне красивое платье. Я иду по улицам Монреаля среди ночи!» Ходить в красивом платье по Монреалю не являлось преступлением — это было нормальным явлением. От счастья я словно парила посреди улицы, впервые в жизни чувствуя себя по-настоящему свободной и красивой.

Мелисса тронула меня за руку.

— Мама, не стой посреди улицы! Ты попадешь под машину.

— Если я попаду под машину, то умру счастливой!

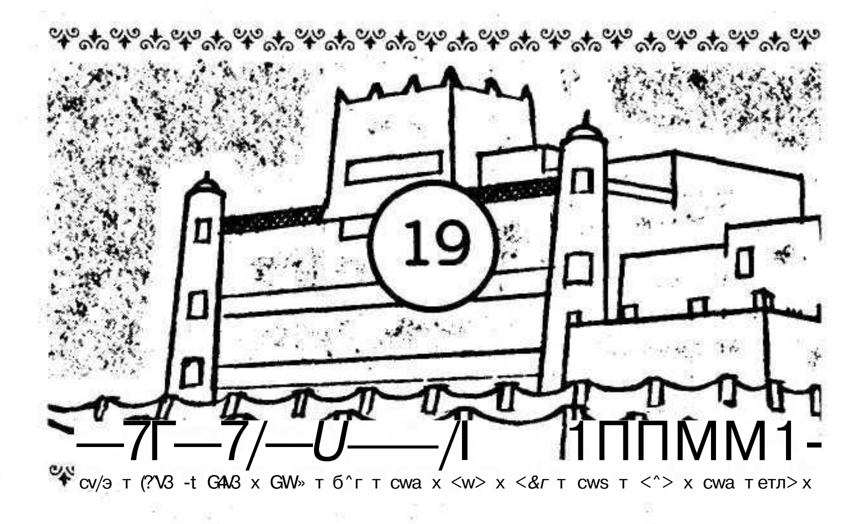
— Не говори так! Все будет хорошо, главное не опускать руки... Кстати, ты заметила, что я говорю словами, которые раньше не раз повторяла мне ты? Не сдавайся, ты нужна нам!

Этот знаменательный момент на улице ночного Монреаля навсегда запечатлелся в моей памяти. Обычная прогулка, чтобы развеяться, дала мне глоток свободы на будущее! Проделав долгий путь, я не ошиблась. Я приблизилась к цели, которая манила меня последние годы. Этой целью была свобода. Ни с чем не сравнимая привилегия, к которой должны стремиться женщины всех культур и национальностей.

Женщины, живущие в свободных странах, понимаете ли вы, как вам повезло? Не думаю. Для того чтобы по-настоящему оценить свободу, надо сначала не иметь ее.

Ненадолго мне удалось забыть о заботах и прогнать всех демонов. Этой ночью я спала спокойно, не думая о том, что принесет мне следующий пасмурный день.

Второе рождение

Выспавшись в удовольствие, я почувствовала себя расслабленной, но, увидев судебную повестку с датой 10 октября 2002 года, вскочила как ошпаренная и перечитала ее еще раз. Мой адвокат пригласила меня с Норой, чтобы обговорить все детали. По своему опыту она оценивала наши шансы на успех между тридцатью и сорока процентами, к тому же судья, назначенный рассматривать наше дело, имел репутацию беспощадного и очень строгого человека. За два года мой адвокат не выиграла ни одного дела из тех, которые рассматривал этот судья. Да и я сама не поставила бы на себя даже пары долларов.

Я знала, что именно будет поставлено мне в упрек — я приложила недостаточно усилий, чтобы получить защиту во Франции. Даже адвокат считала мои доводы неубедительными для судьи. Я же полагала, что на нашу долю выпало достаточно испытаний, и надеялась, что

мое прошение о предоставлении убежища в Канаде будет удовлетворено.

В этой ситуации мне могла помочь только моя счастливая звезда, если, конечно, она у меня когда-либо была. Нора была расстроена не меньше.

— Даже если шансы ничтожны, мы должны надеяться и делать все возможное, — говорила адвокат. — Я просто раскрыла перед вами все карты, чтобы не слишком вас обнадеживать. Может, увидев ваших детей, судья смягчится… Будем надеяться. И будьте уверены, я вас не оставлю.

При упоминании о детях по моей щеке покатилась слезинка. Неужели они не заслуживали счастья? До прибытия в Канаду их короткие жизни ничем, кроме как кошмаром, назвать было нельзя.

Но прощание мы заверили адвоката, что очень на нее рассчитываем. Она была тронута нашим признанием и еще раз пообещала сделать все, что в ее силах.

До заседания оставалось четыре дня. Я готовила детей к нему, объясняла, почему мы должны идти к мсье судье, который будет решать нашу судьбу. Я верила, что дети сделают все возможное, как тогда, по дороге в Квебек. Я внушала себе, что все-пройдет удачно.

Я много времени проводила в обществе Каролины. Она искренне сочувствовала мне. Случалось, слушая меня, она начинала плакать вместе со мной.

— Если бы я была судьей, Самия, я дала бы тебе добро, не раздумывая. Ты это заслужила, — не раз говаривала она мне. — Я оптимистка и уверена, что судья будет благосклонен к тебе.

У Каролины всегда были наготове слова утешения.

Дни перед заседанием тянулись ужасно медленно. Накануне я спросила совета у адвоката, мадам Вантурелли, как мне лучше одеться для суда.

— Я могу посоветовать тебе только одно, Самия, — оставайся собой! Надень то, что считаешь нужным, в чем тебе будет удобно. Я хочу, чтобы тебя не покидала надежда. Судья очень строгий, но он хороший человек. Твоя история не оставит его равнодушным,

Ночью я не сомкнула глаз. Лежала и вспоминала свою жизнь. Вспоминала себя девочкой, жившей с родителями, братьями, сестрой, потом молодой женщиной с Абделем и Хусейном. Вспоминала то, с каким волнением мы уезжали из Алжира, надеясь на лучшее. Я подытоживала период жизни, который предшествовал нашему приезду в Канаду. Я приняла правильное решение. Земля, которая нас встретила, — это место, которое мы так долго искали. Я думала о тех замечательных людях, которые столько для нас сделали, пока сон не сморил меня.

Поднялась я раньше всех и приготовила чудесный завтрак. Правда, ели только мальчики — ни у дочерей, ни у меня не было аппетита.

Каролина вызвалась нас сопровождать, а еще одна моя подруга, Соня — с ней я познакомилась в центре — обещала присоединиться'к нам к полудню. Мне нужен был кто-то на случай, если все кончится плохо. Когда мы выходили, весь персонал во главе с директрисой вышел пожелать мне удачи. Франса плакала. Мои друзья подбадривали меня.

— Скоро ты станешь настоящей канадкой! Вот увидишь!

Мы направились к зданию местного суда молча, с замиранием сердца, словно на оглашение гарантированного смертного приговора.

Адвокат встретила меня и справилась о здоровье.

— Не знаю, что сказать, но прошу избавить моих детей от этой мясорубки, в которую я сама их и впутала.

— Не переживай, мы победим, — подбодрила Нора.

В свою очередь адвокат посоветовала:

— Сохраняйте спокойствие и будьте искренней. Судья наверняка станет расспрашивать малышей. Они смягчат его сердце. Твои дети такие трогательные, Самия.

— Я сделаю все, чтобы его убедить. Для меня это так важно. Я хочу завоевать нашу свободу! Я хочу жить в мире и спокойствии с моими детьми!

— Тогда скажите ему об этом, — улыбнулась адвокат, указывая пальцем на приближающегося судью. — Вот он, вместе со своей помощницей, такой же строгой, как и он сам.

Странно, но этот человек показался мне довольно милым. А вот его ассистентка производила впечатление холодного и жесткого человека. Тем не менее я решила не торопиться с выводами. Я обратилась к девочкам, чтобы ощутить поддержку и воодушевить их.

— Главное не нервничать, у нас все получится! Судья и его помощница производят впечатление людей порядочных, знающих свое дело. Мы должны убедить их, насколько важно для нас остаться жить здесь.

Под присмотром Каролины мальчики развлекались в коридоре, не заботясь о происходящем. Тем лучше для них. Адвокат жестом указала на зал ожидания, куда дети отправились вместе с моей подругой.

Судья восседал во главе длинного стола, стоявшего посреди просторного присутственного зала. От этого крупного представительного вида мужчины веяло поразившей меня властностью. Но лукавый взгляд из-под очков и галстук-бабочка делали его более симпатичным в моих глазах.

Справа от него сидела ассистентка: неброский макияж, скромная прическа, темная строгая одежда классического

покроя — словом, невзрачная. Адвокат сказала мне, что ассистентка может задавать даже больше вопросов, чем сам судья. Ее задача — обнаружить фальшь, если таковая имеется. Поймав ее взгляд, я поняла: она сделает все, чтобы уличить меня во лжи. Я остерегалась, ожидая худшего с ее стороны. Может, это было только впечатление? Или на самом деле? Я не могла не доверять собственной интуиции.

Адвокат устроилась на другом краю стола, а я села между дочерьми, надеясь испытать прилив сил, которые начинали покидать меня. Казалось, что я — обвиненная в тяжких злодеяниях преступница, которая присутствует на собственном судебном процессе.

* * *

Спокойным, исполненным важности голосом судья открыл заседание. Он представился и попросил нас сделать то же самое. Адвокат четко назвала свое имя и профессию. Настала очередь моя и дочерей. Я сидела на стуле согнувшись, и когда судья обратился ко мне, я почувствовала, как по спине потекли холодные струйки пота.

— Мадам Рафик, я ознакомился с вашей историей, но хотел бы еще раз услышать ее лично от вас. Во времени вы не ограничены, мы вас слушаем.

Я должна была рассказать о своей жизни человеку, которого совсем не знала, но от которого зависела моя судьба и судьба моих детей. Совершенно чужой человек, которому я должна довериться. А как он относится к женщинам? Любит ли он детей? Я старалась не думать об этом, боясь потерять остатки хладнокровия.

Я глубоко вдохнула. Последние дни перед заседанием я не раз вспоминала всю свою жизнь и объясняла самой себе причины, почему я хочу остаться в Квебеке. У меня могло получиться. Как спортсменка-ныряльщица, кото-

рой предстояло сделать свой первый прыжок, я бросилась с трамплина. Я начала свой рассказ. Не без эмоций я описала характер каждого из моих родителей: абсолютную авторитарность отца, страдания маленькой мусульманской девочки, изгоя в своей семье. Я описала свадьбу по принуждению, плохое обхождение мужа. Рассказывая, как у меня отнимали первенца, я не могла сдержать слез. Я говорила о своем желании развестись с мужем и о гневе моих родителей, которые заточили меня и детей в кладовой, лишь бы я одумалась.

Мои слова лились свободно, как река, а я испытывала сильную жажду. Я осушила полный стакан воды, который поставили на столе передо мной. Судья и его помощница внимательно смотрели на меня, но их лица оставались непроницаемыми. Адвокат подбодрила меня приветливой улыбкой.

Потом я рассказала о своем втором браке с военным и о тех унижениях и угрозах, которые вскоре за этим последовали. Я описала экстремизм фанатиков, царящую в Алжире обстановку террора, чтобы получше обосновать решение бежать во Францию. Потом я рассказала о скитаниях в Париже ^решении эмигрировать в Канаду.

В тот момент говорила не я, говорило мое сердце. Я ничего не опустила, описывая унижения, оскорбления, угрозы, на которые мы были обречены, живя в постоянном страхе. Судья должен был понять, какие страдания выпали мне и детям и почему мы так рады оказаться в этой стране.

Я сделала паузу, переводя дух. В зале воцарилась тишина. Я чувствовала себя усталой и опустошенной. Судья взял инициативу в свои руки.

— Благодарю вас, мадам Рафик, у нас к вам есть несколько вопросов.

Я сцепила руки, чтобы чувствовать себя увереннее.

— Вы говорите, что у вас были очень строгие родители. Вам позволяли иметь подруг?

— Ни одна из моих подруг не бывала у меня в гостях. В школе у меня были подруги, но все вечера я проводила дома в одиночестве. Мне было запрещено ходить к кому бы то ни было.

Ассистентка судьи прочистила горло. Я поняла, что она собирается задать мне вопрос. Мои руки стали холодными как ледышки.

— Почему вы не потребовали развод перед тем, как решили предпринять первую попытку покинуть Алжир? Так бы у вас было больше шансов пересечь границу, — спросила она ледяным голосом, буравя меня взглядом.

— Я не могла требовать развод. В Алжире женщина не имеет права требовать развод!

— Тем не менее мне известны алжирки, которые потребовали развод и получили его.

— Хотелось бы с ними познакомиться. Увы, это невозможно. В Алжире ни одна женщина не получит развод, если этого не хочет супруг. И наоборот, мужчина может решить, разводиться или нет, не спрашивая об этом у своей супруги. Извините, но я с вами не согласна, — теряя контроль, ответила я.

— Я хочу поддержать свою клиентку, — вмешалась адвокат, чтобы положить конец дебатам. — Мой муж алжирец, и он рассказывал мне об обычаях, которые царят в той стране. Женщина в Алжире не может развестись без согласия своего супруга.

Вопросы сыпались без остановки — мне казалось, что они никогда не закончатся. Словно я бежала невероятно долгий марафон. Нужно быть собранной, чтобы правильно выражать мысли. Каждое слово могли истолковать неправильно и повернуть против меня самой. Прежде чем ответить, я каждый раз думала о детях, судьбы которых зависели от моей собранности. Их образы позволяли мне сконцентрироваться. Даже самая ничтожная ошибка могла все испортить.

В полдень объявили перерыв, и мы отправились перекусить. После длинной речи мое горло пересохло, а усталость валила с ног. Адвокат так и не смогла определить настроение судьи, настолько тот был непроницаем, но она подбадривала меня. Ее снова тронула моя история, поэтому она надеялась, что то же испытывал судья. Это воодушевило меня.

Не успели мы выйти из зала, как мальчики поспешили навстречу.

— Мама, а мсье судья разрешил нам остаться Канаде? — спросил Риан, как всегда, самый любопытный.

— Пока ничего не закончилось. Это только перерыв. После обеда продолжим.

— Я тоже хочу с ним поговорить. Я попрошу его быть добрым и позволить нам стать канадцами. Мне нравится моя воспитательница, и я не хочу расставаться с друзьями. Я скажу ему, что хочу остаться здесь навсегда.

— Я знаю, ты мой взрослый мальчик. Но нужно подождать, пока судья не позволит тебе говорить.

Он быстро задышал, выказывая нетерпение.

К Каролине уже присоединилась Соня. Под предлогом кончины родственника она выпросила у своего начальника отгул, чтобы быть рядом со мной. Мысль, что в столь важный момент рядом со мной подруги, наполняла мое сердце гордостью.

Я была так взволнована, что не могла есть. Зато выпила несколько стаканов сока, чтобы заглушить жажду. В какой-то момент я подумала о возможной неудаче, и на

глаза навернулись слезы. Но благодаря подругам, которые держали меня за руки, я быстро успокоилась. Именно это мне было нужно больше всего.

С одной стороны, я хотела, чтобы все поскорее закончилось, с другой — боялась вопросов судьи. К счастью, время обеда вышло, и мои противоречивые чувства отступили на второй план.

Слушание продолжилось. Перед тем как войти в зал, я по очереди поцеловала детей и подруг. Здесь, в зале, мое тело моментально покрывалось гусиной кожей, и только присутствие адвоката не позволило мне полностью расклеиться.

Судья потребовал привести детей. Они вошли в сопровождении Каролины, которая сразу же отступила к двери, украдкой показав мне знак, означающий победу. Видимо, она решила, что это позволит поддержать мой боевой дух.

Дети, казалось, были впечатлены видом господина, которого я наделяла такой важностью. Не понимая до конца, что все-таки происходит, они верили в серьезность происходящего.

Судья спросил у каждого имя и возраст. По очереди близнецы назвались, а Зах ничего не сказал — он просто стоял и, глядя на судью, улыбался, корчил рожицы; он не понимал, зачем его сюда привели.

Вдруг Риан потрогал бабочку у судьи, и тот, воспользовавшись моментом, взял мальчика на руки. В моей голове прозвенел колокольчик: «Этот человек любит детей!»

— Иди ко мне, малыш. У меня есть к тебе вопрос. Можешь рассказать мне, что произошло с тем злым бородачом в Алжире?

— Да, мсье. Этот человек был грязным и злым. У него был нож, который он приставил к моему горлу. Потом он сказал, что зарежет меня, как барашка.

— Вот как. А что было потом?

— А потом Элиас пришел меня спасти, потому что он сильнее. Мой брат настоящий Супермен! — сказал он, поглядев на Элиаса.

Услышав похвалу брата в свой адрес, Элиас поднялся и, ударив себя в грудь, заговорил. А почему нет, — наверное, рассудил он. Разве не он был настоящим героем истории?

— Мсье, это я его спас! Я дал бородачу пинка, а потом побежал за отцом, чтобы он помог нам и убил злого бородача.

— А что было дальше?

— Потом пришел мой отец. Он принес бомбу и кинул ее в бородача. Потом он кинул еще и еще. Семь бомб кинул, чтобы убить негодяя. Мой отец очень сильный. Он военный, у него есть оружие и бомбы.

Элиас выдумал собственную «правду». Я хотела вмешаться в рассказ сына, но судья дал мне знак молчать. Слушая его версию, все более и более деформированную, я начала плакать. Я понимала, что, рассказывая свою историю, Элиас хотел только поддержать меня. Может, он решил, что мы играем в новую игру? Но как отнесется к его выдумкам судья? Поймет ли он, что Элиас просто хочет, чтобы нас не выгоняли из страны?

Вместе со мной всхлипывали мои дочери, вызывая слезы у мадам Вантурелли и Каролины. Чтобы восстановить спокойствие в зале, судья попросил Каролину увести детей. В дверях Риан остановился и поглядел на судью, к которому проникся доверием, может быть, потому, что тот был мужчиной, а Риану так не хватало отцовского тепла.

— Я хочу навсегда остаться в Канаде. С моими братьями, сестрами и мамой. Пожалуйста, мсье, не выгоняйте нас отсюда, — попросил он.

Он посмотрел на меня и последовал за братьями, ожидавшими его снаружи. На мгновение мне показалось, что судья расчувствовался от этой детской непосредственности, но партия еще не выиграна.

Судья снова приступил к расспросам. Спокойно, насколько могла, я отвечала. Судью сменила ассистентка. Тоном обвинителя она просила назвать причины, по которым я не стала требовать защиты во Франции, а предпочла подвергнуться опасности сама и подвергнуть опасности своих детей, когда пересекала Атлантику с фальшивыми документами.

Она просто не понимала ситуации, в которой я оказалась во Франции. Прося защиты там, я рисковала: моих мальчиков могли вернуть их отцу, разделив мою семью навсегда. Неужели все, что я говорила с утра, не было услышано? Я натолкнулась на полное непонимание. Передо мной сидели двое бесчувственных людей, у которых вместо сердца был кодекс законов. Моя судьба ровным счетом ничего не значила. Усталость овладевала мною, делала уязвимой. Я уже не контролировала эмоции, поэтому говорила громко и не выбирая слов — я была уверена: терять мне нечего, Я не особо рассчитывала на понимание ими моего желания жить со своей семьей свободно, но умоляла принять во внимание мои страдания и особенно страдания моих детей. Подобно защищающей детенышей волчице, я выла от отчаяния и просила о милосердии. Если судья не пожелает сделать что-то для меня, пусть сделает это хотя бы для моих детей.

Судья объявил получасовой перерыв, чтобы дать мне время успокоиться. Опять пересохло горло, а под натиском нахлынувших эмоций я ощутила боль в груди. Я ни о чем не жалела, я не считала, что сказала что-то лишнее, а просто чувствовала себя окончательно измотанной.

Медленно мы перешли в зал ожидания. Я чувствовала, что силы покидают меня. Во второй раз сыновья справились о решении судьи. Во второй раз я ответила, что пока еще ничего не известно. Каролина, подбадривая меня, просила держаться.

— Я держусь. Если даже решение судьи будет не в нашу пользу, я буду знать, что сделала все возможное. Если он откажет нам, то только потому, что он бесчувственный человек, либо потому, что я переоценила свои страдания. Может быть, другие эмигранты больше заслуживают жить здесь.

Чувствуя, что я теряю веру в победу, Каролина прижала меня к себе.

— Если кто-то этого и заслуживает, так это, конечно, ты, Самия!

Милая Каролина, она всегда была рядом в нужный момент! Пока мы разговаривали, Соня сидела в углу и тоже плакала. Она не понаслышке знала о подобных процедурах, и несколько лет назад она сама прошла через подобное испытание.

Ко мне подошли дочери.

— Что бы ни случилось, я горжусь тобой, — сказала Мелисса. — Я восхищаюсь твоей силой и храбростью. Ты моя мать, и я горжусь, что я твоя дочь!

Нора смотрела на меня улыбаясь и кивала, подтверждая согласие с тем, что сказала сестра. Потом настала очередь адвоката.

— Самия, я настроена скорее оптимистически! Полагаю, судья согласится с вашими доводами.

Эти слова обрадовали меня, но я не спешила взлетать в небо от счастья — не хотела обнадеживаться.

В три часа сорок пять минут (я помню это, словно все случилось вчера) нас позвали в зал. Судья пригласил нас сесть.

— Мадам, я даю вам две минуты, чтобы высказаться в свою защиту и убедить меня. Я вас слушаю!

Итак, скоро все решится. Мои дочери не сводили с меня глаз. Они верили в меня и верили в нашу удачу, так же как и сыновья. Я еще раз глубоко вздохнула и начала:

— Мсье судья, все, что я рассказывала вам с самого начала, к сожалению, чистая правда. Если бы меня опять поставили в те же условия, перед тем же выбором, я поступила бы точно так же, поскольку убеждена, что это было лучшее решение, чтобы обрести свободу для себя и своих детей.

Судья повернулся к Мелиссе.

— Вы, Мелисса, можете что-то добавить?

— Да, мсье. Я прошу вас понять, для чего мы это сделали, и поверить моей маме. Она сказала вам правду! — сказала она и расплакалась.

— Теперь вы, Нора.

— Я… — Слезы медленно стекали по ее щекам, мешая ей говорить. — Я скажу... скажу,;что обычно просят Бога быть милостивым… но сегодня я прошу быть милостивым вас. Потому что именно вы сейчас держите в руках наши жизни. Я не прошу вас жалеть мою мать, мою сестру и меня. Пожалейте моих троих братишек. Они еще маленькие, но уже знают, что такое страдание.

Мы, включая адвоката, плакали.

Несколько секунд судья молча смотрел на меня.

— Мадам, большая часть вашего рассказа кажется мне правдивой, но к некоторым деталям я отнесся скептически. И тем не менее я уверен, что ваша жизнь была полна невзгод.

Он замолчал. В течение нескольких минут стояла тишина, и наконец торжественным голосом он огласил решение:

— Принимая во внимание выпавшие вам лишения, я наделяю вас правом остаться у нас. Добро пожаловать в Квебек, мадам. Вам и вашим детям!

Я не поверила своим ушам. Мои дочери подскочили от радости. Я повернулась к своему адвокату — та плакала от радости.

Инстинктивно я бросилась на шею судье и поцеловала его. То же сделали и мои дочери. Потом настала очередь ассистентки судьи, на которую я теперь смотрела другими глазами. Я любила этих людей, только что изменивших нашу жизнь. Я благодарила адвоката, которая столько для меня сделала. Я плакала, но это были первые подлинные слезы радости в моей жизни. Перед тем как уйти, я еще раз поблагодарила судью, заметив шутливым тоном:

— Мсье судья, не забудьте стереть следы губной помады, а то у вас будут проблемы, когда вы вернетесь домой.

— Я знаю одну алжирку, которая мне их сотрет, — с улыбкой парировал он.

Мы все засмеялись.

Мы поспешили в зал ожидания, чтобы объявить новость. Но в этом не было необходимости. Каролина с Соней сразу догадались, что мы победили.

— Я это знала, Самия! — воскликнула Каролина. — Судья должен был дать добро такому человеку, как ты!

Счастья тебе и твоим детям! Шесть будущих канадцев, от которых стране станет только лучше!

Наш смех и возгласы никого не оставили равнодушным. Люди, ожидавшие своей очереди, тоже принялись поздравлять нас. Лишь парочка завистников хранила молчание.

Мы пожелали всем удачи и посоветовали не терять надежды. Ничто не могло омрачить мое счастье.

10 октября стало днем моего второго рождения и навсегда останется важнейшим днем в моей жизни. Адвокат сказала, что следует еще получить все официальные бумаги, но, честно говоря, мне очень хотелось поскорее покинуть это место и вместе с детьми вернуться домой.

Да, теперь я могла сказать: *вернуться домой, вернуться к себе, это моя страна...* Эти слова согревали мое сердце. Я никому больше не завидовала. Мне не нужно было бояться, что меня вышвырнут из страны, которую я так обожала! Как хорошо было чувствовать себя дома!

Все сотрудники центра вышли поздравить меня. Поднявшись на лестничную площадку, я увидела большой плакат, повешенный над дверью, на котором по-французски было написано: *Добро пожаловать ко мне, в Канаду! Я счастлива, что теперь ты одна из моих граждан!* Какой это был теплый прием!

Некоторое время спустя мы нашли подходящее жилье. Постепенно, день за днем, дети стали забывать о бедах. Они счастливы, что стали гражданами Канады. У них появились друзья, а сыновья теперь говорят по-французски с квебекским акцентом.

Я желаю всем угнетенным женщинам в мире когда-нибудь почувствовать себя свободными и испытать счастье, которое испытала я. Я искренне верю, что все мои прошлые несчастья никогда не повторятся и впереди меня ждет много счастливых дней.

Стоила ли игра свеч? Да, я много страдала, но теперь я наслаждаюсь каждым мгновением той спокойной жизни, которую я заслужила. Я свободная женщина, и я полностью сознаю, что достойна этого. Когда-то я считала себя богатой, но на самом деле ничего у меня не было. Сегодня я бедна, но у меня есть свобода.

Я потеряла имущество, которое у меня было, чтобы получить то, чего никогда не имела.

Сегодня я живу размеренной жизнью вместе с семьей в скромной квартире в неблагополучном районе на западе Монреаля. Но ни за какие богатства мира я не вернусь в свой алжирский замок.

